

ДЕСЯТЬ ВЕКОВ ИСТОРИИ РОССИИ
ОТ УЧАСТНИКОВ
И ОЧЕВИДЦЕВ СОБЫТИЙ

РОССИЯ

АВТОБИОГРАФИЯ

СОСТАВИТЕЛИ
МАРИНА ФЕДОТОВА
КИРИЛЛ КОРОЛЕВ

Россия. Автобиография

«ЭКСМО»

Россия. Автобиография / «Эксмо»,

Эта книга, как и положено автобиографии, состоит из свидетельств очевидцев. Из этих воспоминаний и живых наблюдений становится совершенно ясно – пожалуй, никакая другая страна земного шара не имеет столь трагичной истории. И все же, вопреки всем испытаниям, Россия всякий раз выживала и ее история, неоднократно грозившая оборваться, продолжалась – и продолжается по сей день.

Содержание

Предисловие	7
Откуда пошла русская земля...	8
О происхождении мира и его явлений	12
Призвание варягов	15
Славяне глазами мусульманина	17
Поход Олега на Византию, 907 год	19
Смерть Игоря и месть княгини Ольги, 945 год	23
Сватовство императора Константина к Ольге и крещение княгини Ольги, 955 год	25
Войны и смерть Святослава, 969–972 годы	27
Испытание вер, 986 год	30
Низвержение идолов	33
Смерть князей Бориса и Глеба, 1015 год	35
Похвала князю Ярославу и книгам, 1037 год	38
Смерть князя Ярослава и его наставление детям своим, 1054 год	40
«Правда Ярославичей», 1072 год	41
Берестяные грамоты, XI – рубеж XII в.	44
Начало монашества на Руси, основание Киево-Печерской лавры, 1070-е годы	46
Нашествие половцев, 1068 год	49
Ослепление Василька Тербовольского, 1097 год	51
Поход на половцев, 1103 год	54
Поучение Владимира Мономаха, 1125 год	56
Смерть Андрея Боголюбского, 1175 год	58
Поход Игоря на половцев, 1185 год	61
Междоусобицы на Руси	66
Битва новгородцев с суздальцами, 21–22 апреля 1216 года	68
Битва на реке Калке, 31 мая 1223 года	73
Взятие Батыем Рязани, 1237 год	76
Александр Невский и его победы, 1240–1242 годы	80
Восстание в Твери против Чол-хана, 1327 год	83
Куликовская битва, 8 сентября 1380 года	85
Сожжение Москвы, 1382 год	88
Поход на Русь Тамерлана, 1395 год	92
Нашествие Едигея, 1408–1409 годы	95
Хождение за три моря, 1468–1475 годы	98
Битва на реке Шелони, 1471 год	102
Возведение в Москве церкви Святой Богородицы, 1472 год	108
Конец татаро-монгольского ига: стояние на Угре, 1480 год	109
Ересь жидовствующих, 1489 год	112
Судебник Ивана III, 1497 год	117
Москва – третий Рим, 1523–1524 год	118
Россия накануне правления Ивана Грозного	120
О юности Ивана Грозного, 1540-е годы	123
Присоединение Казанского ханства, 1552 год	126
Повседневная жизнь при Иване Грозном, середина XVI века	136

7. Как царя и князя чтить и повиноваться им во всем,ви всякому властителю покоряться, и правдою служить им вовсем, и большим и малым, и скорбным и немощным, всякомуувчеловеку, кто бы он ни был, и себе самому вдуматья в это	137
13. Как в церкви мужу и жене молиться, чистоту хранить и никакого зла не творить	138
15. Как детей своих воспитать в поучении и страхе Божьем	139
17. Как детей учить и страхом спасать	140
20. Похвала женам	141
24. О неправедной жизни	142
29. Учить мужу свою жену, как Богу угодить, и к мужу своему приноровиться, и как свой дом лучше устроить, и всякий домашний порядок и рукоделье всякое знать, и слуг учить и самой трудиться	143
32. Всякий порядок домашний содержать	144
36. Женам наказ о пьянстве и о хмельном питье, и слугам также, и о том, чтобы тайком не держать ничего нигде, а клевете и обману слуг без проверки не верить; как их строгостью наставлять, да и жену также, и как в гостях находиться и дома себя вести во всем правильно	145
Начало книгопечатания, 1564 год	146
Иван Грозный и князь Курбский, 1564–1579 годы	149
Первое послание Курбского	150
Первое послание Ивана Грозного Курбскому	151
Второе послание Курбского	153
Второе послание Ивана Грозного Курбскому	154
Опричнина, 1565–1572 годы	155
Битва при селе Молоди, 26 июля – 3 августа 1572 года	161
О царствовании Иоанна Грозного, 1575 год	163
Осада Пскова Стефаном Баторием, 1581–1582 годы	167
Походы Ермака, 1581–1585 годы	171
Царь Федор Иоаннович, 1584–1589 годы	176
Убийство царевича Дмитрия, 1591 год	178
Из допроса Михаила Нагого	179
Из допроса Григория Нагого	180
Из допроса няньки царевича Василисы Волоковой	181
Из допроса Андрея Нагого	182
Из царского указа о следствии по смерти Дмитрия	183
О восшествии Годунова на престол и его правлении, 1598–1605 годы	185
Возвышение Лжедмитрия, 1604 год	187
Конец ознакомительного фрагмента.	189

РОССИЯ
Автобиография
Составители

Марина Федотова, Кирилл Королев

Моим родителям, Марии Васильевне и Михаилу Михайловичу, научившим меня дышать
Россией

Предисловие

Историю пишут очевидцы.

Свидетельства непосредственных участников и наблюдателей тех или иных событий, свидетельства, записанные по горячим следам, свидетельства неприукрашенные, живые, личные, если угодно, способны поведать куда больше и передать дух эпохи куда точнее, нежели многотомные фолианты исторических исследований.

История любой страны делится на теоретическую, реконструируемую по данным археологии, географии, климатологии, лингвистики, прочих наук, и практическую, фактическую, засвидетельствованную очевидцами.

Эта книга посвящена фактической истории России.

О «темных временах» нашего прошлого, о той поре, когда начинала складываться восточнославянская общность, когда стали заселяться земли восточнее Вислы, Днестра и Буга, мы достоверно не знаем почти ничего. Фактическая история России начинается с IX века, то есть насчитывает приблизительно 1200 лет.

Этот промежуток времени вместил в себя грандиозные свершения – Киевская Русь, Петровская Россия, золотые века Елизаветы и Екатерины II, переустройство целого мира в советский период – и не менее грандиозные потрясения: татаро-монгольское иго, опричнина, раскол, кровопролитные войны, репрессии и революции. Из этих свершений и потрясений, великих и малых, радостных и горьких, бескровных и кровавых, возникла та Россия, в которой нам выпало жить, та, о которой замечательно сказал когда-то Ф. И. Тютчев:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить,
У ней особенная стать...

Эта книга, как и положено автобиографии, состоит из свидетельств очевидцев, следующих друг за другом в хронологическом порядке и в историческом контексте. Из этих воспоминаний и живых наблюдений становится совершенно очевидно – прошлое России во многом писано кровью; пожалуй, никакая другая страна земного шара не имеет столь трагичной истории. (Нередко доставалось и очевидцам; по меткому слову В. С. Высоцкого: «Ясновидцев, впрочем, как и очевидцев, во все века сжигали люди на кострах».) И все же, вопреки всем испытаниям, трудностям и социальным экспериментам, Россия, единственное в мире государство, расположенное на двух континентах, всякий раз выживала, поднималась и обретала силу, и ее история, неоднократно грозившая оборваться, продолжалась.

Конечно, эта книга – как и любая другая – не в состоянии охватить историю России во всей ее полноте и не ставит себе такой цели, а потому она субъективна: история страны в ней описывается в ключевых моментах, а последние определялись составителями, взявшими на себя подобную смелость (в конце концов, всяк видит собственную версию прошлого – повторяя Б. Ш. Окуджаву, «каждый пишет, как он дышит»). Мы «дышим» той Россией, которая будет говорить с читателем со страниц этой книги.

Итак, слово России.

Кирилл Королев,

Санкт-Петербург, январь 2009 г.

Откуда пошла русская земля... Повесть временных лет

Древнейший из сохранившихся до наших дней летописный свод – «Повесть временных лет». Сама летопись восходит к XII веку, а датированная история Руси начинается в ней с 852 года (десятилетие спустя солунские братья, монахи Кирилл и Мефодий создали на основе греческого алфавита для славян азбуку – кириллицу); о том же, что было прежде, составители летописи – а легендарный Нестор, монах Киево-Печерского монастыря, лишь последний из длинного ряда тех, кто трудился над сводом, – писали, перелагая предания, народные песни и устные исторические сказания.

Так или иначе, «Повесть временных лет» – основной источник наших сведений о ранней истории русов, и потому именно из нее взят отрывок, рассказывающий о том, как славяне пришли с Дуная в восточные земли.

После потопа трое сыновей Ноя разделили землю: Сим, Хам, Иафет. И достался восток Симу: Персия, Бактрия, даже и до Индии в длину, а в ширину до Ринокорура, то есть от востока и до юга, и Сирия, и Мидия до реки Евфрат, и Вавилон, Кордуна, ассирияне, Месопотамия, Аравия Старейшая, Елмаис, Индия, Аравия Сильная, Кулия, Коммагена, вся Финикия.

Хаму же достался юг: Египет, Эфиопия, соседящая с Индией, и другая Эфиопия, из которой вытекает река эфиопская Красная, текущая на восток, Фивы, Ливия, соседящая с Киринией, Мармария, Сирты, другая Ливия, Нумидия, Масурия, Мавритания, находящаяся напротив Гадира. На востоке же находятся Киликия, Памфилия, Писидия, Мисия, Ликаония, Фригия, Камалия, Ликия, Кария, Лидия, другая Мисия, Троада, Эолида, Вифиния, Старая Фригия. Туда же относятся и острова некие: Сардиния, Крит, Кипр, и река Геона, называемая Нил.

Иафету же достались северные страны и западные: Мидия, Албания, Армения Малая и Великая, Каппадокия, Пафлагония, Галатия, Колхида, Боспор, меоты, дереви, сарматы, тавриане, Скифия, фракийцы, Македония, Далмация, молоссы, Фессалия, Локрида, Пеления, именуемая также Пелопоннес, Аркадия, Эпир, Иллирия, славяне, Лухития, Адриакция, Адриатическое море. Достались и острова: Британия, Сицилия, Эвбея, Родос, Хиос, Лесбос, Кифера, Закинф, Кефалония, Итака, Корфу, часть Азии, называемая Иония, и река Тигр, текущая между Мидией и Вавилоном, до Понтийского моря, на север, Дунай, Днестр и Кавкасийские горы, то есть Венгерские, и оттуда, скажем, до самого Днепра, и прочие реки: Десна, Припять, Двина, Волхов, Волга, которая течет на восток в часть Симову. В Иафетовой же части обитает русь, чудь и всякие народы: меря, мурома, весь, мордва, заволочская чудь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимигола, корсь, летгола, ливы. Поляки же и пруссы, и чудь сидят близ моря Варяжского. По этому же морю сидят варяги: отсюда к востоку – до пределов Симовых, сидят по тому же морю и к западу – до земли Английской и Волошской.

Потомство Иафета также: варяги, шведы, норманны, готы, русь, англы, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, фряги и прочие, – они примыкают на западе к южным странам и соседят с племенем Хамовым.

Сим же, и Хам и Иафет, разделив землю и бросив жребий, чтобы не вступать никому в удел брата, жили каждый в своей части. И был единый народ. И когда умножились люди на земле, то замыслили они создать столп до неба в дни Нектана и Фалека. И собрались на месте поля Сенаар строить столп до неба и около него город Вавилон; и строили столп тот сорок лет, и не завершён был. И сошел Господь Бог видеть город и столп, и сказал Господь: «Вот род один и язык один». И смешал Бог народы, и разделил на семьдесят и два народа, и рассеял по всей

земле. По смешении же народов Бог ветром великим разрушил столп; и есть остатки его между Ассирией и Вавилоном, и имеют в высоту и в ширину 5433 локтя, и много лет сохраняются эти остатки.

По разрушении же столпа и по разделении народов приняли сыновья Сима восточные страны, а сыновья Хама – южные страны. Иафетовы же сыновья приняли запад и северные страны. От этих же семидесяти и двух народов произошел и народ славянский, от племени Иафета – так называемые норрики, которые и есть славяне.

Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. И те славяне разошлись по земле и назвались именами своими от мест, на которых сели. Как придя, сели на реке именем Морава, так назвались морава, а другие назвались чехи. А вот те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян дунайских, то поселились среди них и стали притеснять их. Славяне же другие пришли и сели на Висле и прозвались поляками, а от тех поляков пошли поляне, другие поляки – лютичи, иные – мазовшане, а иные – поморяне.

Также эти же славяне, придя, сели по Днепру и назвались полянами, а другие – древлянами, потому что сели в лесах, а другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, именуемой Полота, от нее и прозвались полочане. Те же славяне, которые сели около озера Ильмень, назывались своим именем, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле и назвались северянами. И так распространился славянский народ, а по его имени и грамота назвалась славянской.

Когда же поляне жили сами по себе на горах этих, тут был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра – волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера впадает в море Варяжское. И по тому морю можно дойти даже до Рима, а от Рима можно прийти по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда прийти в Понт-море, в которое впадает Днепр-река. Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина из того же леса течет и идет к северу, и впадает в море Варяжское. Из того же леса течет Волга на восток и впадает семьдесятю устьями в море Хвалиское. Поэтому из Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвалисы и на восток пройти в удел Сима, а по Двине – к варягам, а от варягов до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днепр впадает в Понтийское море тремя устьями; это море именуемо Русским, – по берегам его учил святой Андрей, брат Петра.

Как говорят, когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуни устье Днепра, и захотел пойти в Рим, и проплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром, встав, сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? Так на этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей». И взойдя на горы эти, благословил их и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии будет Киев, и пошел вверх по Днепру. И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей – каков их обычай и как моются и хлещутся, и подивился на них. И пошел к варягам, и пришел в Рим, и поведал о том, скольких научил и кого видел, и рассказал им: «Диво видел я в Славянской земле, когда шел сюда. Видел бани деревянные, и натопят их сильно, и разденутся и будут наги, и обольются мытьем, и возьмут веники, и начнут хлестаться, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это постоянно, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и то творят не мытьем себе, а <...> мученье». Те же, слышав, удивлялись; Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп.

Поляне же жили в те времена сами по себе и управлялись своими родами; ибо и до той братии были уже поляне, и жили они все своими родами на своих местах, и каждый управлялся

самостоятельно. И были три брата: а один по имени Кий, а другой – Щек, а третий – Хорив, и сестра их – Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, отчего и названа Хоривицей. И построили город и в честь старшего своего брата дали имя ему Киев. Был вокруг города лес и бор велик, и ловили там зверей, а были люди те мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне – киевляне и доньне.

Некоторые же, не зная, говорили, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев». Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А этот Кий княжил в роде своем, и когда ходил он к цесарю, <какому> – не знаем, но только то знаем, что, как говорят, великих почестей удостоился тогда от цесаря, какого – не знаю, к которому он приходил. Когда же возвращался, пришел он к Дунаю, и облюбывал место, и срубил городок небольшой, и хотел сесть в нем со своим родом, да не дали ему живущие окрест; так и доньне называют придунайские жители городище то – Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и окончил жизнь свою; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались.

И после этих братьев стал род их княжить у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у славян в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане. От этих последних произошли кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город – Смоленск; именно там сидят кривичи. От них же происходят и северяне. А на Белом озере сидит весь, а на Ростовском озере – меря, а на Клещине озере сидит также меря. А по реке Оке – там, где она впадает в Волгу, свой народ – мурома, и черемисы – свой народ, и мордва – свой народ. Вот кто только славянские народы на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сидели по Бугу, а затем ставшие называться волынянами.

А это другие народы, дающие дань Руси: чудь, весь, меря, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливы, – эти говорят на своих языках, они от колена Иафета и живут в северных странах.

Когда же славянский народ, как мы говорили, жил на Дунае, пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары, и сели по Дунаю, и были поселенцами на земле славян. Затем пришли белые угры и заселили землю славянскую, прогнав волохов, и овладели землей славянской. Угры эти появились при цесаре Ираклии, они и воевали с Хосровом, персидским царем. Были в те времена и обры, воевали они с цесарем Ираклием и чуть было его не захватили. Эти обры воевали и против славян, и притесняли дулебов – также славян, и творили насилие женщинам дулебским: бывало когда поедет обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трех, или четырех, или пять женщин и везти обрина, и так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, а умом горды, и Бог истребил их, вымерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и доньне: «Погибли как обры», – их же не осталось ни рода, ни потомства. После обров пришли печенеги, а затем прошли черные угры мимо Киева, но было это после, уже при Олеге.

Поляне же, жившие сами по себе, как мы уже говорили, были из славянского рода и назвались полянами, и древляне произошли от тех же славян и назвались древляне; радимичи же и вятичи – от рода поляков. Были ведь два брата у поляков – Радим, а другой – Вятко. И пришли и сели: Радим на Сожи, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи. И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне волыняне, а уличи и тиверцы сидели по Бугу и по Днепру и возле Дуная. Было их множество: сидели по Бугу и по Днепру до самого моря, и сохранились города их и доньне; и греки называли их «Великая скифь».

Все эти племена имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, каждое – свои обычаи. Поляне имеют обычай отцов своих тихий и кроткий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, и матерями; и снохи перед свекровьями своими и перед деверями великую стыдливость имеют; соблюдают и брачный обычай: не идет жених за невестой, но приводят ее накануне, а на следующий день приносят что за нее дают. А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как и все звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по стовору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах по дорогам, как делают и теперь еще вятичи. Этому же обычаю держались и кривичи, и прочие язычники, не знающие закона Божьего, но сами себе устанавливающие закон.

Таковы были представления о ранней истории славян и о том, «откуда пошла русская земля», в среде «образованных русичей», прежде всего монахов. Следует сказать, что Нестор, перерабатывая один из первых сводов «Повести временных лет» – так называемый Начальный свод, – приложил немало усилий к тому, чтобы включить историю Руси в рамки традиционной христианской историографии (так поступали и другие монастырские летописцы и хронисты в других странах – например, Григорий Турский, автор «Истории франков», и Гальфрид Монмутский, автор «Истории бриттов»). Нестор, в свою очередь, использовал переводную византийскую хронику – Хронику Георгия Амартола, в которой излагалась всемирная история от сотворения мира и до середины X века, – отсюда и предание о сыновьях Ноя, и упоминание о Вавилонском столпотворении, и ссылка на апостола Андрея.

Народные представления о происхождении мира в целом, и на Руси в частности, разумеется, были намного красочнее; в них отчетливо ощущалось языческое мировоззрение, пусть и под влиянием христианства. Это мировоззрение находило свое выражение в устном поэтическом творчестве.

О происхождении мира и его явлений Голубиная книга

Самый известный образец народного творчества славян – «Голубиная (или Глубинная – от глубины премудрости) книга сорока пядень», составленная «каликами переходжими», то есть бродячими сказителями, на основе распространенных апокрифических сюжетов. Безусловно, этот духовный стих – сочинение достаточно позднее, что подтверждается многочисленными христианскими аллюзиями, однако в нем совершенно очевидны языческие мотивы, восходящие, вероятно, к индоевропейскому мифу о творении (схожие сюжеты встречаются в древнеиндийской мифологии, в мифологии древних иранцев, у германцев и скандинавов и т. д.).

Автор «Истории русской церкви» митрополит Макарий писал об этом сочинении: «Из числа духовных песен, сбереженных русским народом, наиболее важное значение принадлежит стиху о Голубиной книге, в котором что ни строка – то драгоценный намек на древнее мифическое представление... Суеверные сказания, передаваемые стихом о Голубиной книге, составляют общее достояние всех индоевропейских народов, находят свое оправдание в истории языка и совершенно совпадают с древнейшими мифами индусов и с показаниями Эдды: свидетельство в высшей степени знаменательное! Происхождение их, очевидно, относится к арийскому периоду, и рукописные памятники могли только подновить в русском народе его старинные воспоминания...»

«Голубиная книга» цитируется по сборнику Кириши Данилова.

Проговорит премудры царь,
Премудры царь Давыд Евсеевич:
«Вы сорок царей со царевичем,
А и сорок королей с королевичем,
И вы сорок калик со каликою,
И все сильны могучи богатыри!
Голубина книга не малая,
А голубина книга великая:
В долину книга сорока пядей,
Поперек та книга двадцети пядей,
В толщину та книга тридцети пядей,
На руках держать книгу – не удержать,
Читать книгу – не прочести.
Скажу ли я вам своею памятью,
Своею памятью, своей старою,
От чего зачался наш белой свет,
От чего зачался со(л)нцо праведно,
От чего зачался светел месяц,
От чего зачалася заря утрення,
От чего зачалася и вечерняя,
От чего зачалася темная ночь,
От чего зачались часты звезды.
А и белой свет – от лица божья,
Со(л)нцо праведно – от очей его,
Светел месяц – от темичка,
Темная ночь – от затылечка,

Заря утренняя и вечерняя – от бровей божьих,
Часты звезды – от кудрей божьих!»
Все сорок царей со царевичем поклонилися,
И сорок королей с королевичем бьют челом,
И сорок калик со каликою,
Все сильныя-могучия богатыри.
Проговорит Волотомон-царь,
Волотомон-царь Волотомович:
«Ты премудры царь Давыд Евсеевич!
Ты скажи, пожалуй, своею памятью,
Своею памятью стародавнюю:
Да которой царь над царями царь?
Котора моря всем морям отец?
И котора рыба всем рыбам мати?
И котора гора горам мати?
И котора река рекам мати?
И котора древа всем древам отец?
И котора птица всем птицам мати?
И которой зверь всем зверям отец?
И котора трава всем травам мати?
И которой град всем градом отец?»
Проговорит премудры царь,
Премудры царь Давыд Евсеевич:
«А небесной царь – над царями царь,
Над царями царь, то Иисус Христос;
Акиян-море – всем морям отец.
Почему он всем морям отец?
Потому он всем морям отец, —
Все моря из него выпали
И все реки ему покорилися.
А кит-рыба – всем рыбам мати.
Почему та кит-рыба всем рыбам мати?
Потому та кит-рыба всем рыбам мати, —
На семи китах земля основана.
Ердань-река – рекам мати.
Почему Ердань-река рекам мати?
Потому Ердань-река рекам мати, —
Крестился в ней сам Иисус Христос.
Сионская гора – всем горам мати, —
Ростут древа кипарисовы,
А берется сера по всем церквам,
По всем церквам место ладону.
Кипарис-древа – всем древам отец.
Почему кипарис всем древам отец?
Потому древам всем отец, —
На нем распят был сам Иисус Христос,
То небесной царь.
Мать Божья плакала Богородица,
А плакун-травой утиралася,

Потому плакун-трава всем травам мати.
Единорог-зверь – всем зверям отец.
Почему единорог всем зверям отец?
Потому единорог всем зверям отец, —
А и ходит он под землю,
А не держут ево горы каменны,
А и те-та реки ево быстрыя;
Когда выдет он из сырой земли,
А и ищет он сопротивника,
А тово ли люта льва-зверя;
Сошлись оне со львом во чистом поле,
Начали оне, звери, драться:
Охота им царями быть,
Над всемя зверями взять болынину,
И дерутся оне о своей большине.
Единорог-зверь покоряется,
Покоряется он льву-зверю,
А и лев подписан – царем ему быть,
Царю быть над зверями всем,
А и хвост у него колечиком.
(А) нагой-птица – всем птицам мати,
А живет она на акиане-море,
А вьет гнездо на белом камене;
Набежали гости карабельщики
А на то гнездо нагай-птицы
И на ево детушак на маленьких,
Нагай-птица вострепенется,
Акиан-море восколыблется,
Кабы быстры реки разливались,
Топят много бусы-корабли,
Топят много червленя корабли,
А все ведь души напрасныя.
Ерусалим-град – всем градам отец.
Почему Иерусалим всем градам отец?
Потому Ерусалим всем градам отец,
Что распят был в нем Исус Христос,
Исус Христос, сам небесной царь,
Опричь царства Московскаго».

Этот миф о происхождении мира, подобно христианской родословной народов, изложенной Нестором, тесно увязывал историю Руси с историей человечества в целом. Однако немало было и таких исторических мифов, которые обособляли русов от других народов и племен. Вероятно, важнейшим из подобных мифов для истории русского народа является предание о призвании варягов.

Призвание варягов Повесть временных лет

Скандинавия – страна варягов – намного раньше своей географической соседки оказалась освоенной и обустроенной, и потому вряд ли удивительно, что первые попытки создания русской государственности связаны с приглашением иноземных правителей именно из Скандинавии. Конечно, достоверных сведений о том, что такое приглашение состоялось на самом деле, не имеется (скандинавские хроники не содержат сведений о Рюрике), однако в Средние века привлечение военных наемников для наведения порядка широко практиковалось по всей Европе, да и сильное скандинавское влияние на Древнюю Русь, прежде всего на ее север, неоспоримо. Быть может, легендарный Рюрик, как утверждают противники северной (норманнской) теории, – фигура и вправду мифическая, однако не подлежит сомнению существование скандинавского поселения в Старой Ладоге и так называемого Рюрикова городища под Новгородом, причем в последнем обнаружены остатки княжеского терема. «Скандинавский след» найден и в других поселениях на пути «из варяг в греки» – в Сарском под Ростовом, в Тимерева под Ярославлем и т. д. Иными словами, даже если фактического призвания варягов в правители и не было, скандинавы несомненно причастны – и в значительной степени – к ранней истории Руси.

В год 862. И изгнали варягов за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали: «Поищем сами себе князя, который бы владел нами и рядил по ряду и по закону». Пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные – норманны и англы, а еще иные готы – вот так и эти. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли прежде всего к славянам. И поставили город Ладогу. И сел старший, Рюрик, в Ладогe, а другой, Синеус, – на Белом озере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть один Рюрик, и пришел к Ильменю, и поставил город над Волховом, и назвал его Новгород, и сел тут княжить, и стал раздавать мужам своим волости и города ставить – тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах – находники, а коренные жители в Новгороде – славяне, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Белоозере – весь, в Муроме – мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик.

И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: «Чей это городок?» Те же ответили: «Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили город этот и сгинули, а мы тут сидим, родичи их, и платим дань хазарам». Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде. <...>

В год 866. Пошли Аскольд и Дир на греков и пришли к ним в четырнадцатый год царствования Михаила. Цесарь же был в это время в походе на агарян, дошел уже до Черной реки, когда епарх прислал ему весть, что Русь идет на Царьград, и возвратился цесарь. Эти же вошли внутрь Суда, множество христиан убили и осадили Царьград двумястами кораблей. Цесарь же с трудом вошел в город и всю ночь молился с патриархом Фотием в церкви святой Богородицы Влахернской, и вынесли они с пением божественную ризу святой Богородицы и погрузили в реку. Была в это время тишина и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с вет-

ром, и встали огромные волны, и разметало корабли безбожной Руси, и прибило их к берегу, и переломало, так что немногим из них удалось спастись от этой беды и вернуться домой. <...>

В год 879. Умер Рюрик и передал княжение свое Олегу – родичу своему, отдав ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень молод. <...>

В год 882. Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов своих: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и овладел городом Смоленском, и посадил в нем своего мужа. Оттуда отправился вниз и, придя, взял Любеч, и также посадил мужа своего. И пришли к горам киевским, и увидел Олег, что княжат тут Аскольд и Дир, спрятал он воинов в ладьях, а других оставил позади, а сам приступил, неся отрока Игоря. И подошел к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что-де «мы купцы, идем в Греки от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим». Когда же Аскольд и Дир пришли, выскочили все из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода», и вынесли Игоря: «А это сын Рюрика». И убили Аскольда и Дира, отнесли на гору и погребли <Аскольда> на горе, которая называется ныне Угорской, где теперь Ольмин двор; на той могиле Ольма поставил церковь святого Николая; а Дирова могила – за церковью святой Ирины. И сел Олег княжить в Киеве, и сказал Олег: «Да будет это мать городам русским». И были у него славяне, и варяги, и прочие, прозавшиися русью. Тот Олег начал ставить города и установил дани славянам и кривичам, и мери и установил варягам давать дань от Новгорода по триста гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава.

Олег и Игорь – эти имена воспринимаются сегодня как исконно русские, но на самом деле они ведут свое происхождение от скандинавских мужских имен Хельги и Ингвар, как и имя Ольга (от женского варианта имени Хельги – Хельга). Здесь, по крайней мере, скандинавское влияние оспаривать бессмысленно.

Промежуточное положение Руси на торговом пути «из варяг в греки» в немалой степени способствовало развитию этой территории. В скандинавских хрониках, заметим, Русь называлась Гардарикой – «Государством поселений». Кроме того, Русь находилась и на торговых путях «из варяг в болгары» и «из варяг в персы», то есть из Европы к хазарам и в арабский мир. В той же Ладоге найдено немало кладов с арабскими дирхемами, древнейший из которых датируется 786 годом. По этим торговым путям вместе с купцами двигались и первые «профессиональные путешественники», предшественники Афанасия Никитина, желавшие воочию познать красоту мира.

Славяне глазами мусульманина Абу-Али Ахмед ибн-Омар ибн-Даст

Среди мусульманских авторов, описывавших славянские земли, наиболее известны аль-Масуди и Ибн-Фадлан. Первый, прозванный «арабским Геродотом», писал о Руси, вероятно, с чужих слов, зато второй совершенно точно побывал в Восточной Европе – в составе арабского посольства, направленного через Бухару и Хорезм в Волжскую Булгарию, где и повстречал русов. Ибн-Даст также видел русов собственными глазами; что любопытно, в своем сочинении он четко отделяет русов от славян, о чем свидетельствует, в частности, само название его книги – «Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах».

Между страной Баджнаков и страной Славян расстояние 10 дней. В самом начале границы страны Славян находится город по имени Куяб (Киев. – *Ред.*). Путь в их страну идет по степям, по землям бездорожным, через ручьи и дремучие леса. Страна Славян – страна ровная и лесистая, в лесах они и живут. Они не имеют ни виноградников, ни пашен. Из дерева выделывают они род кувшинов, в которых находятся у них и ульи для пчел, и мед пчелиный собирается. Это называется у них сидж, и один кувшин заключает в себе около 10 кружек его. Они пасут свиней наподобие овец.

Когда умирает кто-либо из них, они сжигают труп его. Женщины их, когда случится у них покойник, царапают себе ножом руки и лица. На следующий день по сожжении покойника отправляются на место, где оно происходило, собирают пепел и кладут его в урну, которую ставят затем на холм. Через год после смерти покойника берут кувшинов двадцать меду, иногда несколько больше, иногда несколько меньше, и несут их на холм, где собирается семейство покойного, едят, пьют и затем расходятся. Если у покойника было три жены и одна из них утверждает, что она (особенно) любила его, то приносит она к трупу его два столба и вбивают их стоймя в землю, потом кладут третий столб поперек, привязывают посреди этой перекладины веревку, становится на скамью и конец этой веревки завязывает вокруг своей шеи. Когда она так сделала, скамья принимается из-под нее и она остается повисшею, пока не задохнется и не умрет, а по смерти ее бросают в огонь, где она и сгорает.

Все они идолопоклонники. Более всего сеют они просо. Во время жатвы берут они просяные зерна в ковше, поднимают их к небу и говорят: «Господи, ты, который снабжал нас пищей (до сих пор), снабди и теперь нас ею в изобилии».

Есть у них разного рода лютни, гусли и свирели. Их свирели длиною в два локтя, лютня же их восьмиструнная. Хмельной напиток готовят из меда. При сжигании покойника предаются шумному веселью, выражая тем радость свою милости, оказанной ему (покойнику) Богом. Рабочего скота у них мало, а верховых лошадей имеет только один упомянутый человек (великий князь, царь). Вооружение их состоит из дротиков, щитов и копий, другого оружия не имеют.

Глава их коронуется, ему они повинуются и от приказаний его не отступают. Жилище его находится в середине страны Славян. Помянутое выше лицо, которого титулуют они «главою глав», зовется у них свият-царь; это лицо стоит выше субанеджа (жупана), который есть только его наместник. Царь этот имеет верховых лошадей, не имеет другой пищи, кроме кобыльего молока. Есть у него также прекрасные, прочные, драгоценные кольчуги. Город, в котором он живет, зовется Джарваб; в нем производится ежемесячно, в продолжение трех дней, торг. Холод в их стране бывает до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погреба, к которому приделывает деревянную остроконечную крышу наподобие (крыши) христианской церкви и на крышу накладывает земли. В такие погреба переселяются со всем семей-

ством, и, взяв несколько дров и камней, зажигают огонь и раскаляют камни на огне докрасна. Когда же раскалятся камни до высшей степени, обливают их водой, отчего распространяется пар, нагревающий жильё до того, что снимают одежду. В таком жильё остаются до весны. Царь их объезжает их ежегодно. Если у кого из них есть дочь, то царь берет себе по одному из ее платьев в год; а если есть сын, то царь берет себе также по одному из его платьев в год. У кого нет ни сына, ни дочери, тот дает по одному из платьев жены или служанки в год. Поймает царь в государстве своем разбойника, велит или задушить его, или же отдает его под надзор кого-либо из правителей на отдаленных окраинах своих владений.

В этих сообщениях о жизненном укладе русов обнаруживается немалое сходство с теми описаниями жизни западных славян, которые встречаются у средневековых европейских хронистов – Адама Бременского, Гельмольда и других. Так что вряд ли Ибн-Даст был прав, противопоставляя русов прочим славянам; это противопоставление опровергается и схожестью культур, и лингвистическими данными.

Поход Олега на Византию, 907 год Повесть временных лет

Первая дата в истории Руси – 852 год: как рассказывается в «Повести временных лет», в этот год вступил на престол византийский император Михаил III. Восемь лет спустя (в летописи указан 866 год, но исследователи установили точную дату – 860 год) киевские князья Аскольд и Дир отправились набегом на Царьград (Константинополь) с войском численностью до 8000 человек – это был первый Аскольдов поход. Очевидно, их поход был типичным набегом викингов: пришли, ограбили, ушли; во всяком случае, в записках константинопольского патриарха Фотия встречается упоминание о том, что русы удалились от городских стен, получив выкуп. Сообщение Повести о штурме, якобы разметавшем киевский флот, ныне признано переводом отрывка из византийской хроники Георгия Амартола. В рассказе патриарха Фотия ни о каком штурме не говорится, хотя в целом Фотий весьма красноречив; вот что он сообщает о бесчинствах захватчиков и об уходе русов: «Можно было видеть младенцев, отторгаемых ими от сосцов и молока, а заодно и от жизни, и их бесхитростный гроб – о горе! – скалы, о которые они разбивались; матерей, рыдающих от горя и закалываемых рядом с новорожденными, судорожно испускающими последний вздох... Не только человеческую природу настигло их зверство, но и всех бессловесных животных, быков, лошадей, птиц и прочих, попавшихся на пути, пронзала свирепость их; бык лежал рядом с человеком, и дитя и лошадь имели могилу под одной крышей, и женщины и птицы обагрялись кровью друг друга...

О, как же все тогда расстроилось и город едва, так сказать, не был поднят на копьё! Когда легко было взять его, а жителям невозможно защищаться, то очевидно, от воли неприятеля зависело – пострадать ему или не пострадать... Спасение города находилось в руках врагов и сохранение его зависело от их великодушия... Город не взят по их милости, и присоединенное к страданию бесславие от этого великодушия усиливает болезненное чувство пленения».

Так или иначе, этот набег проторил русам дорогу на Царьград – был заключен первый «Договор мира и любви» с Византией. Более того, вполне вероятно, что одним из результатов этого набега стало так называемое первое крещение Руси, что могло быть одной из статей договора – Аскольд, Дир и их приближенные приняли в Киеве крещение от посланника патриарха Фотия; это случилось в конце 860-х годов. Даже если принять ту точку зрения, что Аскольд и Дир «изобретены» летописцем, дабы упорядочить раннюю историю Руси, не подлежит сомнению, что киевские правители неоднократно ходили в походы на «богатый город» Константинополь.

Самый известный поход состоялся в 907 году, когда на Царьград двинулся князь Олег по прозвищу Вещий.

В год 907. Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и полян, и северян, и древлян, и радимичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли «Великая скифь». И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом две тысячи. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и приказал воинам вытащить корабли на берег, и разорил окрестности города, и много перебил греков, и множество палат разрушили и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла причинили русские грекам, как обычно поступают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на колеса корабли. И когда поднялся попутный ветер, подняли они в поле паруса и двинулись к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали, послав к Олегу: «Не губи города, согласимся на дань, какую захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки и сказали: «Это не Олег, но святой Димитрий, посланный на нас Богом». И потребовал Олег выплатить дань на две тысячи кораблей: по двенадцать гривен на человека, а было в каждом корабле по сорок мужей.

И согласились на это греки, и стали греки просить мира, чтобы не разорял Греческой земли. Олег же, немного отойдя от столицы, начал переговоры о мире с греческими цесарями Леоном и Александром и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида со словами: «Платите мне дань». И сказали греки: «Что хочешь, дадим тебе». И приказал Олег дать воинам своим на две тысячи кораблей по двенадцати гривен на уключину, а затем дать дань для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полоцка, для Ростова, для Любеча и для других городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу.

«Когда приходят русские, пусть берут содержание для послов, сколько хотят; а если придут купцы, пусть берут месячное на шесть месяцев: хлеб, вино, мясо, рыбу и плоды. И пусть устраивают им баню – сколько захотят. Когда же русские отправятся домой, пусть берут у цесаря на дорогу еду, якоря, канаты, паруса и что им нужно». И обязались греки, и сказали цесари и все бояре: «Если русские явятся не для торговли, то пусть не берут месячное. Пусть запретит русский князь людям своим, приходящим сюда русским, творить бесчинства в селах и в стране нашей. Приходящие сюда русские пусть живут у церкви святого Мамонта, и пришлют к ним от нашего царства, и перепишут имена их, и тогда возьмут полагающееся им месячное, – сперва те, кто пришли из Киева, затем из Чернигова, и из Переяславля, и из других городов. И пусть входят в город только через одни ворота в сопровождении царского мужа, без оружия, по пятьдесят человек, и торгуют, сколько им нужно, не уплачивая никаких сборов».

Цесари же Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и присягали друг другу: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили присягать по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, своим богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир. И сказал Олег: «Сшейте для руси паруса из паволок, а славянам шелковые», и было так. И повесили щиты свои на вратах в знак победы, и пошел от Царьграда. И подняла русь паруса из паволок, а славяне шелковые, и разодрал их ветер. И сказали славяне: «Возьмем свои толстины, не даны, знать, славянам паруса шелковые». И вернулся Олег в Киев, неся золото и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными.

Четыре года спустя Олег предпринял новый поход на Константинополь, и его итогом стало заключение договора о мире и торговле – это был первый равноправный договор между двумя равными участниками переговорного процесса.

В год 912. Послал Олег мужей своих заключить мир и ряд между греками и русскими, и послал, говоря:

«Согласно другому уряжению, бывшему при тех же цесарях – Льве и Александре. Мы от рода русского – Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид – посланные от Олега, великого князя русского, и от всех, кто под рукой его, светлых князей, бояр, к вам, Льву, Александру и Константину, великим в Боге самодержцам, цесарям греческим, для укрепления и для удостоверения многолетней дружбы, бывшей между христианами и русскими, по желанию наших князей и по повелению, от всех находящихся под рукой его русских. Наша светлость, превыше всего желая в Боге укре-

пить и удостоверить дружбу, существовавшую постоянно между христианами и русскими, рассудили по справедливости, не только на словах, но и на письме, и клятвою твердою, клянясь оружием своим, такую дружбу объявить и утвердить ее по вере и по закону нашему.

Таковы суть главы договора, относительно которых мы себя обязали по Божьей вере и дружбе: первыми словами нашего договора помиримся с вами, греки, и станем любить друг друга от всей души и по всей доброй воле, и не дадим произойти, насколько это в нашей власти, никакому обману или преступлению от сущих под рукою наших светлых князей. Но постараемся, насколько в силах наших, сохранить с вами, греки, в будущие годы и навсегда непревратную и неизменную дружбу, изъявлением и преданием письму с закреплением, клятвой удостоверяемую. Также и вы, греки, соблюдайте такую же непоколебимую и неизменную дружбу к князьям нашим светлым русским и ко всем, кто находится под рукою нашего светлого князя всегда и во все годы.

А о главах, касающихся возможных злодеяний, договоримся так: те злодеяния, которые будут явно удостоверены, пусть считаются бесспорно совершившимися; а каким не станут верить, пусть клянется та сторона, которая домогается, чтобы злодеянию этому не верили; и когда поклянется сторона та, пусть будет такое наказание, каким окажется преступление.

Об этом: если кто убьет – русский христианина или христианин русского, – да умрет на месте убийства. Если же убийца убежит, а окажется имущим, то ту часть его имущества, которую полагается по закону, пусть возьмет родственник убитого, но и жена убийцы пусть сохранит то, что полагается ей по закону. Если же окажется неимущим бежавший убийца, то пусть останется под судом, пока не разыщется, а тогда да умрет.

Если ударит кто мечом или будет бить каким-либо другим орудием, то за тот удар или битье пусть даст 5 литров серебра по закону русскому; если же совершит этот проступок неимущий, то пусть даст, сколько может, так что пусть снимет с себя и те самые одежды, в которых ходит, а об оставшейся неуплаченной сумме пусть клянется по своей вере, что никто не может помочь ему, и пусть не взыскивается с него этот остаток.

Об этом: если украдет что русский у христианина или, напротив, христианин у русского и пойман будет вор пострадавшим в то время, когда совершает кражу, либо если приготовится вор красть и будет убит, то не взыщется смерть его ни от христиан, ни от русских; но пусть пострадавший возьмет то свое, что потерял. Если же добровольно отдастся вор, то пусть будет взят тем, у кого он крал, и пусть будет связан, и отдаст то, что украл, в тройном размере.

Об этом: если кто из русских христианину или христианин русскому с побоями угрожает, и насилие явно, или отнимет что-либо, принадлежащее другому, то пусть вернет в тройном размере.

Если выкинута будет ладья сильным ветром на чужую землю и будет там кто-нибудь из нас, русских, и станет помогать сохранить ладью с грузом ее и отправить ее вновь в христианскую землю, то следует нам проводить ее через всякое опасное место, пока не придет в место безопасное; если же ладья эта, бурей или на мель сев, задержана и не может возвратиться в свои места, то поможем гребцам той ладьи мы, русские, и проводим их с товарами их поздраву. Если же случится около Греческой земли такая беда с русской ладьей, то проводим ее в Русскую землю и пусть продают товары той ладьи, так что если можно что продать из той ладьи, то пусть вынесем <на греческий берег> мы, русские. И когда приходим <мы, русские> в Греческую землю для торговли или посольством к вашему царю, то <мы, греки> пропустим с честью проданные товары их ладьи. Если же случится кому-либо из прибывших с ладьей быть убиту или избитому от нас, русских, или что-нибудь будет взято, то пусть будут виновники присуждены теми к вышесказанному наказанию.

Если пленник той или иной стороны насильно удерживается русскими или греками, будучи продан в их страну, и если действительно окажется русский или грек, то пусть выкупят и возвратят выкупленное лицо в его страну и возьмут цену его купившие или пусть будет

предложена за него цена, полагающаяся за челядина. Также, если и на войне взят будет он теми греками, – все равно пусть возвратится он в свою страну, и отдана будет за него обычная цена его, как уже сказано выше.

Если же будет набор в войско, и когда нужда возникнет, и эти <русские> захотят почтить вашего цесаря, и сколько бы ни пришло их в какое время, и захотят остаться у вашего цесаря по своей воле, то пусть так будет.

Еще о русских, о пленниках. Явившиеся из какой-либо страны <пленные христиане> на Русь и продаваемые <русскими> назад, в Грецию, или пленные христиане, приведенные на Русь из какой-либо страны, – все эти должны продаваться по 20 золотников и возвращаться в Греческую землю.

Об этом: если украден будет челядин русский, либо убежит, либо насильно будет продан и жаловаться станут русские, пусть докажут это о своем челядине и возьмут его на Русь, но и купцы, если потеряют челядина и обжалуют, пусть требуют судом и, когда найдут, возьмут его. Если же кто-либо не позволит произвести дознание, тем самым не будет признан правым.

О русских, служащих в Греческой земле, у греческого царя. Если кто умрет, не распорядившись своим имуществом, а своих <в Греции> у него не будет, то пусть возвратится имущество его на Русь ближайшим младшим родственникам. Если же сделает завещание, то возьмет завещанное ему тот, кому завещал письменно наследовать его имущество, и да наследует его.

О русских торгующих.

О различных людях, ходящих в Греческую землю и остающихся в долгу. Если злодей не возвратится на Русь, то пусть жалуются русские греческому царству, и будет он схвачен и возвращен насильно на Русь. То же самое пусть сделают и русские грекам, если случится такое же.

В знак крепости и неизменности, которая должна быть между вами, христианами, и русскими, мирный договор этот сотворили мы Ивановым написанием на двух хартиях – цесаря вашего и своею рукою, – скрепили его клятвою предлежащим честным крестом и святою единосущею Троицею единого истинного Бога вашего и дали нашим послам. Мы же клялись цесарю вашему, поставленному от Бога, как божественное создание, по закону и по обычаю нашим, не нарушать нам и никому из страны нашей ни одной из установленных глав мирного договора и дружбы. И это написание дали царям вашим на утверждение, чтобы договор этот стал основой утверждения и удостоверения существующего между нами мира. Месяца сентября 2, индикта 15, в год от сотворения мира 6420».

Цесарь же Леон почтил русских послов дарами – золотом и шелками, и драгоценными тканями – и приставил к ним своих мужей показать им церковную красоту, золотые палаты и хранящиеся в них богатства: множество золота, паволоки, драгоценные камни и страсти Господни – венец, гвозди, багряницу и мощи святых, уча их вере своей и показывая им истинную веру. И так отпустил их в свою землю с великой честью. Послы же, посланные Олегом, вернулись к нему и поведали ему все речи обоих царей, как заключили мир и урядились Греческая земля и Русская не преступать клятвы – ни грекам, ни руси.

Благодаря походам киевских князей на Константинополь и на хазар, русы прочно утвердились на своих землях. Долгое правление Олега, который с 882 года управлял своими владениями из Киева, обернулось возникновением страны Русь (или Рос) и существенным ее усилением. В 912 году Олег скончался – широко известна легенда о его смерти, переложенная в стихах А. С. Пушкиным, – и ему наследовал сын Рюрика Игорь.

Смерть Игоря и месть княгини Ольги, 945 год Повесть временных лет

Игорь за время своего княжения усмирил племена древлян, желавших отложиться от Киева, отогнал от столицы печенегов, в 941 году двинулся на Царьград, но спасовал перед «греческим огнем», которым константинопольцы встретили русский флот. Три года спустя он вновь подступил к Царьграду и на сей раз получил от города богатый выкуп, а также ходил на Кавказ, где подчинил себе местных правителей. В 945 году по настоянию своей дружины Игорь вновь двинулся на древлян, которых незадолго до того ограбил воевода Свенельд, правивший в Киеве в отсутствие князя. Этот поход стал для Игоря роковым.

Игорь женился на Ольге, девушке варяжского рода, по другим источникам, Ольга была дочерью лодочника из Пскова.

В год 945. Сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам». И послушал их Игорь – пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите вы с данью домой, а я возвращусь и похожу еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малой частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом и сказали: «Если повадится волк к овцам, то выносит все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь; и древляне, выйдя навстречу ему из города Искоростеня, убили Игоря и дружинников его, так как было их мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у города Искоростеня в Деревской земле и до сего времени.

Ольга же была в Киеве с сыном своим, ребенком Святославом, и кормилец его был Асмуд, и воевода был Свенельд, тот был отец Мстиши. Сказали же древляне: «Вот убили мы князя русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала и Святослава возьмем и сделаем ему, что захотим». И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге, и пристали в ладье под Боричевым. Ведь вода тогда текла возле Киевской горы, а на Подоле не жили люди, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордыты и Никифора, а княжеский двор был в городе, где ныне двор Воротислава и Чудина, а место для ловли птиц было вне города. Двор теремной и другой двор были, где стоит сейчас двор деместика, позади церкви святой Богородицы, над горою. Был там каменный терем. И поведали Ольге, что пришли древляне, и призвала их Ольга к себе, и спросила их: «Хорошо ли, гости, дошли?» И ответили древляне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Так говорите же, зачем пришли сюда?» Ответили древляне: «Послала нас Деревская земля с такими словами: “Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что берегут Деревскую землю, – пойди замуж за нашего князя за Мала”». Было ведь имя ему Мал, князю древлянскому. Сказала же им Ольга: «Любезна мне речь ваша, – мужа моего мне уже не воскресить; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в ладью с гордостью. Утром я пошлю за вами, вы же скажите: “Не едем на конях, ни пешком не пойдем, но понесите нас в ладье” и вознесут вас в ладье», – и отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать яму великую и глубокую на теремном дворе, вне града. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями, и пришли к ним, и сказали: «Зовет вас Ольга для чести великой». Они же ответили: «Не едем ни на конях, ни на возах, ни пешком не идем, но понесите нас в ладье». И ответили киевляне: «Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя» – и понесли

их в ладье. Они же сидели, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их на двор к Ольге, и как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму. И, склонившись к яме, спросила их Ольга: «Хороша ли вам честь?» Они же ответили: «Горше нам Игоревой смерти». И повелела засыпать их живыми; и засыпали их.

И послала Ольга к древлянам и сказала им: «Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди». Услышав об этом, древляне избрали лучших мужей, управлявших Деревскою землею, и прислали за ней. Когда же древляне пришли, Ольга приказала приготовить баню, и вошли в нее древляне и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от дверей, и тут сгорели все.

И послала к древлянам со словами: «Вот уже иду к вам, приготовьте меда многие в городе, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и сотворю тризну по своему муже». Они же, услышав об этом, свезли множество меда. Ольга же, взяв с собою небольшую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям насыпать высокий холм могильный и, когда насыпали, приказала совершать тризну. После того сели древляне пить, и приказала Ольга отрокам своим прислуживать им. И сказали древляне Ольге: «Где другие мужи наши, которых послали за тобой?» Она же ответила: «Идут за мною с дружиною мужа моего». И когда опьянели древляне, велела отрокам своим пить в их честь, а сама отошла недалеко, а потом приказала отрокам рубить древлян, и иссекли их пять тысяч. И Ольга вернулась в Киев и собрала войско на оставшихся.

Княгиня Ольга – первая в ряду великих русских правительниц; ее имя по праву стоит вровень с именами императриц Елизаветы и Екатерины. Взойдя на киевский престол после смерти своего мужа Игоря, она изменила порядок уплаты дани от подданных, ввела «уроки» – размер дани и «погосты» – места сбора дани; завоевательных походов она не вела, предпочитая действовать миром, договаривалась с Византией, дважды ездила в Константинополь и даже приняла там крещение.

Сватовство императора Константина к Ольге и крещение княгини Ольги, 955 год Повесть временных лет

В год 955. Отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду. Был тогда цесарь Константин, сын Льва. И увидев, что она красива лицом и весьма умна, подивился цесарь ее разуму, беседуя с нею, и сказал ей: «Достойна ты царствовать с нами в городе этом». Она же, поразмыслив, ответила цесарю: «Я язычница; если хочешь крестить меня, то крести меня сам – иначе не крещусь». И крестил ее цесарь с патриархом. Просветившись же, она радовалась душой и телом; и наставил ее патриарх в вере и сказал ей: «Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя сыны русские до последних поколений внуков твоих». И дал ей наставления о церковном уставе, и о молитве, и о посте, и о милостыне, и о соблюдении чистоты телесной. Она же, склонив голову, стояла, внимая учению, как губка напояемая; и поклонилась патриарху со словами: «Молитвами твоими, владыка, пусть буду сохранена от сетей дьявольских». И было наречено ей в крещении имя Елена, как и древней царице – матери Константина Великого. И благословил ее патриарх, и отпустил. После крещения призвал ее цесарь и сказал ей: «Хочу взять тебя в жены». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью? А у христиан не разрешается это – ты сам знаешь». И сказал ей цесарь: «Перехитрила ты меня, Ольга». И поднес ей многочисленные дары – золото, и серебро, и паволоки, и сосуды различные, и отпустил ее, назвав своею дочерью. Она же, собравшись домой, пришла к патриарху, и попросила у него благословения дому, и сказала ему: «Люди мои и сын мой язычники, – да сохранит меня Бог от всякого зла». И сказал патриарх: «Чадо верное! В Христа ты крестилась и в Христа облеклась, и Христос сохранит тебя, как сохранил Еноха во времена праотцев, а затем Ноя в ковчеге, Авраама от Авимелеха, Лота от содомлян, Моисея от фараона, Давида от Саула, трех отроков от печи, Даниила от зверей, – так и тебя избавит он от козней дьявола и от сетей его». И благословил ее патриарх, и отправилась она с миром в свою землю и пришла в Киев. <...>

Жила же Ольга вместе с сыном своим Святославом и уговаривала принять крещение, но он и не думал прислушаться к этому; но если кто собирался по своей воле креститься, то не запрещал, а только насмехался над тем. Ибо «для неверующих вера христианская юродство есть». Ибо «не знают, не понимают те, кто ходят во тьме», и не ведают славы Господней; «Огрубели сердца их, с трудом уши их слышат, а очи видят». Ибо сказал Соломон: «Дела нечестивых далеки от разума»; «Потому что звал вас, и не послушались, обратился к вам, и не поняли, но отвергли мои советы и обличений моих не приняли»; «Возненавидели премудрость, а страха Божьего не избрали для себя, не захотели принять советов моих, презрели обличения мои». Так и Ольга часто говорила: «Я познала Бога, сын мой, и радуюсь; если и ты познаешь Бога – тоже станешь радоваться». Он же не внимал тому, говоря: «Как мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмехаться». Она же сказала ему: «Если ты крестишься, то и все сделают то же». Он же не послушался матери, продолжая жить по языческим обычаям. Если кто матери не послушает – в беду впадет, как сказано: «Если кто отца или матери не послушает, то смерть примет». Святослав же притом гневался на мать. Соломон же сказал: «Поучающий злых наживет себе беды, обличающего же нечестивого самого оскорбят; ибо обличения для нечестивых как мозоли. Не обличай злых, чтобы не возненавидели тебя». Однако Ольга любила своего сына Святослава и говаривала: «Да будет воля Божья; если захочет Бог помиловать род мой и землю Русскую, то вложит им в сердце то же желание обратиться к Богу, что даровал и мне». И, говоря так, молилась за сына и за людей всякую ночь и день, воспитывая сына до его возмужалости и до его совершеннолетия.

В 964 году Ольга уступила престол своему сыну Святославу. По всей видимости, столь продолжительный срок регентства (Святослав, скорее всего, родился около 920 года; следовательно, когда погиб его отец, он был уже вполне дееспособен) объясняется именно политикой Ольги – и согласием с этой политикой киевлян, уставших от разорительных военных походов. Но когда в народе начало крепнуть недовольство «огречанившейся» княгиней, Ольга сочла за лучшее отказаться от престола. Умерла Ольга в 969 году.

Войны и смерть Святослава, 969–972 годы Повесть временных лет

Святославу еще в молодости довелось отражать нападения печенегов, у которых он перенял обычное сражаться на конях: дружины Олега и Игоря воевали пешими, а в походы отправлялись на ладьях, как было заведено у варягов. В 964–965 годах князь повел наступление на хазар, захватил их столицу Итиль и крепость Саркел на Дону, покорил осетин и черкесов и вышел к Азовскому морю, на берегах которого взял приступом крепость Тьмутаракань. После этого по просьбе Византии Святослав пошел на Балканы – «воевать болгар». Поход оказался успешным, и Святослав подумывал о том, чтобы укрепиться на Балканах и даже перенести сюда столицу из Киева. Разгромив печенегов, которые напали на Киев по наущению Византии, опасавшейся усиления русов, князь вернулся на Балканы – и продолжил воевать уже не против болгар, а против византийского императора Иоанна I Цимисхия.

В год 969. Сказал Святослав матери своей и боярам своим: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае, ибо там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли – паволоки, золото, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии – серебро и кони, из Руси же – меха, и воск, и мед, и рабы». Отвечала ему Ольга: «Разве не видишь – я больна; куда хочешь уйти от меня?» – ибо она уже разболелась. И сказала: «Когда похоронишь меня, отправляйся куда захочешь». Через три дня Ольга умерла, и плакали о ней плачем великим сын ее, и внуки ее, и все люди, и понесли, и похоронили ее на выбранном месте. Ольга же завещала не совершать по ней тризны, так как имела при себе священника – тот и похоронил блаженную Ольгу.

Была она предвозвестницей христианской земле, как утренняя звезда перед солнцем, как заря перед рассветом. Она ведь сияла, как луна в ночи; так и она светилась среди язычников, как жемчуг в грязи; были тогда люди запятнаны грехами, не омыты святым крещением. Эта же омылась в святой купели, и сбросила с себя греховные одежды первого человека Адама, и облеклась в нового Адама, то есть в Христа. Мы же взываем к ней: «Радуйся, русское познание Бога, начало нашего с ним примирения». Она первая из русских вошла в царство небесное, ее восхваляют сыны русские – свою начинательницу, ибо и по смерти молится она Богу за Русь. Ведь души праведных не умирают; как сказал Соломон: «Радуется народ похвальному праведнику»; память праведника бессмертна, так как признается он и Богом и людьми. Здесь же ее все люди прославляют, видя, что она лежит много лет, не тронутая тлением; ибо сказал пророк: «Прославляющих меня прославлю». О таких ведь Давид сказал: «В вечной памяти будет праведник, не убоится дурной молвы; готово сердце его уповать на Господа; утверждено сердце его и не дрогнет». Соломон же сказал: «Праведники живут вовеки; награда им от Господа и попечение о них у всевышнего. Посему получают они царство красоты и венец доброты от руки Господа, ибо он защитит их десницею и покроет их мышцею». Защитил ведь он и эту блаженную Ольгу от врага и супостата – дьявола.

В год 970. Святослав посадил Ярополка в Киеве, а Олега у древлян. В то время пришли новгородцы, прося себе князя: «Если не пойдете к нам, то сами добудем себе князя». И сказал им Святослав: «А кто бы пошел к вам?» И отказались Ярополк и Олег. И сказал Добрыня: «Просите Владимира». Владимир же был от Малуши – милостницы Ольгиной. Малуша же была сестра Добрыни; отец же им был Малк Любечанин, и приходился Добрыня дядей Владимиру. И сказали новгородцы Святославу: «Дай нам Владимира». И взяли к себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрынею, своим дядей, в Новгород, а Святослав в Переяславец.

В год 971. Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И вышли болгары на битву со Святославом, и была сеча велика, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам: «Здесь нам и умереть: постоим же мужественно, братья и дружина!» И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, сказав: «Это мой город!» И послал к грекам со словами: «Хочу идти на вас и взять столицу вашу, как и этот город». И сказали греки: «Невозмогу нам сопротивляться вам, так возьми с нас дань и на всю свою дружину и скажи, сколько вас, и дадим мы по числу дружинников твоих». Так говорили греки, обманывая русских, ибо греки мудры и до наших дней. И сказал им Святослав: «Нас двадцать тысяч», и прибавил десять тысяч: ибо было русских всего десять тысяч. И выставили греки против Святослава сто тысяч и не дали дани. И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их – сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим – должны сражаться. Так не посрамям земли Русской, но ляжем здесь костьми, ибо мертвым не ведом позор. Если же побегим – позор нам будет. Так не побегим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о себе сами позаботьтесь». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». И исполнились русские и греки друг на друга. И сразились полки, и окружили греки русских, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали. И пошел Святослав к столице, воюя и разрушая другие города, что стоят и донныне пусты.

И созвал цесарь бояр своих в палату, и сказал им: «Что нам делать: не можем ведь ему сопротивляться?» И сказали ему бояре: «Пошли к нему дары; испытаем его: любит ли он золото или паволоки?» И послал к нему золото и паволоки с мудрым мужем, наказав ему: «Следи за его видом, и лицом, и мыслями». Он же, взяв дары, пришел к Святославу. И когда пришли греки с поклоном, сказал он: «Введите их сюда». Те вошли, и поклонились ему, и положили перед ним золото и паволоки. И сказал Святослав, смотря в сторону: «Спрячьте». Отроки же Святославовы, взяв, спрятали. Послы же цесареви вернулись к цесарю, и созвал цесарь бояр. Посланные же сказали: «Пришли-де мы к нему и поднесли дары, а он и не взглянул на них, и приказал спрятать». И сказал один: «Испытай его еще раз: пошли ему оружие». Они же послушали его и послали ему меч и другое оружие. Он же взял и стал хвалить цесаря, выражая ему любовь и благодарность. Снова вернулись посланные к цесарю и поведали все, как было. И сказали бояре: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Соглашайся на дань». И послал к нему цесарь, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань сколько хочешь», ибо немного не дошел он до Царьграда. И дали ему дань; он же брал и на убитых, говоря: «Возьмет-де за убитого род его». Взял же и даров много и возвратился в Переяславец со славою великою. Увидев же, что мало у него дружины, сказал себе: «Как бы какой-нибудь хитростью не истребили дружину мою и меня не убили», так как многие погибли в боях. И сказал: «Пойду на Русь, приведу еще дружины».

И отправил послов к цесарю в Доростол, ибо там находился цесарь, говоря так: «Хочу иметь с тобою прочный мир и любовь». Цесарь же, услышав это, обрадовался и послал к нему даров больше прежнего. Святослав же принял дары и стал думать с дружиною своею, говоря так: «Если не заключим мир с цесарем и узнает цесарь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А Русская земля далеко, а печенеги нам враждебны, и кто нам поможет? Заключим же с цесарем мир: ведь они уже обязались платить нам дань – того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова из Руси, собрав множество воинов, пойдем на Царьград». И была любя речь эта дружине, и послали лучших мужей к цесарю, и пришли в Доростол и сказали о том цесарю. Цесарь же на следующее утро призвал их к себе и сказал: «Пусть говорят послы русские». Они же начали: «Так говорит князь наш: “Хочу иметь истинную любовь с греческим царем на все будущие времена”». Цесарь же обрадовался и повелел писцу записывать все речи Святослава на хартию. И стал посол говорить все речи, и стал писец писать. Говорил же он так:

«Согласно другому уряжению, заключенному при Святославе, великом князе русском, и при Свенельде, писано при Феофиле Синкеле к Иоанну, называемому Цимисхием, цесарю греческому, в Доростоле, месяца июля, 14 индикта, в год 6479.

Я, Святослав, князь русский, как клялся, так и подтверждаю договором этим клятву мою: хочу вместе со всеми поданными мне русскими, с боярами и прочими иметь мир и истинную любовь со всеми великими цесарями греческими, с Василием и с Константином, и с боговдохновенными цесарями, и со всеми людьми вашими до конца мира. И никогда не буду замышлять на страну вашу, ни на ту, что находится под властью греческой, ни на Корсунскую страну и все города тамошние, ни на страну Болгарскую. И если иной кто замыслит против страны вашей, то я ему буду противником и буду воевать с ним. Как уже клялся я греческим цесарям, а со мною бояре и все русские, да соблюдем мы неизменным договор. Если же не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты от бога, в которого веруем, – в Перуна и в Волоса, бога скота, и да будем золоты, как золото, и своим оружием посечены будем и умрем. Не сомневайтесь в правде того, что мы обещали вам ныне и написали в хартии этой и скрепили своими печатями».

Заклучив мир с греками, Святослав в ладьях отправился к порогам. И сказал ему воевода отца его Свенельд: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги». И не послушал его, и пошел на ладьях. А переяславцы послали к печенегам сказать: «Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа». Услышав об этом, печенеги заступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было их пройти. И остановился зимовать в Белобережье, и не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову, и перезимовал Святослав. Когда же наступила весна, отправился Святослав к порогам.

В год 972. Пришел Святослав к порогам, и напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку. А было всех лет княжения Святослава двадцать восемь.

После смерти Святослава на Руси вспыхнула первая княжеская междоусобица – сыновья киевского князя Ярополк, Олег и Владимир, посаженные отцом на уделы, ожесточенно оспаривали первенство. Олег погиб, Владимир бежал к варягам, и Ярополк на время сделался единовластным правителем Руси, но в 980 году Владимир напал на Новгород, а затем двинулся на Киев. Ярополк укрылся в городке Родня у слияния Роси и Днепра, и местный воевода предал князя: варяги, сопровождавшие Владимира, закололи Ярополка. Началось княжение Владимира I Святославича Святого.

Вражда между сыновьями Святослава тягощалась и религиозными распрями: Ярополк тайно принял христианство и обращался за поддержкой к Риму и Германии, а Владимир был язычником, как и его сподвижники-варяги. После убийства Ярополка Владимир велел установить в Киеве новые статуи богов, пантеон языческих богов возглавлял Перун. Как гласит «Повесть временных лет», «...поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса, и Даждьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили своих сыновей, и приносили жертвы бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими. И осквернилась жертвоприношениями земля Русская и холм тот».

Испытание вер, 986 год Повесть временных лет

Тем не менее, как было и в Скандинавии, где огнем и мечом крестил своих подданных конунг Олав Святой, политика диктовала необходимость отречения от язычества и принятия христианства. Крещению Руси, состоявшемуся при князе Владимире, предшествовало «испытание вер» – религиозный диспут при княжеском дворе. В этом диспуте принимали участие мусульмане (волжские болгары), иудеи (хазары) и христиане (византийские греки).

В год 986. Пришли болгары магометанской веры, говоря: «Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь, уверуй в закон наш и поклонись Магомету». И спросил Владимир: «Какова же вера ваша?» Они же ответили: «Веруем богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жен, и изберет одну из них красивейшую, и возложит на нее красоту всех; та и будет ему женой. Здесь же, говорит, следует предаваться всякому блуду. Если кто беден на этом свете, то и на том, если здесь богат, то и там», и другую всякую ложь говорили, о которой и писать стыдно. Владимир же слушал их всласть. Но вот что было ему нелюбо: обрезание и воздержание от свиного мяса, а о питье и подавно сказал: «Руси есть веселие пить: не можем без того быть». Потом пришли немцы из Рима, говоря: «Пришли мы, посланные папой», и обратились к Владимиру: «Так говорит тебе папа: “Земля твоя такая же, как и наша, а вера ваша не похожа на веру нашу, так как наша вера – свет; кланяемся мы Богу, сотворившему небо и землю, звезды и месяц и все, что дышит, а ваши боги – просто дерево”». Владимир же спросил их: «В чем заповедь ваша?» И ответили они: «Пост по силе; “если кто пьет или ест, то все это во славу Божию”, как сказал учитель наш Павел». Сказал же Владимир немцам: «Идите откуда пришли, ибо отцы наши не приняли этого». Услышав об этом, пришли хазарские евреи и сказали: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого Бога Авраамова, Исаакова и Иаковля». И спросил Владимир: «Что у вас за закон?» Они же ответили: «Обрезаться, не есть свинины и заячины, соблюдать субботу». Он же спросил: «А где земля ваша?» Они же сказали: «В Иерусалиме». А он спросил: «Точно ли она там?» И ответили: «Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам». Сказал на это Владимир: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?»

Затем прислали греки к Владимиру философа, так сказавшего: «Слышали мы, что приходили болгары и учили тебя принять свою веру; вера же их оскверняет небо и землю, и прокляты они более всех людей, уподобились жителям Содомы и Гоморры, на которых низверг Господь горящий камень и затопил их, и потонули, так вот и этих ожидает день гибели их, когда придет Бог судить народы и погубит всех, творящих беззакония и скверное делающих. Ибо, подмывшись, поливаются этой водой и вливают ее в рот, мажут ею по бороде и поминают Магомета. Так же и жены их творят ту же скверну, и еще даже большую: скверну совокупления вкушают». Услышав об этом, Владимир плюнул на землю и сказал: «Нечисто это дело». Сказал же философ: «Слышали мы и то, что приходили к вам из Рима научить вас вере своей. Вера же их немного от нашей отличается: служат на опресноках, то есть на облатках, о которых Бог не заповедал, повелев служить на хлебе, и поучал апостолов, взяв хлеб: “Это есть тело мое, ломимое за вас”. Так же и чашу взял и сказал: “Это есть кровь моя Нового Завета”. Те же, которые не творят этого, неправильно веруют». Сказал же Владимир: «Пришли ко мне евреи

и сказали, что немцы и греки веруют в того, кого мы распяли». Философ ответил: «Воистину веруем в того; их же пророки предсказывали, что родится Бог, а другие – что распят будет и погребен, но в третий день воскреснет и взойдет на небеса. Они же одних пророков избивали, а других истязали. Когда же сбылись пророчества их, когда сошел он на землю, был он распят и, воскреснув, взошел на небеса, от них же ожидал Бог покаяния сорок шесть лет, но не покаяться, и тогда послал на них римлян; и разбили их города, а самих рассеяли по иным землям, где и пребывают в рабстве». Владимир спросил: «Зачем же сошел Бог на землю и принял такое страдание?» Ответил же философ: «Если хочешь послушать, то скажу тебе по порядку с самого начала, зачем Бог сошел на землю». Владимир же сказал: «Рад послушать». <...>

В год 987. Созвал Владимир бояр своих и старцев городских и сказал им: «Вот приходили ко мне болгары, говоря: “Прими закон наш”. Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая от начала мира. И удивительное рассказывают, будто бы и другой свет есть – и чудно слушать их, – если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то по смерти снова встанет и не умереть ему вовеки; если же в ином законе будет, то на том свете гореть ему в огне. Что же вы посоветуете? что ответите?» И сказали бояре и старцы: «Знай, князь, что своего никто не бранит, но хвалит. Если хочешь поистине все разузнать, то ведь имеешь у себя мужей: послав их, разузнай, какая у кого служба и кто как служит Богу». И понравилась речь их князю и всем людям; избрали мужей славных и умных, числом десять, и сказали им: «Идите сперва к болгарам и испытайте веру их и службу». Они же отправились и, придя к ним, видели их скверные дела и поклонение в мечети и вернулись в землю свою. И сказал им Владимир: «Идите еще к немцам, высмотрите и у них все, а оттуда идите в Греческую землю». Они же пришли к немцам, увидели службу их церковную, а затем пришли в Царьград и явились к цесарю. Цесарь же спросил их: «Зачем пришли?» Они же рассказали ему все. Услышав это, цесарь обрадовался и в тот же день оказал им почести великие. На следующий же день послал к патриарху, так говоря ему: «Пришли русские разузнать о вере нашей, приготовь церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они славу Бога нашего». Услышав об этом, патриарх повелел созвать клир, сотворил по обычаю праздничную службу, и кадила зажгли, и устроили пение и хоры. И пошел с русскими в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние дьяконов и рассказав им о служении Богу своему. Они же были в восхищении, дивились и хвалили их службу. И призвали их цесари Василий и Константин, и сказали им: «Идите в землю вашу», и отпустили их с дарами великими и с честью. Они же вернулись в землю свою. И созвал князь бояр своих и старцев, и сказал Владимир: «Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними», и обратился к послам: «Говорите перед дружиною». Они же сказали: «Ходили прежде всего в Болгарию, смотрели, как они молятся в храме, называемом мечетью. Стоят там без пояса и, сделав поклон, садятся и глядят туда и сюда, как безумные, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Нехорош закон их. И пришли мы к немцам и видели их службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали мы – на небе или на земле: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, – знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь жить». Сказали же бояре: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы бабка твоя Ольга крещения, а была она мудрейшей из всех людей». И спросил Владимир: «Где примем крещение?» Они же сказали: «Где тебе любо».

Согласно историческим хроникам, в 987 году войско русов выступило против самозванца Варды Фоки, пытавшегося штурмом взять Константинополь. Императоры – сопра-

вители Византии за помощь пообещали Владимиру выдать за него свою сестру Анну. Русы разбили Фоку, а когда византийцы стали затягивать свадьбу – осадили византийскую крепость Херсонес в Крыму и пригрозили оттуда пойти на Константинополь. Императоры поспешили отдать Владимиру Анну, но с условием, что князь обвенчается с ней по христианскому обряду. Владимир принял крещение, обвенчался с гречанкой и в сопровождении дружины и духовенства вернулся в Киев, где оповестил народ о своем намерении крестить всех русичей. Русичи еще долго сопротивлялись христианизации: в 1076 году язычники убили во время мятежа ростовского епископа Леонтия, лишь 1091 год фиксирует в русских летописях последний мятеж язычников (в Ростове).

Как происходило крещение в Киеве, рассказывается в «Повести временных лет» .

Низвержение идолов Повесть временных лет

И когда пришел, повелел повергнуть идола – одни изрубить, а другие сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву к Ручью и приставил двенадцать мужей колотить его палками. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе, – чтобы принял он возмездие от людей. «Велик ты, Господи, и чудны дела твои!» Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли они еще святого крещения. И, приволочив, кинули его в Днепр. И поручил Владимир <людям>, сказав: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его, пока не пройдет пороги, тогда только оставьте его». Они же исполнили повеленное. И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, которая и до сих пор зовется Перунья отмель. Затем разослал Владимир посланцев своих по всему городу сказать: «Если не придет кто завтра на реку – будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб, – будет мне врагом». Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя и говоря: «Если бы не было это хорошим, не приняли бы этого князь наш и бояре». На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр, и сошлось там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни, погрузившись до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а взрослые бродили, попы же, стоя, совершали молитвы. И была видна радость великая на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ; а дьявол говорил, стена: «Увы мне! Прогнан я отсюда! Здесь думал я обрести себе жилище, ибо здесь не было учения апостольского, не знали здесь Бога, но радовался я служению тех, кто служил мне. И вот уже побежден я невеждой этим, а не апостолами и не мучениками; не смогу уже царствовать более в этих странах». Люди же, крестившись, разошлись по домам. Владимир же был рад, что познал Бога сам и люди его, возвел глаза на небо и сказал: «Боже великий, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих и дай им, Господи, познать тебя, истинного Бога, как познали тебя христианские страны. Утверди в них правую и неуклонную веру и мне помоги, Господи, против дьявола, да одолею козни его, надеясь на тебя и на твою силу». И, сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна и другие и где приносили им жертвы князь и люди. И по другим городам стал ставить церкви и определять в них попов и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них, ибо не утвердились еще они в вере и плакали о них, как о мертвых.

В северных землях, которыми от имени князя управлял его дядя по матери Добрыня, крещение вызвало бунты, но Добрыня усмирил бунтовщиков, а идолов и кумиров сбросил в реку Волхов.

В годы правления Владимира освящается церковь Успения Богородицы, которой князь отдает «десятую часть от богатств своих и своих городов».

С самим Владимиром после крещения произошла удивительная перемена, поскольку, как говорит летописец, до этого события «был же Владимир побежден похотью. Были у него жены: Рогнеда, которую поселил на Лыбеди, где ныне находится сельцо Предславино, от нее имел он четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей; от гречанки (вдовы Ярополка. – Ред.) имел он Святополка, от чехини – Вышеслава, а еще от одной жены – Святослава и Мстислава, а от болгарыни – Бориса и Глеба, и наложниц было у него

триста в Вышгороде, триста в Белгороде и двести в Берестове, в сельце, которое называют сейчас Берестовое. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужных женщин и растлевая девиц. Был он такой же женолюбец, как и Соломон, ибо говорят, что у Соломона было семьсот жен и триста наложниц». Зато крестившийся князь сделался примерным семьянином.

Владимир завершил удельное дробление Руси, окончательно заменив племенных князей своими сыновьями. Но, увы, его сыновья еще при жизни отца конфликтовали друг с другом, а пасынок Святополк даже устроил заговор против Владимира при поддержке католических священников. Заговор раскрыли, Святополка сослали в город Туров, но в 1015 году возмутился Ярослав, правивший в Новгороде, отказавшись платить Киеву дань; когда стало известно, что Владимир собирает войско, чтобы усмирить сына, Ярослав бежал к варягам. Между тем к границе Руси подступили печенеги, и воевать с ними отправили Бориса, князя ростовского, которого сам Владимир видел своим преемником на престоле (если следовать старшинству, первым претендентом на трон являлся Святополк).

В том же 1015 году Владимир скончался, и из всех его сыновей в ту пору ближе к Киеву оказался Святополк, который и объявил себя киевским князем – и приказал подручным устранить Бориса, Глеба и Ярослава как наиболее опасных соперников. Так началась «окаянная война», вылившаяся в три года усобиц.

Смерть князей Бориса и Глеба, 1015 год Сказания и страдания и похвалы мученикам святым Борису и Глебу

Князь Борис, узнав о смерти отца, почему-то распустил войско и остался с небольшой дружиной, так что убийцам, посланным Святополком, не составило труда его убить. Князь Глеб из Мурома двинулся в Киев, на полпути узнал о смерти отца и гибели брата, но вернуться не успел – убийцы подстерегли его на дороге. Оба князя покорно приняли мученическую смерть, покорившись воле старшего.

Так помышлял в сердце своем богоблаженный Борис и говорил: «Знал я, что брата злые люди подстрекают на убийство мое, и погубит он меня. И когда прольет кровь мою, то буду я мучеником пред Господом моим, и примет душу мою Владыка». Затем, забыв смертную скорбь, стал утешать он сердце свое Божьим словом: «Тот, кто пожертвует душой своей ради меня и моего учения, обретет и сохранит ее в жизни вечной». И пошел с радостным сердцем, говоря: «Господи премилостивый, не отринь меня, на тебя уповающего, но спаси душу мою!»

Святополк же, сев на княжение в Киеве после смерти отца, призвал к себе киевлян и, щедро одарив их, отпустил. К Борису же послал такую весть: «Брат, хочу жить с тобой в любви и к полученному от отца владению добавлю еще». Но не было правды в его словах. Святополк, придя ночью в Вышгород, тайно призвал к себе Путьшу и вышгородских мужей и сказал им: «Признайтесь мне без утайки – преданы ли вы мне?» Путьша ответил: «Все мы готовы головы свои положить за тебя».

Тогда призвал к себе окаянный треклятый Святополк сообщников злодеяния и зачинщиков всей неправды, отверз свои прескверные уста и вскричал злобным голосом Путьшиной дружине: «Раз вы обещали положить за меня свои головы, то идите тайно, братья мои, и где встретите брата моего Бориса, улучив подходящее время, убейте его». И они обещали ему сделать это. <...>

Блаженный же Борис возвратился и раскинул свой стан на Альте. И сказала ему дружина: «Пойди, сядь в Киеве на отчий княжеский стол – ведь все воины в твоих руках». Он же им отвечал: «Не могу я поднять руку на брата своего, к тому же еще и старшего, которого чту я как отца». Услышав это, воины разошлись, и остался он только с отроками своими. И был день субботний. В тоске и печали, с удрученным сердцем вошел он в шатер свой и заплакал в сокрушении сердечном, но, с душой просветленной, жалобно восклицая: «Не отвергай слез моих, Владыка, ибо уповаю я на тебя! Пусть удостоюсь участи рабов твоих и разделю жребий со всеми святыми твоими, ты Бог милостивый, и славу тебе возносим вовеки! Аминь».

Посланные же Святополком пришли на Альту ночью, и подошли близко, и слышали голос блаженного страстотерпца, поющего на заутреню Псалтырь. И получил он уже весть о готовящемся убиении его. И начал петь: «Господи! Как умножились враги мои! Многие встают на меня» – и остальную часть псалма, до конца. И, начавши петь по Псалтыри: «Окружили меня скопища псов и тельцы тучные обступили меня», продолжил: «Господи Боже мой! На тебя я уповаю, спаси меня!» И после этого пропел канон. И когда окончил заутреню, стал молиться, взирая на икону Господню и говоря: «Господи Иисусе Христе! Как ты, в этом образе явившийся на землю и собственною волею давший пригвоздить себя к кресту и принять страдание за грехи наши, сподобь и меня так принять страдание!»

И когда услышал он зловещий шепот около шатра, то затрепетал, и потекли слезы из глаз его, и промолвил: «Слава тебе, Господи, за все, ибо удостоил меня зависти ради принять сию горькую смерть и претерпеть все ради любви к заповедям твоим. Не захотели мы сами

избегнуть мук, ничего не пожелали себе, последуя заповедям апостола: “Любовь долготерпелива, всему верит, не завидует и не превозносится”. И еще: “В любви нет страха, ибо истинная любовь изгоняет страх”. Поэтому, Владыка, душа моя в руках твоих всегда, ибо не забыл я твоей заповеди. Как Господу угодно – так и будет». И когда увидели священник Борисов и отрок, прислуживающий князю, господина своего, объятого скорбью и печалью, то заплакали горько и сказали: «Милостивый и дорогой господин наш! Какой благодати исполнен ты, что не восхотел ради любви Христовой воспротивиться брату, а ведь сколько воинов держал под рукою своей!» И, сказав это, опечалились.

И вдруг увидел устремившихся к шатру, блеск оружия, обнаженные мечи. И без жалости пронзено было честное и многомилостивое тело святого и блаженного Христова страстотерпца Бориса. Поразили его копьями окаянные Путьша, Талец, Елович, Ляшко.

И возрев на своих убийц горестным взглядом, с осунувшимся лицом, весь обливаясь слезами, промолвил: «Братья, приступивши, заканчивайте порученное вам. И да будет мир брату моему и вам, братья!»

И все, кто слышали слова его, не могли вымолвить ни слова от страха и печали горькой и слез обильных. С горькими вздыханиями жалобно сетовали и плакали, и каждый в душе своей стонал: «Увы нам, князь наш милостивый и блаженный, поводырь слепым, одежда нагим, посох старцам, наставник неразумным! Кто теперь их всех направит? Не восхотел славы мира сего, не восхотел веселиться с вельможами честными, не восхотел величия в жизни сей. Кто не поразится столь великому смирению, кто не смирится сам, видя и слыша его смирение?»

И так почил Борис, предав душу свою в руки Бога живого в 24-й день месяца июля, за 9 дней до календ августовских.

Блаженного же Бориса, обернув в шатер, положили на телегу и повезли. И когда ехали бором, начал приподнимать он святую голову свою. Узнав об этом, Святополк послал двух варягов, и те пронзили Бориса мечом в сердце. И так скончался, восприняв неуываемый венец. И, принеся тело его, положили в Вышгороде и погребли в земле у церкви святого Василия.

И не остановился на этом убийстве окаянный Святополк, но в неистовстве своем стал готовиться на большее преступление. И увидев осуществление заветного желания своего, не думал о злодейском своем убийстве и о тяжести греха и нимало не раскаивался в содеянном. И тогда вошел в сердце его сатана, начав подстрекать на еще большие злодеяния и новые убийства. Так говорил в душе своей окаянной: «Что сделаю? Если остановлюсь на этом убийстве, то две участи ожидают меня: когда узнают о случившемся братья мои, то, подстергши меня, воздадут мне горше содеянного мною. А если и не так, то изгонят меня и лишат престола отца моего, и сожаление по утраченной земле моей изложет меня, и поношения поносящих обрушатся на меня, и княжение мое захватит другой, и в жилищах моих не останется живой души. Ибо я погубил возлюбленного Господом и к болезни добавил новую язву, добавлю же к беззаконию беззаконие. Ведь и грех матери моей не простится и с праведниками я не буду вписан, но изымется имя мое из книг жизни». Так и случилось, о чем после поведаем. Сейчас же еще не время, а вернемся к нашему рассказу.

И, замыслив это, злой дьявола сообщник послал за блаженным Глебом, говоря: «Приходи не медля. Отец зовет тебя, тяжело болен он».

Глеб быстро собрался, сел на коня и отправился с небольшой дружиной. И когда пришли на Волгу, в поле оступился под ним конь в яме и повредил слегка ногу. А как пришел Глеб в Смоленск, отошел от Смоленска недалеко и стал на Смядыни, в ладье. А в это время пришла весть от Предславы к Ярославу о смерти отца. И Ярослав прислал к Глебу, говоря: «Не ходи, брат! Отец твой умер, а брат твой убит Святополком».

И когда он так стонал и плакал, орошая слезами землю и призывая Бога с частыми вздохами, внезапно появились посланные Святополком злые слуги его, безжалостные кровопийцы, лютые братоненавистники с душою свирепых зверей.

Святой же плыл в это время в ладье, и они встретили его в устье Смядыни. И когда увидел их святой, то возрадовался душою, а они, увидев его, помрачнели и стали грести к нему, и подумал он – приветствовать его хотят. И, когда поплыли рядом, начали злодеи перескакивать в ладью его с блещущими, как вода, обнаженными мечами в руках. И сразу у всех весла из рук выпали, и все помертвели от страха. Увидев это, блаженный понял, что хотят убить его. И, глядя на убийц кротким взором, омывая лицо свое слезами, смирившись, в сердечном сокрушении, трепетно вздыхая, заливаясь слезами и ослабев телом, стал жалостно умолять: «Не трогайте меня, братья мои милые и дорогие! Не трогайте меня, никакого зла вам не причинившего! Пощадите, братья и повелители мои, пощадите! Какую обиду нанес я брату моему и вам, братья и повелители мои? Если есть какая обида, то ведите меня к князю вашему и к брату моему и господину. Пожалейте юность мою, смилуйтесь, повелители мои! Будьте господами моими, а я буду вашим рабом. Не губите меня, в жизни юного, не пожинайте колоса, еще не созревшего, соком беззлобия налитого! Не срезайте лозу, еще не выросшую, но плод имеющую! Умоляю вас и отдаюсь на вашу милость. Побойтесь сказавшего устами апостола: “Не будьте детьми умом: на дело злое будьте как младенцы, а по уму совершеннолетни будьте”. Я же, братья, и делом и возрастом молод еще. Это не убийство, но живодерство! Какое зло сотворил я, скажите мне, и не буду тогда жаловаться. Если же кровью моей насытитесь хотите, то я, братья, в руках ваших и брата моего, а вашего князя».

И ни единое слово не устыдило их, но как свирепые звери напали на него. Он же, видя, что не внимают словам его, стал говорить: «Да избавятся от вечных мук и любимый отец мой и господин Василий, и мать, госпожа моя, и ты, брат Борис, наставник юности моей, и ты, брат и пособник Ярослав, и ты, брат и враг Святополк, и все вы, братья и дружина, пусть все спасутся! Уже не увижу вас в жизни сей, ибо разлучают меня с вами насильно». И говорил плача: «Василий, Василий, отец мой и господин! Преклони слух свой и услышь глас мой, посмотри и узри случившееся с сыном твоим, как ни за что убивают меня. Увы мне, увy мне! Услышь, небо, и внемли, земля! И ты, Борис брат, услышь глас мой. Отца моего Василия призвал, и не внял он мне, неужели и ты не хочешь услышать меня? Погляди на скорбь сердца моего и боль души моей, погляди на потоки слез моих, текущих как река! И никто не внемлет мне, но ты помани меня и помолись обо мне перед Владыкой всех, ибо ты угоден ему и предстоишь пред престолом его».

Потом взглянул на убийц и промолвил жалобным и прерывающимся голосом: «Раз уж начали, приступивши, свершите то, на что посланы!»

Тогда окаянный Горясер приказал резать его без промедления. Повар же Глебов, по имени Торчин, взял нож и, схватив блаженного, заклал его, как агнца непорочного и невинного, месяца сентября в 5-й день, в понедельник.

Князья Борис и Глеб – первые официально признанные Византией русские святые, канонизированные в 1072 году. До них все святые «русского христианства» были «пришлыми» – греческими, палестинскими, римскими.

Похвала князю Ярославу и книгам, 1037 год Повесть временных лет

После убийства Бориса и Глеба у Святополка остался единственный серьезный соперник – Ярослав. В 1016 году Ярослав разбил Святополка и занял Киев, а его брат бежал в Польшу, откуда выступил с большим войском, набранным на деньги польского короля Болеслава. Ярослав укрылся в Новгороде, а Святополк занял Киев и был вынужден подавлять восстание киевлян. Когда Ярослав вновь подступил к Киеву, оставшийся без войска Святополк – поляки к тому времени ушли – бежал к печенегам. В 1018 году Ярослав разгромил печенегов и окончательно занял Киев, а Святополк бежал в Польшу и далее в Чехию, где и умер.

Ярославу досталась раздробленная Русь: ему подчинялись Новгород и Киев, а вот Полоцк, Тьмутаракань и западноволынские земли киевского князя не признавали. Впрочем, несколько лет спустя Ярослав после ряда столкновений заключил союз со своим братом Мстиславом Удалым, правителем Тьмутаракани, и вместе они изгнали поляков из Западной Волыни. В 1036 году Мстислав скончался, не оставив наследника, и Ярослав объединил Русь под своим владением.

В том же году Ярослав наголову разгромил под Киевом печенегов – это было последнее нашествие печенегов на Русь, Ярослав же стал «самовластцем Русской земли». В ознаменование победы князь заложил в Киеве Софийский собор; он также построил в городе новые стены и множество церквей. В Софийском соборе хранилась княжеская библиотека: Ярослав был одним из образованнейших людей своего времени и покупал книги для библиотеки в Константинополе, а затем отдавал их переводить «с греческого на славянский и на письмо». За глубокие познания, градостроительную деятельность и составление первого письменного свода законов князя прозвали Мудрым.

В год 1037. Заложил Ярослав великий город <городские стены> Киев, у того же города Золотые ворота; заложил и церковь святой Софии, Премудрости Божьей, митрополию, и затем церковь каменную на Золотых воротах – святой Богородицы Благовещения. Этот премудрый князь Ярослав для того создал <церковь> Благовещения на вратах, чтобы даровать навсегда радость городу тому благовещением Господним и молитвою святой Богородицы и архангела Гавриила. Потом <заложил> монастырь святого Георгия и святой Ирины. И стала при нем вера христианская плодиться и расширяться, и черноризцы стали умножаться, и монастыри появляться. И любил Ярослав церковные уставы, попов любил немало, особенно же любил черноризцев, и к книгам имел пристрастие, читая их часто и ночью и днем. И собрал писцов многих, и перелагали они с греческого на славянский язык и на письмо. Переписали они и собрали множество книг, которые наставляют верующих людей, и наслаждаются они учением Божественного слова. Как если один землю вспашет, другой же засеет, а иные жнут и едят пищу неоскудевающую, – так и этот. Отец ведь его, Владимир, землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Этот же Ярослав, сын Владимиров, посеял книжные слова в сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение принимая книжное.

Велика ведь бывает польза людям от учения книжного; книгами наставляемы и поучаемы на путь покаяния, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержание. Это ведь – реки, напоющие всю вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они – узда воздержания. Велика есть мудрость; ведь и Соломон, прославляя ее, говорил: «Я, премудрость, вселила свет и разум, и смысл я призвала. Страх Господень... Мои советы, моя мудрость, мое утверждение. Мною цесари царствуют, и сильные узаконяют правду. Мною вельможи величаются и мучители управляют землею. Любящих

меня люблю, ищущие меня найдут». Если прилежно поищешь в книгах мудрости, то найдешь великую пользу душе своей. Ибо кто часто читает книги, тот беседует с Богом или со святыми мужами. Тот, кто читает пророческие беседы, и евангельские и апостольские поучения, и жития святых отцов, обретает душе великую пользу.

Ярослав же, как мы уже сказали, любил книги и, много их написав, положил в церкви святой Софии, которую создал сам. Украсил ее иконами бесценными, и золотом, и серебром, и сосудами церковными, и возносят в ней к Богу положенные песнопения в назначенное время. И другие церкви ставил по городам и по местам, поставляя попов и давая от богатств своих жалованье, веля им учить людей и постоянно пребывать в церкви, потому что попам достоин всегда наставлять людей, ибо им поручено это Богом. И умножились пресвитеры и люди-христиане. И радовался Ярослав, видя множество церквей и людей христиан, а враг сетовал, побеждаемый новыми людьми христианскими.

Дети Ярослава также получили отличное образование, их принимали в Европе, дочь Анастасия вышла за короля Венгрии Андрея III, другая дочь, Елизавета, – за норвежского конунга Гарольда, того самого, который был разбит Вильгельмом Завоевателем в 1066 году при Стэмфорд-Бридже; третья дочь, Анна, стала супругой Генриха I Валуа и королевой Франции. Сын Ярослава Всеволод, вступивший в брак с византийской принцессой Анной, дочерью императора Константина IX Мономаха, укрепил тем самым русско-византийский союз, их сын, родившийся в 1053 году, в будущем стал князем Владимиром Мономахом.

В 1054 году, на смертном одре, Ярослав разделил Русь между сыновьями и оставил им наказ, как управлять страной.

Смерть князя Ярослава и его наставление детям своим, 1054 год Повесть временных лет

В год 1054. Преставился великий князь русский Ярослав. Еще при жизни дал он наставление сыновьям своим, сказав им: «Вот я покидаю мир этот, а вы, сыновья мои, имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, Бог будет с вами и покорит вам врагов. И будете жить в мире. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов, которые добыли ее трудом своим великим; но слушайтесь брат брата, живите мирно. Вот я поручаю престол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть будет он вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Вячеславу Смоленск». И так разделил между ними города, завещав им не переступать границы уделов других братьев и не изгонять их, и сказал Изяславу: «Если кто захочет обидеть своего брата, ты помогай тому, кого обижают». И так наставил сыновей своих жить в любви. Сам уже он был болен тогда и, приехав в Вышгород, сильно расхворался. Изяслав тогда княжил в Турове, а Святослав во Владимире, а Всеволод же был тогда при отце, ибо любил его отец больше всех братьев и держал его при себе.

И пришел конец жизни Ярослава, и отдал душу свою месяца февраля в 20-й день, в субботу первой недели поста, в день святого Федора. Всеволод же обрядил тело отца своего, возложив на сани, повез его в Киев, а попы пели положенные песнопения. Плакали о нем люди; и, принеся, положили его в гробе мраморном в церкви святой Софии. И оплакивали его Всеволод и весь народ. Жил же Ярослав всех лет семьдесят и шесть.

«Правда Ярославичей», 1072 год Русская правда

Сборник законов, известный как «Русская правда» или «Правда Ярослава», был не первым правовым документом на Руси: ему предшествовал «Закон русский», к которому прибегали князья, заключая договоры с Византией, и которым они руководствовались в повседневной жизни. Ярослав взял за основу «Закон» и дополнил его скандинавскими и византийскими, а также церковными нормами. «Русская правда» стала основным законом Киевской Руси. Сыновья Ярослава, обнаруживая ее, дополнили и видоизменили этот свод, в частности, удалив из него почти всякое упоминание о кровной мести, поэтому редакцию 1072 года (краткий вариант «Русской правды») еще называют «Правдой Ярославичей».

1. Если убьет человек человека, то мстить брату за брата, или сыну за отца, или отцу за сына, или сыну брата, или сыну сестры; если кто не будет мстить, то князю 40 гривен за убитого; если это будет русин, или гридин, или купец, или ябетник, или мечник, или изгой, или словенин, то назначить за него 40 гривен.

2. Или кто будет избит до крови или до синяков, то не искать этому человеку свидетеля; если на нем не будет никакого признака ударов, то пусть придет на суд свидетель; если же не сможет прийти, то тому делу конец; если кто за себя не может мстить, то взять за него князю за обиду 3 гривны и оплату врачу.

3. Если кто ударит кого палкой, или жердью, или кулаком, или чашей, или рогом, или обухом, то платить 12 гривен; если этого виновного не достигнут для немедленного отмщения, то ему платить, а тому делу конец.

4. Если кто ударит мечом, не вынув его из ножен, или рукоятью, то 12 гривен за обиду.

5. Если же ударит мечом по руке и рука отвалится или усохнет, то 40 гривен.

6. Если после удара по ноге будет нога цела или ударенный начнет хромать, тогда детей удерживать от мщения.

7. Если же по пальцу ударит какому-либо, то 3 гривны за обиду.

8. А за ус 12 гривен и за бороду 12 гривен.

9. Если кто вынет меч, а не ударит, то тот платит гривну. <...>

11. Если челядин скроется или у варяга, или у колбяга и его в течение трех дней не выведут, но обнаружат его хотя бы на третий день, то взять ему <господину> своего челядина, а 3 гривны за обиду.

12. Если кто поедет на чужом коне без спроса, то платить 3 гривны штрафа.

13. Если кто возьмет чужого коня, или оружие, или одежду, а хозяин опознает в своем миру, то взять ему свое, а 3 гривны за обиду.

14. Если опознает кто похищенное, то не берет его, и пусть не скажет тому, у кого находится опознанное: «Мое», но скажет ему так: «Пойди на свод, где взял». Если же не пойдет, то пусть предъявит поручителя, что пойдет на свод в течение пяти дней.

15. Если где-нибудь взыскивают на другом долг, а он начнет отказываться, то идти ему на извод перед 12 человеками; и если окажется, что он несправедливо не отдал ему, то истец должен получить свои деньги, а за обиду 3 гривны штрафа.

16. Если кто хочет забрать челядина, опознав его как своего, то при своде вести к тому, у кого этот последний по времени господин купил, а тот отведется к следующему, пока не дойдут до третьего; тогда пусть скажет третьему: «Отдай мне своего челядина, а свои деньги ты взыщи при свидетеле».

17. Если холоп ударит свободного человека и убежит в господский дом, а господин его не будет выдавать, то холопа господину взять, и пусть уплатит господин за него 12 гривен, а после того, где тот ударенный человек встретит его, пусть убьет его.

18. А если кто сломает копье или щит или повредит одежду и захочет, чтобы он <хозяин> оставил у себя, то взять с него <виновного> деньги; но если тот, кто сломал, захочет приобрести, то пусть заплатит деньгами столько, сколько господин заплатил за это.

19. Если убьют огнищанина за обиду, то убийца платит за него 80 гривен, а людям не надо; и за княжеского подъездного 80 гривен. <...>

22. А за княжеского тиуна 80 гривен.

23. А за старшего конюха при стаде 80 гривен, как постановил Изяслав за своего конюха, когда его убили дорогобужцы.

24. А за княжеского сельского старосту и за старосту, который руководит пахотными работами, 12 гривен.

25. А за княжеского рядовича 5 гривен.

26. А за смерда и за холопа 5 гривен.

27. Если роба-кормилица или кормилец, 12 гривен.

28. А за княжеского коня, если тот с тавром, 3 гривны, а за коня смерда 2 гривны, за кобылу 60 резан, а за вола гривну, а за корову 40 резан, а за трехлетку 15 кун, а за годовалую полгривны, а за теленка 5 резан, за ягненка ногата, за барана ногата.

29. А если кто уведет чужого холопа или робу, то платить ему за обиду 12 гривен.

30. Если придет человек окровавленный или с синяками, то не искать ему свидетелей.

31. А если кто крадет или коня, или волов, или обкрадывает клеть, то, если один крал, то заплатить ему гривну и тридцать резан; если их будет 18, то платить каждому человеку по три гривны и 30 резан. <...>

33. Если смерда будут истязать, но без княжеского повеления, то 3 гривны за обиду; а за истязание огнищанина, тиуна или мечника 12 гривен.

34. А если кто запашет межу или затешет межевой знак, то 12 гривен за обиду.

35. А если украдет ладью, то за ладью хозяину платить 30 резан, а штрафа князю 60 резан.

36. А за голубя и за курицу 9 кун, а за утку, гуся, журавля, лебедя 30 резан, а штрафа князю 60 резан.

37. А если украдут чужого пса, или ястреба, или сокола, то 3 гривны за обиду.

38. Если убьют вора на своем дворе, или у клетки, или у хлева, то так тому и быть; если продержат до рассвета, то вести его на княжеский двор; а если его убьют, но люди видели, что он был связан, то платить за него. <...>

40. Если украдут овцу, или козу, или свинью, а 10 человек украли одну овцу, то пусть платят по 60 резан штрафа князю, а кто поймал воров, тому 10 резан.

41. А из гривны мечнику куна, а в десятину 15 кун, а князю 3 гривны; а из 12 гривен ему 70 кун, а в десятину 2 гривны, а князю 10 гривен.

42. А это закон при сборе виры: вирнику взять 7 ведер солода на неделю, а также барана, или полтуши говядины, или две ногаты; а в среду резану или сыры, в пятницу то же, а хлеба и пшена сколько смогут съесть; а вирнику 60 гривен и 10 резан и 12 вирниц, а при въезде гривна, а если приходится на говение кормить рыбами, то считать за рыбы 7 резан; таким образом, всех кун 15 на неделю, а хлеба сколько смогут съесть; пусть вирники собирают виру не более недели. Таково постановление Ярослава.

43. А это постановление для мостников: если настелят мост, то взять за работу ногату, а за городню ногата; если же у старого моста надо будет починить несколько досок, 3, 4 или 5, то взять столько же.

Таковы были правила и законы Руси. О том же, как жилось знатным и простым людям той поры, рассказывают новгородские берестяные грамоты – русский вариант европейских граффити.

Берестяные грамоты, XI – рубеж XII в.

От Жировита к Стояну. С тех пор, как ты поклялся мне на кресте и не присылаешь мне денег, идет девятый год. Если же не пришлешь мне четырех с половиной гривен, то я собираюсь за твою вину конфисковать товар у знатнейшего новгородца. Пошли же добром.

Грамота от Жизномира к Микуле. Ты купил рабыню во Пскове, а теперь меня за это схватила княгиня. Но за меня поручилась дружина. А ты теперь пошли к тому мужу грамоту: есть ли у него рабыня? А я вот хочу, коня купив и посадив княжеского мужа, идти на очные ставки. А ты, если не взял тех денег, не бери у него ничего.

Поклон от Ефрема брату моему Исухии. Ты разгневался, не расспросив: меня игумен не пустил. А я отпрашивался, но он послал меня с Асафом к посаднику за медом. А пришли мы двое, когда звонили. Зачем же ты гневаешься? Ведь я всегда у тебя. А зазорно мне, что ты злое мне говорил. И <все же> кланяюсь тебе, братец мой, хоть ты и такое говорил. Ты мой, а я твой.

Грамота от Гюргия к отцу и к матери. Продавши двор, идите сюда – в Смоленск или в Киев: дешев хлеб. Если же не пойдете, то пришлите мне грамотку, как вы живы-здоровы.

От Нежки к Завиду. Почему ты не присылаешь то, что я тебе дала выковать? Я дала тебе, а не Нежате. Если я что-нибудь должна, то посылай судебного исполнителя. Ты дал мне полотнишко; если поэтому не отдаешь, то извести меня. А тогда я вам не сестра, если вы так поступаете, не исполняете для меня ничего! Так вкуй же в три колтка; его четыре золотника в тех двух кольцах.

Поклон от Душилы Нясте. Я пошел в Кучков. Хотят ли ждать или не хотят, а я у Федки, отдав ей браслет, свое возьму.

От Саввы поклон братьям и дружине. Покинули меня люди; а надлежало им остаток дани собрать до осени, по первопутку послать и отбыть прочь. А Захарья, прислав <человека, через него> клятвенно заявил: «Не давайте Савве ни единого песца с них собрать. Сам за это отвечаю». А со мною по этому поводу сразу не рассчитался и не побывал ни у вас, ни здесь, поэтому я остался. Потом пришли смерды, от Андрея мужа приняли, и <его> люди отняли дань. А восемь <человек>, что под началом Тудора, вырвались. Отнесите же с пониманием, братья, к нему, если там из-за этого приключится тягота ему и дружине его.

А сельчанам своим князь сам от Волока и от Меты участки дал. Если же, братья, вины люди на мне не ищут и будет дознание, то я сейчас с радостью послал бы грамоту.

От Кузьмы к Черню. Выдай слуге моему семнадцать гривен, не откажи, и пошли сюда. Да с берковец соли пошли сюда. А если тебе что-нибудь нужно из товара, то я пришлю.

Поклон от игуменьи к Офросении. Пришли привитку и повой. Если у тебя повоев много, то пришли их штук до пяти. А я сильно озабочена черницами: скоро постригать. Поэтому давай-ка разузнай, в монастыре ли Матфей.

Поклон от Пелаги Олфимье. Вот деньги твои от Домачка, для монастыря святой Варвары, в городе; а лежат у Жирослава. Поспеш же в город. А телка святой Варвары здорова ли?

Поклон от Янки с Селятой Ярине. Хочет-таки детище твоего. К празднику ее хочет. Пожалуйста, срочно будь здесь. А я обещала ему свое согласие <на то, чтобы было>, как ты сказала ему давеча: «Придешь – в тот же день сосватаю». А если у тебя там нет повойничка, то купи и пришли. А где мне хлеб, там и тебе.

От Гостяты к Василию. Что мне дал отец и родичи дали впридачу, то за ним. А теперь, женясь на новой жене, он мне не дает ничего. Ударив по рукам, он меня прогнал, а другую взял в жены. Приезжай, сделай милость.

От Смолига к Гречину и к Мирославу. Вы знаете, что я тяжбы не выиграл. Тяжба ваша. Теперь жена моя заплатила 20 гривен, которые вы посулили князю Давыду.

Поклон от попа к Гречину. Напиши для меня двух шестокрылых ангелов на двух иконках сверху деисуса. Приветствую тебя. А относительно платы – поруккой Бог или же договоримся.

От Анны поклон Климяте. Господин брат, вступишь за меня перед Коснятином в моем деле. Заяви ему теперь при свидетелях о его неправоте: «После того, как ты обвинил в поручительстве мою сестру и дочь ее, назвал сестру мою курвою, а дочь блядью, теперь Федор, приехавши и услышав об этом обвинении, выгнал сестру мою и хотел убить». А теперь, господин брат, посоветовавшись с Воиславом, скажи Коснятину: «Раз ты возвел это обвинение, так докажи». Если же скажет Коснятин: «Она поручилась за зятя», то ты, господин братец, скажи ему так: «Если будут свидетели против моей сестры, если будут свидетели, при ком она поручилась за зятя, то вина на ней». Когда же ты, брат, проверишь, в каких словах и в каком поручительстве Коснятин меня обвинил, то, если найдутся свидетели, подтверждающие это, – я тебе не сестра, а мужу не жена! Ты же меня и убей, не глядя на Федора! А давала моя дочь деньги при людях, с объявлением и требовала залога. А <Коснятин> вызвал меня в погост, и я приехала, потому что он уехал со словами: «А шлю четырех дворян <взять с каждого из обвиняемых (?)> по гривне серебра».

От Ремши поклон Климяте и Павлу. Ради Бога, пусть кто-нибудь из вас двоих доберется до архиепископа; скажите архиепископу о моей обиде – о том, как я был бит и закован в кандалы. А я ему <обидчику> ничего не должен. Прошу же вас.

Поклон от Домажира Якову. До моего слуха доходит то, что ты говоришь. Если она тебе не угодна, то отошли сестру ко мне. Я в прошлом году наделил, а теперь я бы послал. А теперь я слышу, что сестра больна. Если ее Бог приберет, то пришли сына ко мне с ее «знатьбой», пусть он побудет у меня за сына и я им утешусь, а потом отошлю его обратно в город. Если же не исполнишь этого, то я тебя предам святой Богородице, перед которой ты приносил клятву.

Среди берестяных грамот немало посланий, так или иначе связанных с монашеским бытом. Монастыри появились на Руси вскоре после крещения страны: так, киевский митрополит Иларион писал о времени правления Владимира, что уже тогда «монастыреве на горах стаа». Вероятно, первыми русскими монастырями были Пустынно-Николаевский в Киеве и Вознесенский в Менске, а впоследствии в одном только Киеве уже насчитывалось 22 монастыря. Судя по летописям, монастыри основывались прежде всего «князьми и боярами», однако, как замечал летописец, «не таковы эти монастыри, как те, которые поставлены слезами, постом, молитвою, бдением».

В числе первых русских монастырей был и Киево-Печерский, сохранившийся до наших дней: отшельник Антоний после длительного пребывания на Афоне поселился в одной из пещер киевского холма, а примерно в 1060 году уже несколько киевских отшельников объединяются в монашескую общину.

Начало монашества на Руси, основание Киево-Печерской лавры, 1070-е годы Житие Феодосия Печерского

Преподобного Феодосия Печерского нередко называют «отцом русского монашества».

Он родился в зажиточной семье княжеского слуги и уже в детстве, избегая игр и забав, прославился подвигами во имя Божие – носил железные вериги, постоянно молился, ходил в рубище. Юношей он покинул дом и пришел в Киев, в пещеру к монаху Антонию, основателю Киево-Печерского монастыря. Другой насельник пещеры, Никон, постриг Феодосия в иноческий чин. С самого начала монашеского пути и до конца жизни Феодосий со рвением исполнял все монашеские послушания: много трудился наравне с другими, был очень скромен, питался хлебом с водою, никогда не спал лежа, но лишь сидя.

В 1062 году братия избрала Феодосия игуменом Киево-Печерского монастыря. В годы его управления монастырь стал едва ли не самым значительным церковным центром Киевской Руси. Число иноков возросло до ста человек, были устроены наземные кельи, началось строительство главного храма монастыря – церкви Успения Пресвятой Богородицы (строительство закончилось в 1077 году). По указанию игумена из Константинополя был привезен так называемый Студийский устав, учреждавший общежительную форму организации монастыря. Этот устав разошелся по другим русским монастырям.

В то время великий Феодосий присмотрел свободное место невдалеке от пещеры, и рассчитал, что достаточно оно для сооружения монастыря, и собрал средства по благодати божественной, и, укрепившись верой и надеждой и Духом Святым исполнившись, начал готовиться к переселению на то место. И с Божьей помощью в недолгое время построил на том месте церковь во имя святой и преславной Богородицы и приснодевы Марии, и окружил стеной место то, и построил множество келий, и переселился туда из пещеры с братией в год 1062.

И с того времени по божественной благодати возвысилось то место, и существует монастырь славный, который и доныне называем мы Печерским и который устроен отцом нашим Феодосием.

Некоторое время спустя послал Феодосий одного из братии в Константинополь, к Ефрему скопцу, чтобы тот переписал для него устав Студийского монастыря и прислал бы ему. Он же без промедления выполнил волю преподобного отца нашего, и весь устав монастырский переписал, и послал его к блаженному отцу нашему Феодосию. Получив его, отец наш Феодосий повелел прочесть его перед всей братией и с тех пор устроил все в своем монастыре по уставу монастыря Студийского, правила те и доныне ученики Феодосиевы блюдут. Если же кто приходил к нему, чтобы стать монахом, не прогонял ни бедняка, ни богатого, но всякого принимал со всем радушием, ибо сам на себе все это испытал, как поведали мы об этом выше: когда пришел он из города своего, желая постричься в монахи, и обходил один за другим все монастыри, не хотели его принимать – Богом так было задумано для его искушения. И вот, вспоминая все это, как трудно может быть человеку, желающему стать монахом, блаженный всегда с радостью принимал приходивших к нему. Но не сразу такого постригал, а давал ему пожить, не снимая с себя мирской одежды, пока не привыкал тот к уставу монастырскому, и только после этого облакал его в монашеское одеяние; и также испытывал его во всех службах и лишь после этого постригал и облачал в мантию: когда станет тот искушенным чернецом, безупречным в житии своем, тогда и удостоится принятия монашеского чина.

Всегда после дней святого мясопуста отец наш Феодосий уходил в святую пещеру свою, где и было потом погребено его честное тело. Тут затворялся он один вплоть до Вербной

недели, а в пятницу той недели, в час вечерней молитвы, приходил к братии, и, остановившись в дверях церковных, поучал всех и утешал в подвижничестве их и в посте. О себе же говорил как о недостойном, что ни в одну из недель не смог он сравняться с ними в подвижничестве. И много раз злые духи досаждали ему, являясь в видениях в той пещере, а порой и раны ему наносили, как пишут и о святом и великом Антонии. Но явился к Феодосию тот, и велел ему дерзать, и невидимо с небес даровал ему силу для победы над ними.

Кто не подивится блаженному, как он, оставаясь один в такой темной пещере, не утрашил множества полчищ невидимых бесов, но выстоял в борьбе с ними, как могучий храбрец, молясь Богу и призывая себе на помощь Господа Иисуса Христа. И так победил их силой Христовой, что не смели они и приближаться к нему и лишь издали являлись ему в видениях. После вечернего пения садился он подремать, ибо никогда не ложился, а если хотел поспать, то садился на стульце и, подремав так немного, снова вставал на ночное пение и коленопреклонение. Когда же садился он, как мы говорили, то тут же слышал в пещере шум от топота множества бесов, как будто одни из них ехали на колесницах, другие били в бубны, иные дудели в сопели, и так все кричали, что даже пещера тряслась от страшного гомона злых духов. Отец же наш Феодосий, все это слыша, не падал духом, не ужасался сердцем, но, оградив себя крестным знаменем, вставал и начинал распевать псалмы Давидовы. И тотчас же страшный шум этот затихал. Но как только, помолвившись, он садился, снова, как и прежде, раздавались крики бесчисленных бесов. Тогда снова вставал преподобный Феодосий и снова начинал распевать псалмы, и тотчас же смолкал этот шум. Вот так много дней и ночей вредили ему злые духи, чтобы не дать ни минуты сна, пока не одолел он их с Божьей помощью и не приобрел от Бога власть над ними, так что с тех пор не смели они даже приблизиться к тому месту, где блаженный творил молитву.

А еще пакостили бесы в доме, где братия хлебы пекла: то муку рассыпали, то разливали закваску для печения хлеба, и много разных иных пакостей творили. Тогда пришел старший над пекарями и рассказал блаженному Феодосию о проделках нечистых бесов. Он же, надеясь, что приобрел от Бога власть над ними, отправился вечером в тот дом и, запершись, остался там до заутрени, творя молитвы. И с того часа не появлялись на том месте бесы и не озорничали, страшась запрещения преподобного и его молитвы.

Великий отец наш Феодосий имел обыкновение каждую ночь обходить все монашеские кельи, желая узнать, как проводят монахи время. Если слышал, как кто-то молится, то и сам, остановившись, славил о нем Бога, а если, напротив, слышал, что где-то беседуют, собравшись вдвоем или втроем в келье, то он тогда, стукнув в их дверь и дав знать о своем приходе, проходил мимо. А на другой день, призвав их к себе, не начинал тут же обличать, а заводил разговор издали, притчами и намеками, чтобы увидеть, какова их приверженность к Богу. Если брат был чист сердцем и искренен в любви своей к Богу, то такой, скоро осознав свою вину, падал ниц и, кланяясь, просил прощения. А бывало, что у иного брата сердце омрачено наваждением бесовским, и такой стоит и думает, что говорят о другом, и не чувствует себя виноватым, пока блаженный не обличит его и не отпустит, укрепив его епитимьей. Вот так постоянно учил он молиться Господу и не беседовать ни с кем после вечерней молитвы, и не бродить из кельи в келью, а в своей келье молиться Богу, а если кто может – заниматься постоянно каким-либо ремеслом, распевая при этом псалмы Давидовы. И так им говорил: «Молю же вас, братья, подвижемся постом и молитвой, и попечемся о спасении душ наших, и отступим от пороков наших и от путей неправедных, которые же суть: любодееание, воровство и клеветы, пустословие, ссоры, пьянство, обжорство, братоненавидение. От всего этого, братья, отвратимся, всего того станем гнушаться, не оскверним этим души своей, но пойдем по пути Господню, ведущему нас в рай, и обратимся к Богу с рыданием и слезами, постом и бдением, и покорностью и послушанием и тем обретем милость его. Еще же возненавидим мир этот, всегда помня Господа, о сем сказавшего: “Если кто не оставит отца и мать, и жену, и детей, и села ради меня

и Евангелия, тот меня не достоин”, и еще: “Обретший жизнь свою – погубит душу, а потерявший жизнь меня ради – душу спасет”. Поэтому и мы, братья, отрекшиеся от мира, отвергнем и все ему присущее, возненавидим же всякую неправду, чтобы мерзости никакой не сотворить, и не вернемся к прежним грехам, как псы возвращаются на свою блевотину. “Тот, – говорит Господь, – кто, возложив руки свои на плуг, оборачивается назад, не достоин войти в царство небесное”. Как же мы избавимся от мук бесконечных, если проведем жизнь свою в праздности и не зная покаяния? Ибо подобает нам, назвавшимся чернецами, всякий день каяться в грехах своих, ибо покаяние – это путь, ведущий к царству, покаяние – это ключ к царству, без него туда не вступить никому. Покаяние – это путь, ведущий в рай, того пути, братья, и станем держаться, на том поставим свои ноги и стопы, к тому пути ведь не приближается змей лукавый, шествие по пути тому скорбно, но зато впереди ожидает радость. Поэтому, братья, встанем на подвиг, не дожидаясь дня того, чтобы обрести блага эти, избегнем всего, что ожидает нерадивых и живущих без покаяния».

Святой же наставник этот так поступал, тому и учил всю братию. Они же, как земля, жаждущая воды, принимали слова его, принося плоды трудов своих Господу – кто сто, а кто 60. И были видны на земле люди словно бы уподобившиеся ангелам, и монастырь тот был подобен небу, и в нем блаженный отец наш Феодосий ярче солнца сиял добрыми деяниями, как это было явлено игумену монастыря святого архистратига Михаила по имени Софроний. Как-то он ехал в монастырь свой, а ночь была темная, и вдруг увидел свет только над монастырем блаженного отца нашего Феодосия. И удивился он и, прославив Бога, возгласил: «О, сколь велика благостыня твоя, Господи, что показал ты такой свет на месте сем – преподобного этого мужа, который, так сияя, озарил и монастырь свой!» О том же рассказывали не раз и иные многие.

Поэтому, услышав о славном их житии, князья и бояре приходили к великому Феодосию, исповедовались ему в грехах и уходили от него с великой для себя пользой, а также приносили ему что-либо от своих богатств, даря на утешение братии и на устройство монастыря. Другие даже села свои дарили монастырю. Но особенно любил блаженного христолюбивый князь Изяслав, сидевший тогда на столе отца своего, и часто призывал он к себе Феодосия, а нередко и сам приходил к нему и, насытившись духовной беседой с ним, возвращался восвояси. С тех пор прославил Бог место то, умножая все благое в нем по молитвам своего угодника.

Будучи человеком деятельным, Феодосий не оставался в стороне от политики: он был «советником» киевского князя Изяслава. Между тем на Русь надвигалась новая угроза – в южных степях место разгромленных печенегов заняли кочевники-куманы, более известные по летописям как половцы.

Нашествие половцев, 1068 год Повесть временных лет

Внешняя угроза – половцы, против которых киевский князь выступил вместе с братьями, Всеволодом и Святославом, – усугублялась угрозой внутренней: на киевский престол предъявил права князь Всеслав, дальний потомок полоцкого князя Рогволода, некогда убитого Владимиром Святým: Владимир силой взял в жены Рогнеду, дочь Рогволода, которая родила князю Ярослава и Изяслава; сыном последнего и был Всеслав. По велению Изяслава Ярославича Всеслава схватили и заключили в темницу.

В год 1068. Пришли иноплеменники на Русскую землю, половцев множество. Изяслав же, и Святослав, и Всеволод вышли против них на Альту. И ночью пошли друг на друга. Навел на нас Бог поганых за грехи наши, и побежали русские князья, и победили половцы.

Наводит Бог в гнев своем иноплеменников на землю, и тогда, в горе, люди вспоминают о Боге; междоусобная же война бывает от дьявольского совращения. Бог ведь не хочет зла людям, но блага; а дьявол радуется злomu убийству и кровопролитию, разжигая ссоры и зависть, брато-ненавидение, клевету. Когда же впадает в грех какой-либо народ, казнит Бог его смертью, или голодом, или нашествием поганых, или засухой, или гусеницей, или иными казнями, чтобы мы покались, ибо Бог велит нам жить в покаянии и говорит нам через пророка: «Обратитесь ко мне всем сердцем вашим, в посте и плаче». Если мы будем так поступать, простятся нам все грехи; но мы к злу возвращаемся, как свинья, в кале греховном вечно валяющаяся, так и пребываем... Взыщите праведного суда, избавьте обижаемого; обратимся к покаянию, не воздавая злом за зло, клеветой за клевету, но возлюбим Господа Бога нашего, постом, и рыданием, и слезами омывая все прегрешения наши, не так, что словом только называемся христианами, а живем как язычники. Вот разве не по-язычески мы живем, если во встречу верим? Ведь если кто встретит черноризца, то возвращается, так же поступает и встретив кабана или свинью, – разве это не по-язычески? Это ведь по наущению дьявола держатся этих примет; другие же в чихание веруют, которое на самом деле бывает на здравие голове. Но дьявол обманывает и этими и иными способами, всякими хитростями отвращая нас от Бога: трубами и скоморохами, гуслиями и русалиями. Видим ведь, как места игрищ утоптаны, и людей множество на них, как толкают друг друга, устраивая зрелища, бесом задуманные, – а церкви пусты стоят; когда же бывает время молитвы, молящихся мало оказывается в церкви. Потому и казни всяческие принимаем от Бога и набеги врагов; по Божьему повелению принимаем наказание за грехи наши. Но возвратимся к своему повествованию.

Когда Изяслав со Всеволодом пришли в Киев, а Святослав – в Чернигов, то киевляне прибежали в Киев, и собрали вече на торгу, и послали к князю сказать: «Вот, половцы рассеялись по всей земле, дай, княже, оружие и коней, и мы еще сразимся с ними». Изяслав же того не послушал. И стали люди роптать на воеводу Коснячка; пошли с вече на гору и пришли на двор Коснячков и, не найдя его, стали у двора Брючиславова и сказали: «Пойдем освободим дружину свою из темницы». И разделились надвое: половина их пошла к темнице, а половина их пошла по Мосту, эти и пришли на княжеский двор. Изяслав в это время на сенях совет держал с дружиной своей, и заспорили с князем те, кто стоял внизу. Когда же князь смотрел из оконца, а дружина стояла возле него, сказал Туки, брат Чудина, Изяславу: «Видишь, князь, люди расшумелись; пошли, пусть постерегут Всеслава». И пока он это говорил, другая половина людей пришла от темницы, отворив ее. И сказала дружина князю: «Не к добру это; пошли ко Всеславу, пусть, подозревая его к оконцу, пронзят мечом». И не послушал того князь. Люди же закричали и пошли к темнице Всеслава. Изяслав же, видя это, побежал со Всеволодом со

двора, люди же освободили Всеслава из поруба – в 15-й день сентября – и поставили его среди княжеского двора. Двор же княжий разграбили – бесчисленное множество золота и серебра, и монеты, и меха. Изяслав же бежал в Польшу.

Продолжали половцы разорять землю Русскую, а Святослав был в Чернигове, и стали они воевать около Чернигова, Святослав же, собрав небольшую дружину, вышел против них к Сновску. И увидели половцы идущих воинов, и изготавились к бою. И Святослав, увидев, что их множество, сказал дружине своей: «Сразимся, некуда уже нам деться». И припустили коней, и одолел Святослав с тремя тысячами, а половцев было двенадцать тысяч; и так их перебили, а другие утонули в Снови, а князя их взяли в первый день ноября. И возвратился с победой в город свой Чернигов Святослав.

Всеслав же сел в Киеве. Этим Бог явил силу креста, потому что Изяслав целовал крест Всеславу, а потом схватил его: из-за того и навел Бог поганых. Всеслава же явно избавил крест честной! Ибо в день Воздвижения Всеслав, вздохнув, сказал: «О крест честной! Так как верил я в тебя, ты и избавил меня от рва этого». Бог же явил силу креста в назидание земле Русской, чтобы не преступали честного креста, целовав его; если же преступит кто, то и здесь, на земле, примет казнь и в будущем веке казнь вечную. Ибо велика сила крестная: крестом бывают побеждаемы силы бесовские, крестом Господь князьям в сражениях помогает, крестом ограждаемы, верующие люди побеждают супостатов, крест же быстро избавляет от напастей призывающих его с верою. Ничего не боятся бесы, только креста. Если бывают от бесов наваждения, то, осенив лицо крестом, их отгоняют. Всеслав же сидел в Киеве семь месяцев.

Вероятно, освобождению Всеслава и его утверждению на престоле послужило восстание киевлян, которые взбунтовались против Изяслава, побоявшегося вооружить народ, желавший вместе с дружиной князя отражать нападение половцев, – Изяслав потерпел поражение в битве с половцами. Изяслав бежал, но некоторое время спустя вернулся с войском, набранным в Польшу, и занял Киев; однако вскоре ему вновь пришлось бежать, и так продолжалось несколько лет. Князья и княжичи оспаривали друг у друга владения, прежде всего «стольный град Киев», призывая на подмогу то половцев, то поляков, то иных чужеземцев. На киевском престоле один правитель быстро сменял другого, регулярно предпринимались попытки захватить прочие важные города – Чернигов, Муром, Новгород. В 1097 году в Любече самые влиятельные князья собрались «держать совет»: на совете все принесли клятву не зариться на чужие земли – был решен вопрос о наследовании власти от отца к сыну. Но эта клятва тут же была нарушена – был схвачен и ослеплен Василько Ростиславич, князь Тербовльский, и этот год можно считать официальной датой начала длительного периода междоусобиц на Руси.

Ослепление Василька Теремовского, 1097 год Повесть временных лет

В год 1097. Пришли Святополк, и Владимир, и Давыд Игоревич, и Василько Ростиславич, и Давыд Святославич, и брат его Олег и собрались на совет в Любече для установления мира, и говорили друг другу: «Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами до сих пор идут войны. Да отныне объединимся чистосердечно и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей: Святополк – Киевом, Изяславовой отчиной, Владимир – Всеволодовой, Давыд и Олег и Ярослав – Святославовой, и те, кому Всеволод роздал города: Давыду – Владимир, Ростиславичам же: Володарю – Перемышль, Васильку – Теремовль». И на том целовали крест: «Если отныне кто на кого пойдет, против того будем мы все и крест честной». Сказали все: «Да будет против того крест честной и вся земля Русская». И попрощавшись, пошли восояси.

И пришли Святополк с Давыдом в Киев, и рады были люди все, но только дьявол огорчен был их любовью. И влез сатана в сердце некоторым мужам, и стали они наговаривать Давыду Игоревичу, говоря так: «Владимир соединился с Васильком на Святополка и на тебя». Давыд же, поверив лживым словам, начал наговаривать ему на Василька: «Кто убил брата твоего Ярополка, а теперь злоумышляет против меня и тебя и соединился с Владимиром? Позаботься же о своей голове». Святополк же сильно смутился и сказал: «Правда это или ложь, не знаю». И сказал Святополк Давыду: «Коли правду говоришь, Бог тебе свидетель; если же от зависти говоришь, Бог за того будет». Святополк же пожалел брата своего и про себя стал думать, а ну как правда все это? И поверил Давыду, и обманул Давыд Святополка, и начали они думать о Васильке, а Василько этого не знал, и Владимир тоже. И стал Давыд говорить: «Если не схватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне во Владимире». И послушался его Святополк. И пришел Василько 4 ноября, и перевезся на Выдубичь, и пошел поклониться к святому Михаилу в монастырь, и ужинали тут, а обоз свой поставил на Рудице; когда же наступил вечер, вернулся в обоз свой. И на другое утро прислал к нему Святополк, говоря: «Не ходи от именин моих». Василько же отказался, сказав: «Не могу медлить, как бы не случилось дома войны». И прислал к нему Давыд: «Не уходи, брат, не ослушайся брата старшего. Пойдем оба». И не захотел Василько ни сделать так, ни послушаться их. И сказал Давыд Святополку: «Видишь ли – не помнит о тебе, ходя под твоей рукой. Когда же уйдет в свою волость, сам увидишь, что займет все твои города – Туров, Пинск и другие города твои. Тогда помянешь меня. Но призови его теперь, схвати и отдай мне». И послушался его Святополк, и послал за Васильком, говоря: «Если не хочешь дожидаться именин моих, то приди сейчас, поприветствуешь меня и посидим все с Давыдом». Василько же обещал прийти, не догадываясь об обмане, который задумал против него Давыд. Василько же, сев на коня, поехал, и встретил его отрок его, и сказал ему: «Не езд, княже, хотят тебя схватить». И не послушал его, подумав: «Как им меня схватить? Только что целовали крест, говоря: если кто на кого пойдет, то на того будет крест и все мы». И, подумав так, перекрестился и сказал: «Воля Господня да будет». И приехал с малою дружиной на княжеский двор, и вышел к нему Святополк, и пошли в гридницу, и пришел Давыд, и сели. И стал говорить Святополк: «Останься на праздник». И сказал Василько: «Не могу остаться, брат: я уже и обозу велел идти вперед». Давыд же сидел как немой. И сказал Святополк: «Позавтракай хоть, брат». И обещал Василько позавтракать. И сказал Святополк: «Посидите вы здесь, а я пойду распоряжусь». И вышел вон, а Давыд с Васильком сидели. И стал Василько говорить с Давыдом, и не было у Давыда ни голоса, ни слуха, ибо был объят ужасом и обман держал в сердце. И, посидев немного, спросил Давыд: «Где брат?» Они же сказали ему: «Стоит на сеньях». И, встав, сказал Давыд: «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди». И,

встав, Давыд вышел вон. И как только вышел Давыд, заперли Василька – 5 ноября, – и оковали его двойными оковами, и приставили к нему стражу на ночь. На другое же утро Святополк созвал бояр и киевлян и поведал им, что сказал ему Давыд, что «брата твоего убил, а против тебя соединился с Владимиром и хочет тебя убить и города твои захватить». И сказали бояре и люди: «Тебе, князь, следует заботиться о голове своей; если правду сказал Давыд, пусть понесет Василько наказание; если же неправду сказал Давыд, то пусть сам примет месть от Бога и отвечает перед Богом». И узнали игумены и стали просить за Василька Святополка; и отвечал им Святополк: «Это все Давыд». Давыд же, узнав обо всем, начал подговаривать на ослепление: «Если не сделаешь этого, а отпустишь его, то ни тебе не княжить, ни мне». Святополк хотел отпустить его, но Давыд не хотел, остерегаясь его. И в ту же ночь повезли Василька в Звенигород – небольшой город около Киева, верстах в десяти; и привезли его в телеге закованным, высадили из телеги и повели в небольшую избу. И, сидя там, увидел Василько торчина, точившего нож, и понял, что хотят его ослепить, и возопил к Богу с плачем великим и со стенаньями громкими. И вот вошли посланные Святополком и Давыдом Сновид Изечевич, конюх Святополков, и Дмитр, конюх Давыдов, и начали расстилать ковер, и, разостлав, схватили Василька, и хотели его повалить; и боролись с ним крепко, и не смогли его повалить. И вот вошли другие, и повалили его, и связали его, и сняв доску с печи, положили на грудь ему. И сели по сторонам доски Сновид Изечевич и Дмитр и не могли удержать его. И подошли двое других, и сняли другую доску с печи, и сели, и придавили так сильно, что грудь затрещала. И приступил торчин, по имени Берендий, овчарь Святополков, держа нож, и хотел вонзить нож в глаз, и, промахнувшись, порезал ему лицо, и видна та рана на лице его. И затем вонзил ему нож в глаз и исторг глаз, и потом – в другой глаз вонзил нож и вынул другой глаз. И был он в то время как мертвый. И, взяв его на ковре, взвалили его на телегу как мертвого, повезли во Владимир. И по пути остановились с ним, перейдя Здвиженский мост, на торговище и стащили с него окровавленную сорочку и дали попадье постирать. Попадья же, постирав, натянула на него, когда те обедали; и стала оплакивать его попадья как мертвого. И разбудил его плач, и сказал: «Где я?» И ответили ему: «В Здвижене-городе». И попросил воды, они же дали ему, и испил воды, и вернулась к нему душа его, и опомнился, и пощупал сорочку и сказал: «Зачем сняли ее с меня? Лучше бы в той сорочке смерть принял и предстал бы в окровавленной сорочке перед Богом». Те же, пообедав, вскоре поехали с ним на телеге по неровному пути, ибо был тогда месяц «неровный» – грудень, то есть ноябрь. И прибыли с ним во Владимир на шестой день. Прибыл же и Давыд с ним, точно зверя изловив. И посадили его во дворе Вакееве, и приставили стеречь его тридцать человек и двух отроков княжих, Улана и Колчка.

Владимир же, услышав, что схвачен Василько и ослеплен, ужаснулся, горько заплакал и сказал: «Не бывало еще в Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших такого зла». И тотчас послал к Давыду и Олегу Святославичам, говоря: «Приходите в Городец, да поправим зло, случившееся в Русской земле среди нас, братьев, ибо нож в нас ввержен. И если этого не поправим, то еще большее зло встанет среди нас, и начнет брат брата закалывать, и погибнет земля Русская, и враги наши половцы, придя, возьмут землю Русскую». Услышав это, Давыд и Олег сильно опечалились и заплакали, говоря, что «этого не бывало еще в роде нашем». И тотчас, собрав воинов, пришли к Владимиру. Владимир же с воинами стоял тогда в бору, Владимир же и Давыд и Олег послали мужей своих к Святополку, говоря: «Зачем ты зло это учинил в Русской земле и вверг нож в нас? Зачем ослепил брата своего? Если бы было у тебя какое обвинение против него, то обличил бы его перед нами, и, доказав его вину, тогда и поступил бы с ним так. А теперь объяви вину его, за которую ты сотворил с ним такое». И сказал Святополк: «Поведал мне Давыд Игоревич: “Василько брата твоего убил, Ярополка, и тебя хочет убить и захватить волость твою, Туров, и Пинск, и Берестье, и Погорину, а договорился с Владимиром, что сесть Владимиру в Киеве, а Васильку во Владимире”. А мне поневоле нужно свою голову беречь. И не я его ослепил, но Давыд; он и привез его к себе». И сказали

мужи Владимировы, и Давыдовы, и Олеговы: «Не отговаривайся, будто Давыд ослепил его. Не в Давыдовом городе схвачен и ослеплен, но в твоём городе взят и ослеплен». И, сказав это, разошлись. На следующее утро Владимир и Давыд и Олег собрались перейти через Днепр на Святополка, Святополк же хотел бежать из Киева, и не дали ему киевляне бежать, но послали вдову Всеволодову и митрополита Николу к Владимиру, говоря: «Молим, княже, тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли. Ибо если начнете войну между собою, поганые станут радоваться и возьмут землю нашу, которую собрали ваши деды и отцы ваши трудом великим и храбростью, борясь за Русскую землю и другие земли приискивая, а вы хотите погубить землю Русскую». Всеволодова же вдова и митрополит пришли к Владимиру, и молили его, и поведали мольбу киевлян – заключить мир и блюсти землю Русскую и биться с погаными. Услышав это, Владимир расплакался и сказал: «Воистину отцы наши и деды наши соблюли землю Русскую, а мы хотим погубить». И уступил Владимир мольбе княгининой, которую почитал как мать, в память об отце своем, ибо сильно любил он отца своего и при жизни его и по смерти не ослушивался его ни в чем. И послушал ее как мать свою, и митрополита также чтит за сан святительский и не ослушался мольбы его.

Пожалуй, едва ли не последним совместным предприятием русских князей стали походы на половцев, как, например, окончившийся победой поход 1103 года – по свидетельству летописца, русские еще никогда не одерживали столь блестящей победы над половцами.

Поход на половцев, 1103 год Повесть временных лет

В год 1103. Вложил Бог в сердце князьям русским мысль благую – Святополку и Владимиру, и собрались на совет в Долобске. И сел Святополк с дружиною своею, а Владимир со своею дружиною в одном шатре. И стали совещаться, и начала говорить дружина Святополкова, что «не время ныне, весной, воевать: погубим смердов и пахоту их». И сказал Владимир: «Дивно мне, дружина, что лошадей жалеете, которыми пашут, а почему не подумаете о том, что вот начнет пахать смерд, и, приехав, половец поразит смерда стрелою, а лошадь его заберет, а в село его приехав, захватит жену его и детей и все имущество его возьмет? Лошадь его вы жалеете, а самого почему не жалеете?» И ничего не смогла возразить ему дружина Святополка. И сказал Святополк: «Брат мой! Вот я готов уже». И встал Святополк, и сказал ему Владимир: «Это ты, брат, великое добро сотворишь земле Русской». И послали к Олегу и Давыду, говоря: «Пойдите на половцев, да будем либо живы, либо мертвы». И послушал Давыд, а Олег не захотел того, сказав причину: «Нездоров». Владимир же, попрощавшись с братом своим, пошел в Переяславль, а Святополк за ним, и Давыд Святославич, и Мстислав, Игорев внук, Вячеслав Ярополчич, Ярополк Владимирович. И пошли на конях и в ладьях, и зашли ниже порогов, и стали на протоке у острова Хортицы. И сели на коней, а пешие, выйдя из ладей, шли полем четыре дня и прошли на Сутень. Половцы же, услышав, что идет русь, собрались в бесчисленном множестве и стали совещаться. И сказал Урусоба: «Попросим мира у руси, так как крепко они будут биться с нами, ибо много зла причинили мы Русской земле». И сказали Урусобе молодые: «Ты боишься руси, но мы не боимся. Перебив этих, пойдем в землю их и завладеем городами их, и кто избавит их от нас?» Русские же князья и воины все молились Богу и обеты давали Богу и Пречистой матери его, кто кутьей, кто милостынею убогим, другие же пожертвованиями в монастыри. И когда они так молились, пришли половцы и послали перед собою в разведку Алтунопу, который славился у них мужеством. Также и русские князья послали разведку свою. И подстерегли Алтунопу и, обступив Алтунопу, убили его и тех, кто был с ним, и ни один не спасся, но всех перебили. И пошли полки половецкие, словно лес, и не окинуть их было взором, и русь пошла против них. И великий Бог вложил растерянность великую в половцев, и страх напал на них и трепет перед лицом русских воинов, и оцепенели сами, у коней их не было быстроты в ногах. Наши же с весельем на конях и пешие двинулись на них. Половцы же, увидев, как устремились на них русские, не дойдя до них, побежали перед русскими князьями. Наши же погнались, рубя их. В день 4 апреля даровал Бог великое спасение в тот день благоверным князьям русским и всем христианам, а на врагов наших дал нам победу великую. И убили тут в бою двадцать князей: Урусову, Кочия, Ярославну, Китану, Кунама, Асупа, Куртыка, Ченегрепу, Сурбаря и прочих князей их, а Белдюзя захватили. После того сели братья совещаться, победив врагов своих, и привели Белдюзя к Святополку, и стал Белдюзь предлагать за себя золото, и серебро, и коней, и скот. Святополк же послал его к Владимиру. И когда он пришел, начал спрашивать его Владимир: «Знай, это <нарушенная> клятва захватила вас! Ибо сколько раз, дав клятву, вы все-таки разоряли Русскую землю? Почему не учил ты сыновей своих и род свой не нарушать клятвы, но проливаете кровь христианскую? Да будет кровь твоя на голове твоей!» И повелел убить его, и так разрубили его на куски. И затем собрались братья все, и сказал Владимир: «“Вот день, который даровал Господь, возрадуемся и возвеселимся в этот день”, ибо Бог избавил нас от врагов наших, и покорил врагов наших, и “сокрушил головы змеиные, и отдал Господь достояние их нам”». Ибо взяли тогда скот, и овец, и коней, и верблюдов, и вежи с добычей и с челядью, и захватили печенегов и торков с вежами. И вернулись на Русь с полоном великим, и со славою, и с победой великой.

Семь лет спустя князья вновь двинули объединенное войско в степь и рассеяли половцев, убив большинство их ханов, – победу одержал Владимир Мономах при Сальнице. Через два года умер киевский князь Святополк, в городе началось восстание кабальных людей против купцов-ростовщиков, и тогда бояре призвали на княжение Владимира, внука Ярослава Мудрого и двоюродного брата Святополка. В историю этот князь вошел под именем Владимира Мономаха, поскольку его отец Всеволод был женат на дочери византийского императора Константина Мономаха. Предание гласит, что новый император Византии Алексей Комнин прислал Владимиру в дар регалии – золотой венец и бармы (воротник-оплечье); позднее русские мастера дополнили венец навершием с крестом и оторочили соболиным мехом. Так появилась шапка Мономаха – традиционный головной убор русских царей вплоть до Петра I.

Владимир правил с 1113 по 1125 год и сумел вновь объединить Русь. Кроме того, он оградил страну от половецких набегов, заселив степи между Русью и владениями половцев другими кочевыми народами, подвластными Руси. На смертном одре он составил «Поучение» – завещание своим детям.

Поучение Владимира Мономаха, 1125 год Владимир Мономах

Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь над нею, но примите ее в сердце свое и не ленитесь, но усердно трудитесь! <...>

В дому своем не ленитесь, но за всем наблюдайте, не полагайтесь на тиуна, ни на отрока, чтобы приходящие к вам не посмеялись ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не надейтесь на воевод. Ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью. Сторожей сами снаряжайте и ночью, со всех сторон расставив охрану, ложитесь около воинов, а вставайте рано. Оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись; по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь и пьянства, от того душа погибает и тело.

Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали люди проклинать вас.

Везде, куда вы пойдете и где останетесь, напоите и накормите просящего. <...> Всего же более убогих не забывайте и подавайте сироте, и вдовицу рассудите сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его. Мы, люди, грешны, и если кто нам зло сотворит, то хотим его поглотить, кровь его пролить скорей.

Если же вам придется крест целовать, то, проверив сердце свое, целуйте только на том, что можете выполнить, а целовав, соблюдайте свое слово, ибо, нарушив клятву, погубите душу свою.

Гордости не имейте в сердце и в уме: смертны все, сегодня живы, а завтра в гробу; все, что мы имеем, дано нам на малое время. Не уклоняйтесь учить увлекающихся властью, ни во что ставьте всеобщий почет.

Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. Более же всего чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, то угостите его пищей и питьем; ибо он, проходя, прославит человека по всем землям или добрым, или злым.

Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не приветив его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте ей власти над собой.

Если забудете это, то чаще перечитывайте мою грамотку, тогда и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, того не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь – как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь ему была от других стран. Лениость ведь мать всему дурному: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее. Пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой покойный и все добрые мужи.

А теперь поведаю вам, дети мои, о труде моем, как трудился я в походах и на охотах с тринадцати лет. Сначала я к Ростову пошел сквозь землю вятичей – послал меня отец, а сам пошел к Курску. И снова, второй раз ходил я к Смоленску, а из Смоленска пошел во Владимир на Волыни. Той же зимой послали меня братья в Берестье на пожарище, что поляки пожгли, и там правил я городом мирно. Затем ходил в Переяславль к отцу, а после пасхи из Переяславля во Владимир – в Сутейске мир заключать с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир. <...>

А всего походов было восемьдесят три великих, а остальных и не упомяну меньших. И миров я заключал с половецкими князьями без одного двадцать и при отце и без отца, и раздавал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков Шаруканевых двух братьев и других сто лучших князей половецких.

А вот как я трудился, охотясь: коней диких ловил я своими руками в пущах и на равнинах и связывал их живых. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал. Вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник прокусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул, и Бог сохранил меня невредимым. И с коня я падал много раз, голову разбивал дважды, и руки и ноги свои в юности повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал – на войне и на охотах, ночью и днем, в зной и в стужу, не давая себе покоя, не полагаясь ни на посадников, ни на биричей. Все делал сам, что было нужно, весь порядок в доме у себя сам устанавливал. И следил за порядком у ловчих и у конюхов. И о соколах и о ястребах заботился. Также и бедного смерда и убогую вдовицу не давал в обиду сильным.

Не осуждайте меня, дети или другой, кто прочтет: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю Бога за то, что он меня, грешного и ничтожного, столько лет оберегал от тех смертельных опасностей и создал меня не ленивым, но способным на всякие дела человеческие.

Прочитав эту грамотку, постарайтесь, дети, совершать всякие добрые дела. Смерти, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам Бог даст.

Сын Владимира Мстислав, позднее прозванный Великим, нанес очередное поражение половцам и подчинил Киеву Полоцк, князей которого изгнал в Византию. С его кончиной между князьями вновь началась борьба за первенство, сложились две группировки – Мономашичи (сыновья Владимира) и Мстиславичи (сыновья Мстислава, племянники Мономашичей), которые враждовали столь отчаянно, что Киев неоднократно переходил из рук в руки. В 1136 году, после изгнания Всеволода Мстиславича из Новгорода, началось и отпадение Новгорода от Киевской Руси.

Дважды в Киеве княжил Юрий, один из младших сыновей Мономаха, князь ростово-суздальский, основатель таких городов, как Дмитров, Звенигород и Переславль-Залесский. В 1147 году Юрий написал своему союзнику князю Святославу: «Приди ко мне, брате, в Москов». Это первое письменное упоминание о Москве, и потому 1147 год считается официальной датой основания города.

Хотя традиция связывает основание Москвы с именем князя Юрия Долгорукого, вероятнее всего, этот князь не основал город, а захватил уже существовавшее к тому времени поселение. Предание гласит, что эта местность принадлежала боярину Степану Кучке, который не оказал князю должного почтения: Юрий убил боярина и завладел его землями.

Позднее Кучковичи, боярский род Кучки, отомстили Юрию, убив его сына, князя Андрея Боголюбского, хотя убийство, конечно, было спровоцировано соперничеством между новой столицей Владимиром и прежними центрами княжества – Ростовом и Суздалем.

Смерть Андрея Боголюбского, 1175 год Повесть об убиении Андрея Боголюбского

Андрей вошел в историю как князь-строитель: при нем и его усилиями появились такие архитектурные шедевры Древней Руси, как храм Покрова на Нерли (1165 год), Успенский собор во Владимире (1158–1160 годы) и Владимирский кремль, от которого до нашего времени сохранились знаменитые Золотые ворота. Свое прозвище князь получил по селу Боголюбово под Владимиром, где он выстроил себе дворец из белого камня.

В год 1175. Убит был великий князь Андрей Суздальский, сын Юрия, внук Владимира Мономаха июня месяца в 28-й день, в канун праздника святых апостолов. И была тогда суббота.

Создал же он себе городок каменный, под названием Боголюбове, столь же далеко Боголюбове от Владимира, как и Вышгород от Киева. Благоверный и христоробивый князь Андрей с юных лет Христа возлюбил и Пречистую его мать; знанье же отринув и рассужденья и, как хоромы чудесные, душу украсив всеми благими желаньями, уподобился царю Соломону, когда, храм Господу Богу и церковь преславную Рождества святой Богородицы посреди Боголюбова в камне создав, разукрасил ее больше всех церквей: подобна она той Святая Святых, которую царь Соломон премудрый создал; так и этот князь, благоверный Андрей, создал церковь такую на память о себе, и украсил ее драгоценными иконами, золотом, и дорогими камнями, и жемчугом крупным бесценным, и снабдил украшеньями разными, и украсил плитами из яшмы и всяким узорным литьем, – блеском осыпав ее так, что больно смотреть, ибо вся она в золоте стала. И украсил ее, и осыпал утварью золотой, драгоценной, всем входящим на удивление, так, что всякий, видевший это, не может выразить словом невероятной ее красоты; золотом и эмалью, и всякими драгоценностями, и церковным имуществом украшена, и всякой церковной утварью – золотая дарохранительница с дорогими камнями, с опахалами ценными и кадилами разными, и снаружи от верха до пола по стенам и столбам тоже золотом крыто, и двери, и своды у церкви также золотом крыты, и купол златом украшен от верха до Деисуса, и разным церковным добром переполнена, украшена всяким художеством! <...>

Итак, состоялся в пятницу на обедне коварный совет злодеев преступных. И был у князя Яким, слуга, которому он доверял. Узнав от кого-то, что брата его велел князь казнить, возбудился он по дьявольскому наущению и примчался с криками к друзьям своим, злым сообщникам, как когда-то Иуда к евреям, стремясь угодить отцу своему, Сатане, и стал говорить: «Сегодня его казнил, а завтра – нас, так промыслим о князе этом!» И задумали убийство в ночь, как Иуда на Господа.

Лишь настала ночь, прибежав и схвативши оружие, пошли на князя, как дикие звери, но, пока они шли к его спальне, пронзил их и страх, и трепет. И бежали с крыльца, спустясь в погреба, упились вином. Сатана возбуждал их в погребе и, служа им незримо, помогал укрепиться в том, что они обещали ему. И так, упившись вином, взошли они на крыльцо. Главарем же убийц был Петр, зять Кучки, Анбал, яс родом, ключник, да Яким, да Кучковичи – всего числом двадцать зловредных убийц, вошедших в греховный сговор в тот день у Петра, у Кучкова зятя, когда настала субботняя ночь на память святых апостолов Петра и Павла.

Когда, схватив оружие, как звери свирепые, приблизились они к спальне, где блаженный князь Андрей возлежал, позвал один, став у дверей: «Господин мой! Господин мой...» И князь отозвался: «Кто здесь?» – тот же сказал: «Прокопий...», но в сомненье князь произнес: «О, малый, ты не Прокопий!» Те же, подскочив к дверям и поняв, что здесь князь, начали бить в двери и силой выломали их. Блаженный же вскочил, хотел схватить меч, но не было тут меча,

ибо в тот день взял его Анбалключник, а был его меч мечом святого Бориса. И ворвались двое убийц, и набросились на него, и князь швырнул одного под себя, а другие, решив, что повержен князь, впотьмах поразили своего; но после, разглядев князя, схватились с ним, ибо он был силен. И рубили его мечами и саблями, и раны копьем ему нанесли, и воскликнул он: «О, горе вам, бесчестные, зачем уподобились вы Горясеру? Какое вам зло я нанес? Если кровь мою прольете на земле, пусть Бог отомстит вам за мой хлеб!» Бесчестные же эти, решив, что убили его окончательно, взяв раненого своего, понесли его вон и дрожа ушли. Князь же, внезапно выйдя за ними, начал рыгать и стонать от внутренней боли, пробираясь к крыльцу. Те же, услышав голос, воротились снова к нему. И пока они были там, сказал один: «Стоя там, я видел в окно князя, как шел он с крыльца вниз». И воскликнули все: «Ищите его!» – и бросились все взглянуть, нет ли князя там, где, убив его, бросили. И сказали: «Теперь мы погибли! Скорее ищите его!» И так, запалив свечи, отыскивали его по кровавому следу.

Князь же, увидев, что идут к нему, воздев руки к небу, обратился к Богу, говоря: «Если, Боже, в этом сужден мне конец – принимаю его. Хоть и много я согрешил, Господи, заповедей твоих не соблюдая, знаю, что милостив ты, когда видишь плачущего, и навстречу спешишь, направляя заблудшего».<...>

И пока он так говорил и молился о грехах своих Богу, сидя за лестничным столбом, заговорщики долго искали его – и увидели сидящим подобно непорочному агнцу. И тут проклятые подскочили и прикончили его. Петр же отсек ему правую руку. А князь, на небо взглянув, сказал: «Господи, в руки тебе предаю душу мою» – и умер. Убит был с субботы в ночь, на рассвете, под утро уже воскресенья – день памяти двенадцати апостолов.

Проклятые же, возвращаясь оттуда, убили Прокопия, любимца его, оттуда прошли в палаты и забрали золото, дорогие каменья и жемчуг, и всякие украшения – все, что дорого было князю. И погрузив на лучших его лошадей, до света еще отослали себе по домам. А сами, схватив заветное княжье оружие, стали собирать воинов, говоря: «Ждать ли, пока пойдет на нас из Владимира дружина?» – и собрали отряд, и послали к Владимиру весть: «Не замышляете ли чего против нас? Хотим мы с вами уладить: ведь не только одни мы задумали так, и среди вас есть наши сообщники». И ответили владимирцы: «Кто ваш сообщник – тот пусть будет с вами, а нам без нужды» – и разошлись, и ринулись грабить: страшно глядеть!

Прибежал на княжий двор Кузьма-киевлянин: «Уже нету князя: убит!» И стал расспрашивать Кузьма: «Где убит господин?» – и ответили ему: «Вон лежит, выволочен в сад! Но не смей его брать, все мы решили бросить его собакам! Если же кто приступит к нему – тот враг нам, убьем и его!» И начал оплакивать князя Кузьма: «Господин мой! Как ты не распознал мерзких и бесчестных врагов своих, идущих тебя убить? И как это ты не сумел победить их, некогда побеждавший полки неверных болгар?» – и так оплакивал он князя. И подошел ключник Анбал, родом яс, управитель всего княжьего дома, надо всеми власть ему дал князь. И сказал, взглянув на него, Кузьма: «Анбал, вражий сын! Дай хоть ковер или что-нибудь, чтобы постлать или чем накрыть господина нашего». И ответил Анбал: «Ступай прочь! Мы хотим бросить его собакам». И сказал Кузьма: «Ах, еретик! уже и собакам бросить! Да помнишь ли, жид, в каком ты платье пришел сюда? Теперь стоишь ты в бархате, а князь лежит наг, но прошу тебя честью: сбрось мне что-нибудь!» И сбросил тот ковер и плащ. И, обернув ими тело, понес Кузьма в церковь и сказал: «Отоприте мне церковь!» – и ответили: «Брось его тут, в притворе, что тебе за печаль!» – ибо все уже были пьяны. И подумал Кузьма: «Уже, господин, и холопы твои знать тебя не хотят; бывало, купец приходил из Царьграда или из иной стороны, из Русской земли, и католик, и христианин, и язычник любой, и ты говорил: “Введите в церковь его и в палаты, пусть видят истинное христианство!” – и принимали крещение и болгары, и евреи, и любые язычники, увидев славу Божию и украшение церковное! И те скорее оплачут тебя, а эти и в церковь не дают положить!»

И так положил его в притворе, накрыв плащом, и лежало тут тело два дня и две ночи. На третий день пришел козьмодемьянский игумен Арсений и сказал: «Хотя мы и долго ждали старших игуменов, но долго ли этому князю лежать так? Отоприте мне церковь, отпою его и положим в гроб. А когда уляжется эта смута, то, придя из Владимира, перенесут туда князя». И пришли клирошане боголюбские, взявши тело его, в церковь внесли и вложили в каменный гроб, отпев над ним погребальные песни с игуменом Арсением вместе. <...>

Так вот князь Андрей при жизни не дал телу своему покоя и глазам своим сна – пока не обрел настоящего дома, прибежища всех христиан: Царица небесных собраний и Госпожа всей вселенной всякого человека разными путями ко спасенью приводит. Как учит апостол: «Кого любит Бог – того и наказывает, и наказывает всякого сына, какого приемлет; ибо коль наказания претерпите – точно сыном становитесь Богу». Ибо Бог не поставил прекрасного солнца на месте одном, чтоб оттуда могло освещать всю вселенную, но устроил ему восхождение, зенит и заход. Точно так и слугу своего, князя Андрея, не взял к себе напрасно, а дал ему подвигом душу спасти, кровью омыв прегрешенья свои, и с братьей своей, с Романом и с Давыдом, согласно к Богу пришел. И, в блаженство рая вселяясь безмолвно с ними, которых око не видит и ухо не слышит (сердцем нельзя осознать, что Бог приготовил для верных своих), те блага сподобившись видеть, вечно радуйся ты, Андрей, князь великий. Дерзай всемогущего, из богатейших богатого, на высоких престолах сидящего Бога просить, чтоб простил он братии твоих, победу им дал над врагами и мирное царство, правление почетное и многолетнее, во веки веков. Аминь.

При князе Андрее Киев утратил свое значение столицы Руси – с 1169 года, когда Андрей завладел Киевом, новым религиозным и политическим центром стал Владимир, куда переехал митрополит и куда перевезли из Вышгорода национальную святыню – икону Владимирской Божьей матери, которая, по преданию, была написана евангелистом Лукой еще при жизни Богородицы (эту икону прислали из Константинополя в дар князю Юрию Долгорукому). Владимир находился далеко от беспокойных половцев, чего нельзя было сказать о Черниговском княжестве, где правил Игорь Святославич.

Поход Игоря на половцев, 1185 год Ипатьевская летопись

По завещанию Ярослава Мудрого его младший сын Святослав стал князем черниговским. Потом город перешел к брату Святослава Всеволоду. Сын Святослава Олег при поддержке половцев вернул себе отцовский город, которым владел сын Всеволода Владимир (будущий Мономах), и за то, что привел кочевников на Русь, получил прозвище Гориславич. Потомки Олега – Ольговичи – продолжали укреплять связи с половцами, а в 1180 году Игорь, внук Гориславича, вместе с другими Ольговичами и при поддержке половцев разорил смоленские земли и посадил на престол в Киеве старшего из Ольговичей, Святослава. Новый киевский князь пять лет спустя напал на прежних степных союзников и захватил богатую добычу. Игорь в том же году решил последовать примеру Святослава и выступил в поход в половецкую степь.

Исход этого похода был печальным: дружина была разбита, а сам князь попал в плен. Об этом рассказывают и летописи, и, конечно же, «Слово о полку Игореве» – последний перед нашествием монголов призыв к русским князьям объединиться. После разгрома Игоря половцы сами двинулись на Русь, и отразить их набег удалось с превеликим трудом.

А в это время Игорь Святославич, внук Олегов, выступил из Новгорода месяца апреля в двадцать третий день, во вторник, позвав с собой брата Всеволода из Трубчевска, и Святослава Ольговича, племянника своего, из Рыльска, и Владимира, сына своего, из Путивля. И у Ярослава попросил на помощь Ольстина Олексича, Прохорова внука, с ковуями черниговскими. И так двинулись они медленно, на раскормленных конях, собирая войско свое. Когда подходили они к реке Донцу в вечерний час, Игорь, взглянув на небо, увидел, что солнце стоит словно месяц. И сказал боярам своим и дружине своей: «Видите ли? Что значит знамение это?» Они же все посмотрели, и увидели, и понурили головы, и сказали мужи: «Князь наш! Не сулит нам добра это знамение!» Игорь же отвечал: «Братья и дружина! Тайны Божественной никто не ведает, а знамение творит Бог, как и весь мир свой. А что нам дарует Бог – на благо или на горе нам, – это мы увидим».

И, сказав так, переправился через Донец, и пришел к Осколу, и ждал там два дня брата своего Всеволода: тот шел другой дорогой из Курска. И оттуда пришли к Сальнице. Здесь приехали к ним разведчики, которых посылали ловить языка, и сказали, приехав: «Видели врагов, враги наши во всем вооружении ездят, так что либо поезжайте без промедления, либо возвратимся домой: не удачное сейчас для нас время». Игорь же обратился к братии своей: «Если нам придется без битвы вернуться, то позор нам будет хуже смерти; так будет же так, как нам Бог даст». И, так порешив, ехали всю ночь.

Наутро же, в пятницу, в обеденное время, встретились с полками половецкими; успели подготовиться половцы: вежи свои отправили назад, а сами, собравшись от мала до велика, стали на противоположном берегу реки Сюрлий. А наши построились в шесть полков: Игорев полк посередине, а по правую руку – полк брата его Всеволода, по левую – Святослава, племянника его, перед этими полками – полк сына его Владимира и другой полк, Ярославов, – ковуи с Ольстином, а третий полк впереди – стрелки, собранные от всех князей. И так построили полки свои. И обратился Игорь к братии своей: «Братья! Этого мы искали, так дерзнем же!» И двинулись на половцев, возложив на Бога надежды свои. И когда приблизились к реке Сюрлию, то выехали из половецких полков стрелки и, пустив по стреле на русских, ускакали. Еще не успели русские переправиться через реку Сюрлий, как обратились в бегство и те половецкие полки, которые стояли поодаль за рекой.

Святослав же Ольгович, и Владимир Игоревич, и Ольстин с ковуями-стрелками бросились их преследовать, а Игорь и Всеволод двигались медленно, держа строй своих полков. Передовые полки русских избивали половцев и хватали пленных. Половцы пробежали через вежи свои, а русские, достигнув веж, захватили там большой полон. Некоторые с захваченными пленниками лишь ночью вернулись к своим полкам. И когда собрались все полки, обратился Игорь к братии своей и к мужам своим: «Вот Бог силой своей обрек врагов наших на поражение, а нам даровал честь и славу. Но видим мы бесчисленные полки половецкие – чуть ли не все половцы тут собрались. Так поедем же сейчас, ночью, а кто утром пустится преследовать нас, то разве все смогут: лишь лучшие из половецких конников переправятся, а нам самим – уж как Бог даст». Но сказал Святослав Ольгович дядьям своим: «Далеко гнался я за половцами, и кони мои изнемогли; если мне сейчас ехать, то отстану по дороге». Согласился с ним Всеволод и предложил заночевать здесь. И сказал Игорь: «Неудивительно, братья, все обдумав, нам и смерть будет принять». И заночевали на том месте.

Когда же занялся рассвет субботнего дня, то начали подходить полки половецкие, словно лес. И не знали князья русские, кому из них против кого ехать – так много было половцев. И сказал Игорь: «Вот думаю, что собрали мы на себя всю землю Половецкую – Кончака, и Козу Бурновича, и Токсобича, Колобича, и Етебича, и Тертробича». И тогда, посоветовавшись, все сошли с коней, решив, сражаясь, дойти до реки Донца, ибо говорили: «Если поскачем – спасемся сами, а простых людей оставим, а это будет нам перед Богом грех: предав их, уйдем. Но либо умрем, либо все вместе живы останемся». И сказав так, сошли с коней и двинулись с боем. Тогда по Божьей воле ранили Игоря в руку, и омертвела его левая рука. И опечалились все в полку его: был у них воевода, и ранили его прежде других. И так ожесточенно сражались весь день до вечера, и многие были ранены и убиты в русских полках.

Когда же настала ночь субботняя, все еще шли они, сражаясь. На рассвете же в воскресенье вышли из повиновения ковуи и обратились в бегство. Игорь же в это время был на коне, так как был ранен, и поспешил к ним, пытаясь возвратить их к остальным полкам. Но заметив, что слишком отдалился он от своих, сняв шлем, поскакал назад к своему полку, ибо уже узнали бежавшие князя и должны были вернуться. Но так никто и не возвратился, только Михалко Юрьевич, узнав князя, вернулся. А с ковуями не бежал никто из бояр, только небольшое число простых воинов да кое-кто из дружинников боярских, а все бояре сражались в пешем строю, и среди них Всеволод, показавший немало мужества. Когда уже приблизился Игорь к своим полкам, половцы, помчавшись ему наперерез, захватили его на расстоянии одного перестрела от воинов его. И уже схваченный, Игорь видел брата своего Всеволода, ожесточенно бьющегося, и молил он у Бога смерти, чтобы не увидеть гибели брата своего. Всеволод же так яростно бился, что и оружия ему не хватало. И сражались, обходя вокруг озеро.

И так в день Святого Воскресения низвел на нас Господь гнев свой, вместо радости обрек нас на плач и вместо веселья – на горе на реке Каяле. Воскликнул тогда, говорят, Игорь: «Вспомнил я о грехах своих перед Господом Богом моим, что немало убийств и кровопролития совершил на земле христианской: как не пощадил я христиан, а предал разграблению город Глебов у Переяславля. Тогда немало бед испытали безвинные христиане: разлучаемы были отцы с детьми своими, брат с братом, друг с другом своим, жены с мужьями своими, дочери с матерями своими, подруга с подругой своей. И все были в смятении: тогда были полон и скорбь, живые мертвым завидовали, а мертвые радовались, что они, как святые мученики, в огне очистились от скверны этой жизни. Старцев пинали, юные страдали от жестоких и немилостивых побоев, мужей убивали и рассекали, женщин оскверняли. И все это сделал я, – воскликнул Игорь, – и не достоин я остаться жить! И вот теперь вижу отмщение от Господа Бога моего: где ныне возлюбленный мой брат? где ныне брата моего сын? где чадо, мною рожденное? где бояре, советники мои? где мужи-воители? где строй полков? где кони и оружие драгоценное? Не всего ли этого лишен я теперь! И связанного передал меня Бог в руки беззаконникам. Это

все воздал мне Господь за беззакония мои и за жестокость мою, и обрушились содеянные мною грехи на мою же голову. Неподкупен Господь, и всегда справедлив суд его. И я не должен разделить участи живых. Но ныне вижу, что другие принимают венец мученичества, так почему же я – один виноватый – не претерпел страданий за все это? Но, владыка Господи Боже мой, не отвергни меня навсегда, но какова будет воля твоя, Господи, такова и милость нам, рабам твоим».

И тогда окончилась битва, и разлучены были пленники, и пошли половцы каждый к своим вежам. Игоря же взял в плен муж именем Чилбук из Тарголовцев, а Всеволода, брата его, захватил Роман Кзич, а Святослава Ольговича – Елдечук из Вобурцевичей, а Владимира – Копти из Улашевичей. Тогда же на поле битвы Кончак поручился за свата своего Игоря, ибо тот был ранен. И из стольких людей мало кто смог по счастливой случайности спастись, невозможно было скрыться беглецам – словно крепкими стенами окружены были полками половецкими. Но наших русских мужей пятнадцать убежало, а ковуев и того меньше, а остальные в море утонули.

В это время великий князь Святослав Всеволодич отправился в Карачев и собирал в Верхних землях воинов, намереваясь на все лето идти на половцев к Дону. Когда уже на обратном пути оказался Святослав у Новгорода-Северского, то услышал о братьях своих, что пошли они втайне от него на половцев, и был он этим очень раздосадован. Святослав в то время плыл в ладьях; когда же прибыл он в Чернигов, прибежал туда Беловолод Просович и поведал Святославу о случившемся в Половецкой земле. Святослав, узнав об этом, вздохнул тяжело и сказал, утирая слезы: «О дорогая моя братия, и сыновья, и мужи земли Русской! Даровал мне Бог победу над погаными, а вы, не сдержав пыла молодости, отворили ворота на Русскую землю. Воля Господня да будет во всем! И как я только что досадовал на Игоря, так теперь оплакиваю его, брата своего».

После этого послал Святослав сына своего Олега и Владимира в Посемье. Узнав о случившемся, пришли в смятение города посемские, и охватила их скорбь и печаль великая, какой никогда не бывало во всем Посемье, и в Новгороде-Северском, и во всей земле Черниговской: князь в плену, и дружина пленена или перебита. И метались люди в смятении, в городах брожение началось, и не милы были тогда никому свои близкие, но многие забывали и о душе своей, печалась о своих князьях. Затем послал Святослав к Давыду в Смоленск, со словами: «Стоваривались мы пойти на половцев и лето провести на берегах Дона, а теперь половцы победили Игоря, и брата его, и сына; так приезжай же, брат, охранять землю Русскую». Давыд же приплыл по Днепру, пришли и другие на помощь, и расположились у Треполя, а Ярослав с полками своими стоял в Чернигове.

Поганые же половцы, победив Игоря с братией, немало возгордились и собрали всех людей своих, чтобы пойти на Русскую землю. И начался у них спор; говорил Кончак: «Пойдем к Киеву, где была перебита братия наша и великий князь наш Боняк»; а Гза говорил: «Пойдем на Сейм, где остались их жены и дети: там для нас готовый полон собран, будем города забирать, никого не опасаясь». И так разделались надвое: Кончак пошел к Переяславлю, и окружил город, и бился там весь день. Владимир же Глебович, князь Переяславля, был храбр и силен в бою, выехал он из города и напал на врагов. И лишь немногие из дружины решились ехать за ним. Жестоко бился он и окружен был множеством половцев. Тогда остальные переяславцы, видя, как мужественно бьется их князь, выскочили из города и выручили князя своего, раненого тремя копьями. А славный воин тот, Владимир, тяжело раненный, въехал в город свой и утер мужественный пот за отчину свою. И послал Владимир к Святославу, и к Рюрику, и к Давыду, с просьбой: «Половцы у меня, так помогите же мне». Святослав послал к Давыду, а Давыд стоял у Треполя со смоленцами. Смоленцы же начали совещаться и сказали так: «Мы пришли к Киеву, если бы была там сеча – сражались бы, но зачем нам другой битвы искать, не можем – устали уже». А Святослав с Рюриком и с другими, пришедшими на помощь, пошли

по Днепру против половцев, Давыд же возвратился назад со своими смоленцами. Половцы, услышав об этом, отступили от Переяславля. И, проходя мимо Римова, осадили его. Римовичи затворились в городе и заполнили все заборолы, и по воле Божьей рухнули две городницы с людьми на сторону осаждавших. На остальных же горожан напал страх, кто из них выбежал из города и бился в болотах подле Римова, те и спаслись от плена, а кто остался в городе – тех всех пленили. Владимир же посылал к Святославу Всеволодичу и к Рюрику Ростиславичу, призывая их к себе на помощь. Но Святослав задержался, ожидая Давыда со смоленцами. И так опоздали князья русские и не догнали половцев. Половцы же, взяв город Римов, с полоном отправились восвояси, а князья вернулись по своим домам, печалясь о сыне своем Владимире Глебовиче, получившем тяжелые смертельные раны, и о христианах, взятых в полон погаными.

Вот так Бог, казня нас за грехи наши, привел на нас поганых не для того, чтобы порадовать их, а нас наказывая и призывая к покаянию, чтобы мы отрешились от своих дурных деяний. И наказывает нас набегами поганых, чтобы мы, смирившись, опомнились и сошли с пагубного своего пути.

А иные половцы двинулись по другой стороне Сулы к Путивлю. Гза с большим войском разорил окрестности его и села пожег. Сожгли половцы и острог у Путивля и вернулись восвояси.

Игорь же Святославич в то время находился у половцев, и говорил он постоянно: «Я по делам своим заслужил поражение и по воле твоей, владыка Господь мой, а не доблесть поганых сломила силу рабов твоих. Не стою я жалости, ибо за злодеяния свои обрек себя на несчастья, которые я и испытал». Половцы же, словно стыдясь доблести его, не чинили ему никакого зла, но приставили к нему пятнадцать стражей из числа своих соплеменников и пять сыновей людей именитых, и всего их было двадцать, но не ограничивали его свободы: куда хотел, туда ездил и с ястребом охотился, а своих слуг пять или шесть также ездило с ним. Те стражи его слушались и почитали, а если посылал он кого-либо куда-нибудь, то беспрекословно исполняли его желания. И попа привел из Руси к себе для святой службы, не зная еще Божественного промысла, но рассчитывая, что еще долго там пробудет. Однако избавил его Господь по молитвам христиан, ибо многие печалились о нем и проливали слезы.

Когда же был он у половцев, то нашелся там некий муж, родом половец, по имени Лавр. И пришла тому мысль благая, и сказал он Игорю: «Пойду с тобою в Русь». Игорь же сначала не поверил ему, к тому же лелеял он дерзкую надежду, как это свойственно юности, замышляя бежать в Русь вместе со своими мужами, и говорил: «Я, страшась бесчестия, не бросил тогда дружину свою, и теперь не могу бежать бесславным путем». С Игорем же были сын тысяцкого и конюший его, и те убеждали князя, говоря: «Беги, князь, в землю Русскую, если будет на то Божья воля – спасешься». Но все не находилось удобного времени, какого он ждал. Однако, как говорили мы прежде, возвратились половцы из-под Переяславля, и сказали Игорю советчики его: «Не угоден Богу твой дерзкий замысел: ты ищешь случая бежать вместе с мужами своими, а что же об этом не подумаешь: вот приедут половцы из похода, и, как слышали мы, собираются они перебить и тебя, князь, и мужей твоих, и всех русских. И не будет тебе ни славы, ни самой жизни». Запал князю Игорю в сердце совет их; испугавшись возвращения половцев, решил он бежать.

Но нельзя ему было бежать ни днем, ни ночью, потому что стерегли его стражи, но показалось ему самым удобным время на заходе солнца. И послал Игорь к Лавру конюшего своего, веля передать: «Переезжай на тот берег Тора с конем поводным», ибо решился он бежать с Лавром в Русь. Половцы же в это время напились кумыса. Когда стало смеркаться, пришел конюший и доложил князю своему Игорю, что ждет его Лавр. Встал Игорь в страхе и в смятении, поклонился образу Божьему и кресту честному, говоря: «Господи, в сердцах читающий! О, если бы ты спас меня, Владыка, недостойного!» И, взяв с собой крест и икону, поднял стену шатра и вылез из него, а стражи тем временем забавлялись и веселились, думая, что князь

спит. Он же, подойдя к реке, перебрался на другой берег, сел на коня, и так поехали они с Лавром через вежи.

Принес ему Господь избавление это в пятницу вечером. И шел Игорь пешком до города Донца одиннадцать дней, а оттуда – в свой Новгород, и все обрадовались ему. Из Новгорода отправился он к брату своему Ярославу в Чернигов, прося помочь ему в обороне Посемья. Обрадовался Игорю Ярослав и обещал помощь. Оттуда направился Игорь в Киев, к великому князю Святославу, и рад был Игорю Святослав, а также и Рюрик, сват его. <...>

По возвращении из плена Игорь стал великим князем Черниговским и правил до 1202 года.

Междоусобицы на Руси Слово о князьях

Алчность и зависть князей друг к другу вели к тому, что части некогда единой страны все больше обособливались, и Русь постепенно превращалась из государства в географическое название. Разумеется, это не могло не тревожить современников.

Литературный памятник той эпохи, «Слово о князьях», обращался ко всем правителям русских земель с призывом одуматься, пока не стало слишком поздно.

Одумайтесь, князья, вы, что старшей братии своей противитесь, рать воздвигаете и поганных на братью свою призываете, – пока не обличил вас Бог на Страшном своем суде! Как святые Борис и Глеб претерпели от брата своего старшего не только лишение власти, но и смерть. Вы же и слова единого от брата старшего стерпеть не можете, за малую обиду вражду смертоносную воздвигаете, помощь от поганых принимаете на свою братию. Некогда израильтяне, рати ожидая халдейской на Иерусалим, послали в Египет к фараону просить помощи, чтобы халдеи не попленили Иерусалима. Тогда Бог послал пророка к израильтянам и велел сказать им: «За то, что вы не уповали на Бога, создавшего вас, но всю надежду возложили на египтян, – халдеев я от вас отведу, но в плен будете взяты египтянами: от тех, на кого уповаете, и погибнете». Так и было. Павел-апостол спрашивает: «Разве нет среди вас, братья, ни одного верного, кто мог бы рассудить вас, что идете вы на суд перед неверными?» А евангелист Иоанн говорит: «Кто скажет, что Бога любит, а брата своего ненавидит, – лжец тот». И сам Господь сказал: «О том, что вы мои ученики, узнают все, если любовь иметь между собою будете». Познайте, князья, свое величество и честь свою. Князя деда имеете святого Владимира, который к Богу привел тысячи тысяч и тьмы тем душ праведных! Вспомните и о том, каких братьев имеете – великих чудотворцев Бориса и Глеба! Им подражайте и следуйте, их примером научитесь! Когда Сатана посеет вражду между братьями, помяните этих святых, – как предпочли они лучше смерть принять, чем держать вражду против брата. Кто из вас обиду стерпит и первый мира будет искать, тот равную с ними награду от Бога получит. Еще скажу вам притчу о том, что не в чужой земле приключилось. Давыд Святославич, сын Святослава Ярославича, брат святых Бориса и Глеба, – Давыд этот ни к кому не имел вражды. Когда кто рать на него воздвигал, он рать ту покорностью своей умирал. Княжил в Чернигове он, в большом княжении, ибо старший был меж братии своей. Если кто кривду какую ему чинил из братьев, он вину на себя перелagal. Когда крест кому целовал, крепко держал слово. Когда кто нарушал целованье крестное, он и тогда клятвы не преступал, никого не обижал и зла не творил. Братья, видя такое его беззлобие, слушались его, как отца, и покорялись ему, как господину своему. В великой тишине княжил он. Когда же порешил Бог взять душу его от тела, епископ Феоктист, видя, что князь – недолго он болел – уже преставиться хочет, повелел петь канон кресту, – и вдруг верх терема расселся, и ужаснулись все. Влетел в терем голубь белый, сел князю на грудь. И князь испустил душу, голубь невидим стал. А терем наполнился благоуханием. И после вечерни понесли князя в святой Спас. Появилась звезда и стала над крестом. Когда перенесли князя в построенную им церковь Бориса и Глеба, – звезда перешла от Спаса к церкви мучеников святых. Отпел епископ князя, а гроб ему еще не был готов. Сказал тогда епископ: «Уже солнце заходит, – завтра похороним его». Услышав эти слова, сидящие у князя вышли и, назад вернувшись в церковь, поведали епископу: «Солнце не заходит, но во одном месте стоит». Подивился епископ и восхвалил Бога. Когда камень сровняли и положили князя в гроб, – тогда солнце зашло.

Видите, дети мои, как Бог и здесь, на земле, прославляет угодников своих, исполняющих повеления его. Такие чудеса творил он: ангел Божий в образе голубином явился, терем благоуханием от тела наполнился, явилась звезда, с небес пришедшая, и над телом стала, солнце повелением Владыки нашего зайти не посмело, пока не положено было тело святое во гроб. Какую славу получит он на небесах!

Может, кто скажет, что князь Давид жены не имел? Но он и детей имел. Блаженный Никола Святоша был сын его, и еще два сына было у него. Или скажет кто, что дома не имел он, потому заповедь Господню и исполнил? Не раз слышал я, как невежи некие говорят: «С женою-де и с детьми своими спастись невозможно». Этот князь не один дом имел, а много – всей земли Черниговской был он князем. А заповедь Господню исполнил, в своей жизни земной ни с кем никогда не враждовал он. Постыдитесь же вы, враждующие с братией своей, с единоверцами своими! Вострепещите, восплачьте пред Богом, – Бог отымет славу за единое злопамятство! Да поможет вам Бог и да не отпадете вы, все это слышавшие, от славы, уготованной тем святым братьям, день убиения которых мы нынче поминаем и чудеса которых явны очам нашим. Прославим же их, возвеличим и воспоем хвалу им. Приди, Давид песнотворец, и воспой: «Радуйтесь, праведные, о Господе!» Скажи, Соломон: «Праведные живут вечно, и в Господе награда их». А вот и сам Господь прославляет святых этих, говоря: «Праведники просветятся, как солнце, во славе отца своего. Где же я буду, там и они будут со мною». Где Христос с Отцом на престоле, там и эти святые с архангелами непрестанно поют у престола песнь ангельскую: «Свят Отец, свят Сын и пресвятой Дух во едином Божестве, всегда и во веки бесконечные!»

Однако князья не спешили откликнуться на этот призыв. Более того, вражда и распри все усиливались, причем зачастую заклятыми врагами становились родные братья.

Битва новгородцев с суздальцами, 21–22 апреля 1216 года Повесть о битве при Липице

Летописный рассказ повествует, как сын Всеволода Большое Гнездо (брата Андрея Боголюбского) Ярослав Всеволодович преступил законы новгородской вольности, схватил и отправил в Тверь двух новгородских бояр. Удалившись в Торжок, он начал осаду Новгорода, ввергнув город в страшный голод. На помощь новгородцам пришел торопецкий князь Мстислав Удалой, который и раньше защищал Новгород от владими́ро-суздальских князей. Окончилась битва поражением Ярослава, что привело к усилению роли Новгорода.

О побоище новгородцев с Ярославом. В 1216 году, 1 марта во вторник, пошел Мстислав с новгородцами на своего зятя Ярослава, а в четверг побежали к Ярославу клятвопреступники Владислав Завидович, Гаврила Игоревич, Юрий Олексинич, Гаврилец Милятич с женами и детьми. Новгородцы же пошли через Селигер и пришли на верховья Волги, а Святослав осадил Ржевку, городок Мстислава, с десятью тысячами войска. Мстислав же с Владимиром Псковским быстро пришли с пятьюстами человек – всего столько было воинов, и пришли спешно, а те убежали прочь. А Ярун засел в городе с сотней воинов и отбилсЯ от них, и Мстислав взял Зубцов и вышел на реку Вазузу. И пришел Владимир Рюрикович со смольнянами.

Послали в Торжок к Ярославу предложить мир, а сами стали на Холохне. Ярослав же дал ответ: «Мира не хочу, пришли, так идите; нынче на сто наших будет один ваш!» И сказали, посоветовавшись между собой, князья: «Ты, Ярослав, с силою, а мы с крестом!»

Воины Ярослава построили укрепление и поставили засеки на путях от Новгорода и на реке Тверце. И сказали новгородцы князьям: «Пойдем к Торжку». И князья сказали: «Если пойдем к Торжку, то опустошим Новгородскую волость».

И так пошли к Твери, и начали захватывать села и жечь, а об Ярославе не было вести – в Торжке ли он или в Твери. А Ярослав, услышав, что занимают села, поехал из Торжка в Тверь, забрав с собой старейших мужей новгородцев и младших по выбору, а новоторжцев взял всех. И послал сто избранных мужей в сторожевой отряд; они же, отъехав пятнадцать верст от города, стали; а тут же стояли наши князья, расположив полки и ожидая великого сражения. И послали Яруна с младшими людьми, и напал на него сторожевой отряд Ярослава, и помог Бог Яруну, он захватил тридцать три воина Ярослава, семерых убили, а иные бежали в Тверь. Это была первая победа над ними – в день Благовещения святой Богородицы, на пятой неделе поста.

И пришла к ним весть, что Ярослав в Твери, и стали они без опасения ездить за припасами. И оттуда послали Яволода, боярина Владимира, к Константину Всеволодовичу в Ростов, а Владимира Псковского с псковичами и смольнянами послали на рубеж проводить его. А сами с новгородцами пошли по Волге, воюя, и пожгли поселения по Шоше и Дубне. А Владимир с псковичами и смольнянами взял город Коснятин и пожег его и все Поволжье. И встретил их, наших князей, воевода Еремей, посланный из Ростова князем Константином, и сказал: «Константин вам говорит с поклоном: я рад услышать о вашем походе; вот вам от меня на помощь пятьсот мужей ратников; пришлите ко мне со всеми делами моего шурина Всеволода».

Тогда они снарядили Всеволода с дружиной и отправили к Константину, а сами пошли по Волге вниз; и тогда бросили обозы, сели на коней и пошли в Переяславль, воюя. Когда же они были у Городища на реке Саре у церкви Святой Марины на Пасху 9 апреля, тут приехал к ним князь Константин с ростовцами. И обрадовались встрече, и целовали крест, и отрядили Владимира Псковского с дружиной в Ростов, а сами, придя на Фоминой неделе с полками,

стали напротив Переяславля. И выехав из войска под город, захватили человека и узнали, что Ярослава в городе нет: он уже ушел к брату Юрию с полками, взяв всех подвластных ему, с новгородцами и новоторжцами.

Княжение Юрия Всеволодовича в Суздале. А Юрий со Святославом и с Владимиром уже вышел из города Владимира со всей братьей. И были полки у них очень сильны: муромцы, бродники, городчане и вся сила Суздальской земли; из сел погнали даже пеших. О, страшное чудо и дивное, братия! Пошли сыновья на отцов, а отцы на детей, брат на брата, рабы на господ, а господа на рабов. И стали Ярослав и Юрий с братией на реке Кзе. А Мстислав и Владимир с новгородцами поставили свои полки близ Юрьева и там стояли. А Константин со своими полками стоял далее, на реке Липице. И увидели стоящие полки Ярослава и Юрия, и послали сотского Лариона к Юрию: «Кланяемся тебе, от тебя нам нет обиды; обида нам от Ярослава!» Юрий ответил: «Мы заодно с братом Ярославом».

И послали к Ярославу, говоря: «Отпусти мужей новгородских и новоторжских, верни захваченные волости новгородские, Волок верни. А с нами возьми мир, целуй нам крест, а крови не проливай».

Ярослав ответил: «Мира не хочу, мужи ваши у меня; издалека вы пришли, а вышли как рыба на сушу». И передал Ларион эту речь князьям и новгородцам.

И снова послали к обоим князьям с последней речью: «Братья, Юрий и Ярослав, мы пришли не кровь проливать – не дай Бог сотворить такое! Договоримся, ведь мы же родичи; дадим старейшинство Константину – посадите его во Владимире, а вам вся Суздальская земля».

Юрий же сказал: «Скажи брату Мстиславу и Владимиру: пришли уже, так куда вам уходить? А брату Константину говорим так: пересиль нас, тогда вся земля твоя будет».

И так Юрий с Ярославом вознеслись славой, видя у себя силу великую, не приняли мира и начали пировать в шатре со своими боярами. И сказал Творимир-боярин: «Князья Юрий и Ярослав и вся меньшая братия, которая в вашей воле! Если бы по моей мысли, лучше бы вам взять мир и дать старейшинство Константину. Хоть и видим, что рядом с нашими полками их мало, Ростиславова племени, да князья их мудры, достойны и храбры, а мужи их, новгородцы и смольняне, дерзки в бою. А Мстислава Мстиславича из этого рода вы сами знаете – дана ему от Бога храбрость больше всех. Подумайте, господа».

Не любя была эта речь Юрию и Ярославу. И кто-то из бояр Юрьевых сказал: «Князья Юрий и Ярослав, не было того ни при прадедах, ни при дедах, ни при отце вашем, чтобы кто-нибудь пришел с войной в сильную Суздальскую землю и вышел цел. Хоть бы и вся Русская земля пошла на нас – и Галичская, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская, – но никто против нашей силы не устоит. А эти полки – право, седлами их закидаем».

И любя была эта речь Юрию и Ярославу, и созвали бояр и главных своих людей, и начали говорить: «Вот добро само пошло нам в руки: вам будут кони, оружие, платье, а человека кто возьмет живого, тот сам будет убит; даже если в золотом будет оплечье – убей его, а мы вдвое наградим. Да не оставим ни одного в живых. Если кто и убежит из боя неубитый, а мы его захватим, прикажем одних повесить, а других распять. А о князьях, когда будут в наших руках, потом решим».

И, отпустив людей, пошли в шатер с братьей и стали делить города, и сказал Юрий: «Мне, брат Ярослав, Владимирская земля и Ростовская, а тебе Новгород; а Смоленск брату нашему Святославу, а Киев дадим черниговским князьям, а Галич – нам же».

И целовали крест между собой, и написали грамоты, чтоб от этого не отступаться. Эти грамоты взяли смольняне в стане Ярослава после победы и отдали своим князьям. Юрий же и Ярослав, разделив города всей Русской земли в надежде на свою большую силу, стали звать на бой к Липицам.

Мстислав же и Владимир позвали Константина и долго с ним советовались, взяли у него крестное целование, что не изменит, и выступили. И той же ночью объявили тревогу, всю ночь стояли со щитами и перекликались во всех полках. И когда вострубили в полках Константина, и Юрий и Ярослав услышали, хотели даже побежать, но потом успокоились. Наутро же пришли князья к Липицам, куда их вызвали на бой, а суздальцы за эту ночь отбежали за лесистый овраг. Есть там гора, зовется Авдова, там Юрий и Ярослав поставили свои полки, а Мстислав, Владимир, Константин и Всеволод поставили свои полки на другой горе, которая зовется Юрьева гора, а между двумя горами ручей, имя ему Тунег. И послали Мстислав и Владимир трех мужей к Юрию, предлагая мир: «Если же не дашь мира, то отступите далее на ровное место, а мы перейдем на ваш стан, или же мы отступим к Липицам, а вы займете наш стан».

Юрий же сказал: «Ни мира не приму, ни отступлю. Пришли через всю землю – так разве этой заросли не перейдете?»

Он надеялся на укрепление, ибо они оплели это место плетнем, и наставили колья, и стояли там, говоря: «Могут напасть на нас ночью». Узнали об этом Мстислав и Владимир и послали биться молодых людей, и те бились весь день до вечера, но бились не усердно, ибо была буря в тот день и очень холодно. А утром решили перейти к Владимиру, не завязывая стычек с их полками, и начали собираться в станах. Те же увидели с горы и стали спускаться, говоря: «Вот они и бегут». Но эти, придя, их отбили назад. Тут подошел Владимир Псковский из Ростова, и стали совещаться. И сказал Константин: «Брат Мстислав и Владимир, если пойдем на виду у них, то они ударят нам в тыл, а, кроме того, мои люди не дерзки в бою и разбредутся по городам».

И сказал Мстислав: «Владимир и Константин, гора нам не поможет, и не гора нас победит. Надеясь на крест и на правду, пойдемте на них».

И начали устанавливать полки. Владимир же Смоленский поставил свой полк с края, далее стал Мстислав и Всеволод с новгородцами, и Владимир с псковичами, далее Константин с ростовцами. Ярослав же стал со своими полками, и с муромцами, и с городчанами, и с бродниками против Владимира и смольнян. А Юрий стал против Мстислава и новгородцев со всеми силами Суздальской земли, его меньшая братия – против Константина.

Начали Мстислав с Владимиром воодушевлять новгородцев и смольнян, говоря: «Братья, мы вступили в эту сильную землю; станем же твердо, надеясь на Бога, не озираясь назад: побежав, не уйдешь. Забудем, братья, дома, жен и детей, а уж коли умирать – то, кто хочет, пеший, кто хочет – на конях».

Новгородцы же сказали: «Не хотим погибать на конях, но, как отцы наши на Колокше, будем сражаться пешими».

Мстислав был этому рад. Новгородцы же, сойдя с коней и сбросив одежду и обувь, выскочили босыми. А молодые смольняне тоже спешили и пошли босыми, обвив себе ноги.

А вслед за ними Владимир отрядил Ивора Михайловича с полком, а сами князья поехали за ними на конях. И когда полк Ивора был в зарослях, споткнулся под Ивором конь, а пешие воины, не ожидая Ивора, ударили на пеших воинов Ярослава, и, воскричав, они подняли кии, а те – топоры, они ринулись, а те побежали, и начали их бить, и подсекли стяг Ярослава. И приспел Ивор со смольнянами, и пробились к другому стягу, а князья еще не доехали. И, увидев это, Мстислав сказал: «Не дай Бог, Владимир, выдать добрых людей».

И ударили на них сквозь свои пешие полки, Мстислав своим полком, а Владимир – своим, а Всеволод Мстиславич с дружиной, а Владимир с псковичами, подошел и Константин с ростовцами. Мстислав же проехал трижды через полки Юрия и Ярослава, посекая людей – был у него топор, прикрепленный петлею к руке, им он и сек. Так сражался и Владимир. Шел великий бой, досеклись и до обоза. Юрий же и Ярослав, увидев, что их косят, как колосья на ниве, обратились в бегство с меньшею братьею и муромскими князьями. Мстислав же сказал: «Братья новгородцы, не обращайтесь к добыче, продолжайте бой: если они вернутся, то сомнут нас».

Новгородцы же не ради добычи бились, а смольняне бросились на добычу и обдирали мертвых, а о бое не думали. Победены же были сильные суздальские полки 21 апреля в четверг, на вторую неделю после Пасхи.

О, велик, братия, промысел Божий! На том побоище убили из новгородцев в схватке только Дмитра-псковитина, Антона-котельника, Ивана Прибышинича-ткача, а в отряде Иванка Поповича, терского данника, а в смоленском полку был убит один Григор Водмол, знатный муж. А все остальные были сохранены силою честного креста и правдой.

О, многих победили, братья, бесчисленное число, ибо убитых воинов Юрия и Ярослава не может вообразить человеческий ум, а пленников во всех новгородских и смоленских станах оказалось шестьдесят мужей. Если бы предвидели это Юрий и Ярослав, то пошли бы на мир: ибо слава и хвала их погибли и сильные полки стали ни во что. Было ведь у Юрия семнадцать стягов, а труб сорок, столько же и бубнов, а у Ярослава тринадцать стягов, а труб и бубнов шестьдесят. Говорили многие люди про Ярослава так: «Из-за тебя сотворилось нам много зла. О твоём клятвопреступлении сказано было: “Придите, птицы небесные, напейтесь крови человеческой; звери, наешьте мяса человеческого”». Ибо не десять человек было убито, не сто, а тысячи и тысячи, а всех избитых девять тысяч двести тридцать три человека. Можно было слышать крики живых, раненных не до смерти, и вой проколотых в городе Юрьеве и около Юрьева. Погребать мертвых было некому, а многие, бежавшие к реке, утонули, а другие раненные умерли в пути, а оставшиеся в живых побежали кто к Владимиру, а иные к Переяславлю, а иные в Юрьев.

Князь же Юрий стоял напротив Константина и увидел побежавший полк Ярослава, и он тогда прискакал во Владимир к полудню на четвертом коне, загнав трех коней, в одной сорочке, даже подседельник потерял. А началось сражение в обеденное время. Во Владимире же остался небоеспособный народ: попы, чернецы, женщины, дети, и, увидев всадника, обрадовались, думали, что это послы от князя, а им ведь говорили: «Наши одолеют». И вот Юрий прискакал один и стал ездить вокруг города, говоря: «Укрепляйте город». Они же, услышав, пришли в смятение, и был вместо веселия плач. К вечеру же прибежали сюда люди: кто ранен, кто раздет, то же продолжалось и ночью. А утром, созвав людей, Юрий сказал: «Братья владимирцы, затворимся в городе, авось отобьемся от них».

А люди говорят: «Князь Юрий, с кем затворимся? Братия наша избита, иные взяты в плен, а остальные прибежали без оружия. С чем станем обороняться?»

Юрий же сказал: «Все знаю, но не выдавайте меня ни брату Константину, ни Владимиру, ни Мстиславу, чтобы я сам мог выйти из города по своей воле». Они ему это обещали.

Ярослав тоже прискакал один в Переяславль на пятом коне, четырех загнав, и затворился в городе. И не довольно было ему прежнего злодейства, не насытился крови человеческой, избив множество людей в Новгороде, в Торжке и на Волоке, но и теперь, уже бежав, он велел захватить новгородцев и смольнян, которые пришли по торговым делам в его землю, и всех новгородцев заточить в погреба, а других в гридницу, где они задохлись от скопления множества людей, а иных велел загнать в тесную избу и удушил их там – сто пятьдесят человек, а отдельно заточили пятнадцать человек смольнян – эти остались в живых.

Князя же из Ростиславова племени, милостивые и добрые к христианам, весь день оставались на месте боя. Если бы погнались за ними, то Юрию и Ярославу не уйти бы было и город Владимир бы захватили. Но они осторожно подошли к Владимиру, и, объехав его, остановились в воскресенье до обеда, и решали, откуда взять город. И в ту же ночь загорелся в городе княжий двор, и новгородцы хотели вторгнуться в город, но Мстислав не позволил им этого, а во вторник в два часа ночи загорелся весь город и горел до рассвета. Смольняне же просили: «Вот, кстати, нам сейчас взять город». Но Владимир не пустил их. И обратился Юрий с поклоном к князьям: «Не трогайте меня сегодня, а завтра я выеду из города».

Утром же рано выехал Юрий с двумя братьями, и поклонился князьям, и сказал Мстиславу и Владимиру: «Братия, кланяюсь вам и бью челом: дайте мне жить и накормите хлебом. А Константин, мой брат, в вашей воле».

И дал им многие дары, они же даровали ему мир. Мстислав же и Владимир рассудили их: Константину дали Владимир, а Юрию – Городец Радиллов. И так, поспешно забравшись в ладьи, владыка, княгини и все люди отправились вниз по реке. Сам же Юрий вошел в церковь Святой Богородицы, поклонился гробу своего отца и, плача, сказал: «Суди Бог брата моего Ярослава – он довел меня до этого».

И так пошел из Владимира с малой дружиной в Городец. Из Владимира же все горожане вышли с крестами навстречу Константину. Князья же совместно с новгородцами посадили Константина во Владимире на отчем столе. Князь же Константин одарил в тот день многими дарами князей, новгородцев и смолян, а владимирцев водил целовать крест.

А Ярослав, все еще пребывая в злобе, и дыша гневом, и не покоряясь, затворился в Переяславле и надеялся там остаться. Князья же, посоветовавшись с новгородцами, подошли к Переяславлю в пятницу третьей недели по Пасхе. Услышав это, Ярослав пришел в смятение, стал посылать людей, умоляя о мире. И во вторник четвертой недели выехал сам Ярослав из города, ударил челом брату Константину и сказал: «Господин, я в твоей воле, не выдавай меня ни тестю моему Мстиславу, ни Владимиру, а сам, брат, накорми меня хлебом».

Константин же рассудил Мстислава с Ярославом, зятем его, и, не доходя до Переяславля, они заключили мир. А в среду, в Преполовение, вошли в Переяславль, и тут Ярослав одарил князей и новгородцев великими дарами. А Мстислав, не входя в город, принял дары, послал в город и забрал свою дочь, жену Ярослава, и всех новгородцев, оставшихся в живых, и тех, кто был в войске Ярослава, и расположил свой стан за городом. Ярослав же много раз обращался с мольбой к Мстиславу, прося вернуть ему его княгиню, говоря: «Чего не бывает между князьями? А меня по справедливости крест наказал».

Но Мстислав не пустил к нему своей дочери. И, простояв всю ночь, князья разошлись в разные стороны: Константин ко Владимиру, а Мстислав к Новгороду, Владимир к Смоленску, а другой Владимир к Пскову, победив сильные полки и добыв себе честь и славу.

Новгород занимал особое место среди русских земель: вскоре после смерти Мстислава Великого, сына Владимира Мономаха, новгородцы отказались принимать князя, назначенного из Киева. Они стали самостоятельно выбирать себе князей и заключать с последними так называемые «ряды», соглашения, которые подписывали князь, архиепископ и посадник, представлявший вече (народное собрание). Новгородская республика – ее называют еще боярской, поскольку реальная власть в городе принадлежала старинным боярским родам – существовала вплоть до XV века, а Господин Великий Новгород долго оставался одним из важнейших русских городов. Его обошло стороной даже общенациональное бедствие – нашествие и последующее иго монголов.

Битва на реке Калке, 31 мая 1223 года Тверская летопись

Впервые с монголами (татаро-монголами) русские непосредственно столкнулись в начале 1220-х годов, когда к князю Мстиславу Удалому обратился за помощью половецкий хан Котян, в чьи земли вторглись орды Темуджина, более известного по своему титулу Чингисхан – «Хан, великий, как океан». Мстислав призвал других князей, и объединенное русское войско выступило навстречу монголам. 31 мая 1223 года половцы и их союзники встретили монголов у реки Калки в половецких степях (близ Азовского моря, ныне Донецкая область).

Из-за грехов наших пришли народы неизвестные, безбожные моавитяне, о которых никто точно не знает, кто они, и откуда пришли, и каков их язык, и какого они племени, и какой веры. И называют их татарами, а иные говорят – таурмены, а другие – печенеги. Некоторые говорят, что это те народы, о которых Мефодий, епископ Патарский, сообщает, что они вышли из пустыни Етриевской, находящейся между востоком и севером. Ибо Мефодий говорит так: «К скончанию времен появятся те, которых загнал Гедеон, и, выйдя оттуда, пленят всю землю от востока до Евфрата и от Тигра до Понтийского моря, кроме Эфиопии». Один Бог знает, кто они и откуда пришли, о них хорошо известно премудрым людям, которые разбираются в книгах. Мы же не знаем, кто они такие, а написали здесь о них на память о бедах, которые они принесли, и русских князьях.

Но все это случилось не из-за татар, а из-за гордости и высокомерия русских князей допустил Бог такое. Ведь много было князей храбрых, и надменных, и похваляющихся своей храбростью. И была у них многочисленная и храбрая дружина, и они хвалились ею; из дружины вспомним здесь об одном, найдя рассказ о нем. <...>

Начали приходиться слухи, что эти безбожные татары пленили многие народы: ясов, обезов, касогов, избili множество безбожных половцев и пришли в Половецкую землю. Половцы же, не в силах сопротивляться, бежали, и татары многих избili, а других преследовали вдоль Дона до залива, и там они убиты были гневом Бога и его пречистой Матери. Ведь эти окаянные половцы сотворили много зла Русской земле. Поэтому всемилостивый Бог хотел погубить безбожных сынов Измаила, куманов, чтобы отомстить за кровь христианскую; что и случилось с ними. Ведь эти таурмены прошли всю землю Куманскую и преследовали половцев до реки Днепра около Руси.

И прибежали окаянные половцы к месту, которое называется Половецкий вал, остаток их: Котян, князь половецкий, с другими князьями; а Даниил Кобякович вместе с Юрием Кончаковичем были убиты. Этот Котян был тесть князя Мстислава Мстиславича Галицкого, и пришел он с князьями половецкими в Галич с поклоном к своему зятю Мстиславу и ко всем князьям русским. И принес он многие дары – коней, и верблюдов, и буйволов, и невольниц, и, кланяясь, одарил всех русских князей, говоря: «Сегодня нашу землю татары отняли, а вашу завтра придут и возьмут, и поэтому помогите нам». Умолял Котян зятя своего Мстислава; а князь Мстислав послал к своим братьям, князьям русским, за помощью, говоря так: «Поможем половцам; если мы им не поможем, то они перейдут на сторону татар, и у тех будет больше силы, и нам хуже будет от них». Долго они советовались и, уступив просьбам и мольбам половецких князей, решили пойти на помощь Котяну.

И начали князья собирать воинов каждый в своей области: великий князь Мстислав Романович Киевский, внук Ростислава, и Мстислав Святославич Козельский, внук Всеволода Черниговского, и Мстислав Мстиславич Галицкий – эти старшие князья в Русской земле; а с ними и младшие князья: Даниил Романович, внук Мстислава, и князь Михаил Всеволодович

Черниговский, и князь Всеволод Мстиславич, сын киевского князя, и многие другие князья. Когда все князья собрались на совет в Киеве, они послали во Владимир к великому князю Юрию Всеволодовичу за помощью, а он отправил к ним Василька Ростовского. Посоветовавшись, князья решили встретить врага на чужой земле (тогда же крестился половецкий князь Бастый) и, собрав всех русских воинов, выступили в поход против татар. Когда они пришли к Днепру на Заруб, к острову Варяжскому, услышали татары, что русские князья идут против них, и прислали своих послов, говоря: «Слышали мы, что идете вы против нас, послушавшись половцев. А мы вашей земли не занимали, ни городов ваших, ни сел ваших, и пришли не на вас. Но пришли мы, посланные Богом, на конюхов и холопов своих, на поганых половцев, а вы заключите с нами мир. И если прибегут половцы к вам, вы не принимайте их и прогоняйте от себя, а добро их берите себе. Ведь мы слышали, что и вам они много зла приносят, поэтому мы их также бьем». Князья же русские не стали слушать этого, но послов татарских перебили, а сами пошли против татар. Не доходя до Олешья, остановились они на Днестре. И прислали татары вторично послов, говоря: «Если вы послушались половцев, послов наших перебили и идете против нас, то идите. А мы вас не трогали, и пусть рассудит нас Бог». Князья отпустили этих послов. И пришли к Олешью все половцы со своими князьями. Тогда князь Мстислав Мстиславич Галицкий с тысячью воинов перешел Днепр вброд, ударил по татарским сторожевым полкам и победил их. А оставшиеся татары убежали на курган Половецкий с воеводой Гемябеком, и не было им здесь помощи. И зарыли они своего воеводу Гемябека живым в землю, желая его уберечь. Но здесь его нашли половцы и, выпросив его у князя Мстислава, убили. Услышав это, князья русские стали переправляться через Днепр на множестве ладей: великий князь Мстислав Романович с киевлянами, Владимир Рюрикович со смольнянами, черниговские князья, галичане, и волынцы, и куряне, и трубчане, и путивличи, все земли русские, все князья и множество воинов. А выгнанные галичане спустились на ладьях по Днестру в море, и была у них тысяча ладей. Из моря вышли они в Днепр и, пройдя пороги, остановились у реки Хортицы на броду у Протоличи; а воеводой у них был Юрий Домамерич, а другим воеводой Держикрай Володиславич.

Пришла весть русским, что пришли татары осматривать русские полки; тогда Даниил Романович и другие князья сели на коней и погнались, чтобы увидеть татарские войска. И, увидев их, послали к великому князю Мстиславу Романовичу, призывая: «Мстислав и другой Мстислав! Не стойте, пойдем против них». И вышли в поле, и встретились с татарами, и тут русские стрелки погнали их далеко в поле, рубя их; взяли они их скот и вернулись назад со стадами. И оттуда шли русские полки за ними восемь дней до реки Калки, и отправили со сторожевым отрядом Яруна с половцами, а сами разбили здесь лагерь. И здесь они встретились с татарскими дозорами, и убили татары Ивана Дмитриевича и с ним еще двоих; а татары поворотили назад. Князь же Мстислав Мстиславич Галицкий повелел Даниилу Романовичу перейти реку Калку с полками, а сам отправился вслед за ними; переправившись, стали они станом. Тогда Мстислав сам поехал в дозор, и, увидев татарские полки, вернулся, и повелел воинам своим вооружаться. А оба Мстислава оставались в стане, не зная об этом: Мстислав Галицкий не сказал им ничего из зависти, ибо между ними была великая распря.

И так встретились полки, а выехали вперед против татар Даниил Романович, и Семен Олюевич, и Василек Гаврилович. Тут Василька поразили копьем, а Даниил был ранен в грудь, но он не ощутил раны из-за смелости и мужества; ведь он был молод, восемнадцати лет, но силен был в сражении и мужественно избивал татар со своим полком. Мстислав Немой также вступил в бой с татарами, и был он также силен, особенно когда увидел, что Даниила ранили копьем. Был ведь Даниил родственником его отца, и Мстислав очень любил его и завещал ему свои владения. Также и Олег Курский мужественно сражался; также и Ярун с половцами подоспел и напал на татар, желая с ними сразиться. Но вскоре половцы обратились в бегство, ничего не достигнув, и во время бегства потоптали станы русских князей. А князья не успели

вооружиться против них; и пришли в смятение русские полки, и было сражение гибельным, грехов наших ради. И были побеждены русские князья, и не бывало такого от начала Русской земли.

Князь же великий Мстислав Романович Киевский, внук Ростислава, правнук Мстислава, который был сыном Владимира Мономаха, и князь Андрей, зять Мстислава, и Александр Дубровский, видя это несчастье, никуда не двинулись с места. Разбили они стан на горе над рекой Калкой, так как место было каменистое, и устроили они ограду из кольев. И сражались из-за этой ограды с татарами три дня. А татары наступали на русских князей и преследовали их, избивая, до Днепра. А около ограды остались два воеводы, Чегирхан и Тешухан, против Мстислава Романовича, и его зятя Андрея, и Александра Дубровского; с Мстиславом были только эти два князя. Были вместе с татарами и бродники, а воеводой у них Плоския. Этот окаянный воевода целовал крест великому князю Мстиславу, и двум другим князьям, и всем, кто был с ними, что татары не убьют их, а возьмут за них выкуп, но солгал окаянный: передал их, связав, татарам. Татары взяли укрепление и людей перебили, все полегли они здесь костью. А князей придавили, положив их под доски, а татары наверху сели обедать; так задохнулись князья и окончили свою жизнь.

А других князей, которых татары преследовали до Днепра, было убито шесть: князь Святослав Каневский, Изяслав Ингваревич, Святослав Шуйский, Мстислав Черниговский с сыном, Юрий Несвижский, а из воинов только десятый вернулся домой. И Александр Попович тут был убит вместе с другими семьдесятю богатырями. Князь же Мстислав Мстиславич Галицкий раньше всех переправился через Днепр, велел сжечь ладьи, а другие оттолкнуть от берега, боясь погони; а сам он едва убежал в Галич. А Владимир Рюрикович, племянник Романа, внук Ростислава Мстиславича, сел на престоле в Киеве месяца июня в шестнадцатый день. А случилось это несчастье месяца мая в тридцатый день, на память святого мученика Ермия. Только десятая часть войска вернулась домой, а у некоторых половцы отняли коня, а у других одежду. Так за грехи наши Бог отнял у нас разум, и погибло бесчисленное множество людей. Татары же гнались за русскими до Новгорода-Святополча. Христиане, не зная коварства татар, выходили им навстречу с крестами, и все были избиты. Говорили, что одних киевлян погибло тогда тридцать тысяч.

И был плач и вопль во всех городах и селах. Татары же повернули назад от реки Днепра, и мы не знаем, откуда они пришли и куда исчезли. Один только Бог знает, откуда он привел их за наши грехи, и за похвальбу, и высокомерие великого князя Мстислава Романовича. Говорят, что когда распространился слух про этих татар, что завоевывают они многие земли и приближаются к русским пределам, великому князю сказали о них; а он ответил: «Пока я нахожусь в Киеве – по эту сторону Яика, и Понтийского моря, и реки Дуная, татарской сабле не махать». А Василька Константиновича, который пришел на помощь с войсками к Чернигову, тогда сохранил Бог. И услышав о несчастье, случившемся на Руси, он возвратился в свой Ростов, сохраненный Богом.

Считается, что русские потеряли в этом сражении убитыми до 12 000 человек. Монголы же из половецких степей двинулись в Волжскую Булгарию; несколько лет спустя Темуджин разделил свои владения на большие области – улусы. Западный улус, также известный как Золотая Орда, достался старшему сыну Темуджина, Джучи. В 1227 году Джучи погиб, и ему наследовал его сын Бату, которого на Руси называли Батыем.

Взятие Батыем Рязани, 1237 год Повесть о разорении Рязани Батыем

Первыми удар монголов, покоривших Волжскую Булгарию, приняли на себя восточные княжества, прежде всего Рязанское – Рязань была сожжена, население перебито.

В 1237 году, через двенадцать лет по принесении из Корсуня чудотворного образа, пришел безбожный царь Батый на Русскую землю со множеством воинов татарских и стал станом на реке на Воронеже, близ Рязанской земли. И прислал в Рязань к великому князю Юрию Ингоровичу Рязанскому послов без пользы для дела, прося десятины во всем: в князьях, и в людях всех сословий, и во всем.

И услышал великий князь Юрий Ингорович Рязанский о приходе безбожного царя Батыя, и быстро послал в город Владимир к благоверному великому князю Георгию Всеволодовичу Владимирскому, прося у него либо помощи воинами против безбожного царя Батыя, либо чтобы он сам войска привел. Князь же великий Георгий Всеволодович Владимирский и сам войско не повел, и на помощь воинов не послал, желая сам, в одиночку, сразиться с Батыем. <...>

И послал <князь Юрий> сына своего, князя Федора Юрьевича Рязанского к безбожному царю Батыю с дарами и великими мольбами не воевать Рязанской земли. Князь Федор Юрьевич пришел на реку Воронеж к царю Батыю и принес ему дары и молил царя, чтобы не воевал он Рязанской земли. Безбожный царь Батый, будучи лжив и немилосерд, принял дары и неискренне обещал не ходить войною на Рязанскую землю. И грозился-хвалился воевать землю Русскую.

И начал просить у рязанских князей дочери или сестры себе на ложе. И кто-то из рязанских вельмож из зависти нашептал безбожному царю Батыю, что князь Федор Юрьевич Рязанский имеет княгиню царского рода, прекрасную собой. Царь Батый, лукавый и немилостивый по своему язычеству, обуреваем плотской страстью, сказал князю Федору Юрьевичу: «Дай мне, князь, познать красоту твоей жены!» Благоверный князь Федор Юрьевич Рязанский засмеялся и сказал царю: «Не годится нам, христианам, приводить тебе, нечестивому царю, своих женщин на блуд, – когда нас одолеешь, тогда и будешь властен над нашими женщинами».

Безбожный царь Батый разъярился и оскорбился и сразу же приказал убить благоверного князя Федора Юрьевича, а тело его повелел бросить зверям и птицам на растерзание и иных князей и посольских воинов убил. И уберется один из дядек князя Федора Юрьевича по имени Апонича, и глядя на блаженное тело, почестей достойного своего господина, и видя его брошенным, горько плакал, и взял любимого своего государя и похоронил тайно.

И поспешил к благоверной княгине Евпраксии и рассказал ей, как нечестивый царь Батый убил благоверного князя Федора Юрьевича. Благоверная княгиня Евпраксия <тогда> стояла в превысоком тереме своем и держала <на руках> любимое дитя свое, князя Ивана Федоровича. И услышав столь смертоносные, полные горя слова, кинулась тут из превысокого своего терема с сыном своим князем Иваном на землю и разбилась насмерть.

И услышал великий князь Юрий Ингорович об убийстве любимого сына своего князя Федора, других князей, людей посольских многих, убитых по приказу безбожного царя, и начал плакать, и с великою княгинею, и с прочими княгинями, и с братьями. И плакал весь город долго, и едва в себя пришли от великого того плача и рыдания.

И начал собирать войско и расставлять полки. Князь великий Юрий Ингорович, видя братьев своих, и бояр, и воевод, храбро и мужественно гарцующих <верхом>, воздел руки к небу и со слезами сказал: «Огради нас от врагов наших, Боже, и от восстающих на нас избави

нас, и спаси нас от сонма лукавствующих и от множества творящих беззаконие. Да будет путь их темен и скользок!»

И сказал своим братьям: «О господа мои и братья! Если мы от руки Господней приняли доброе, то не стерпим ли и злое? Лучше нам смертью вечной жизни достигнуть, чем быть во власти язычников. И я, брат ваш, прежде вас изопью чашу смертную за святые Божии церкви, и за веру христианскую, и за отчину предка нашего Игоря Святославича!» <...>

И вышел против нечестивого царя Батыея и встретил его близ границ рязанских. И напал на Батыея, и начали биться с упорством и мужеством. И была сеча жестока и ужасна, и многие воины сильных Батыевых полков пали. И увидел царь Батый, что воинство рязанское беззаветно и мужественно сражается, и испугался. Да против гнева Божия кто устоит? А у Батыея войск великое множество: один <рязанец> бьется с тысячей, а два – со тьмою. Увидел князь великий гибель <в бою> брата своего Давыда Ингоревиича и воскликнул: «О братия моя милая! Князь Давыд, брат наш, раньше нас чашу смертную испил, а мы ли этой чаши не пьем?!» Поменяли коней и начали биться усердно, со многими сильными полками Батыевыми воюя, храбро и мужественно сражаясь, так что все войска татарские подивились твердости и мужеству рязанского воинства. И едва одолели их сильные полки татарские.

Здесь убит был благоверный князь великий Георгий Ингоревиич, брат его князь Давыд Ингоревиич Муромский, брат его князь Глеб Ингоревиич Коломенский, брат их Всеволод Пронский и многие рязанские князья и мужественные воеводы, и воинство – удалцы и резвцы рязанские. Все заодно погибли и одну на всех чашу смертную испили. Ни один из них не вернулся назад, но все вместе мертвыми полегли. И все это Бог наслал за грехи наши.

А князя Олега Ингоревиича захватили едва живого.

Царь же, видя гибель многих своих полков и из числа богатырей татарских много убитых, начал сильно скорбеть и ужасаться. И начал воевать Рязанскую землю, повелев бить, и сечь, и жечь без милости. И город Пронск, и город Бел, и Ижеславец разорил до основания и всех людей убил без милости. И текла кровь христианская, как река полноводная, из-за грехов наших.

Царь Батый, увидав князя Олега Ингоревиича, столь прекрасного и храброго, изнемогающего от тяжких ран, захотел его излечить от тех ран и к вере своей склонить. Князь же Олег Ингоревиич укорил царя Батыея и назвал его безбожным и врагом христиан. Окаянный же Батый и дохнул огнем мерзкого сердца своего и повелел, чтобы Олега рассекли ножами на части. Этот Олег – второй первомученик Стефан, принял венец своего страдания от всемилостивого Бога и испил чашу смертную со своими братьями наравне.

Царь Батый окаянный стал воевать Рязанскую землю и пошел к городу Рязани. И обступили город, и начали биться пять дней, не отступая. Воины Батыева войска переменялись и отдыхали, а горожане бились бессменно. И многих горожан убили, а других ранили, а иные от долгой битвы обессилели.

А в шестой день рано утром пришли язычники к городу, одни – с факелами, а иные – со стенобитными орудиями, а иные – со множеством лестниц. И взяли город Рязань в декабре месяце в 21 день. И пришли в соборную церковь Успения пресвятой Богородицы, и великую княгиню Агриппину – мать великого князя, и со снохами, и с прочими княгинями изрубили мечами, а епископа и священнослужителей предали огню – в святой церкви сожгли; и иные многие пали от оружия, и в городе многих людей и с женами, и с детьми мечами изрубили, иных – в реке утопили. И иереев, монахов – до последнего изрубили. И весь город сожгли, и все сокровища прославленного златокузнечного мастерства, и богатства рязанских государей и сродников их черниговских и киевских захватили. И храмы Божии разорили, и в святых алтарях много крови пролили.

И не осталось во граде ни одного живого, все заодно погибли и одну на всех чашу смертную испили. Не осталось там ни стонущего, ни плачущего: ни отца и матери по детям, ни

ребенка по отцу и по матери, ни брата по брату, ни по родным, но все вместе мертвыми лежали. И все это случилось за грехи наши!

Безбожный царь Батый, увидав великое кровопролитие христианское, еще больше разъярился и ожесточился. И пошел на города Суздаль и Владимир, желая Русскую землю пленить, и веру христианскую искоренить, и церкви Божии до основания разорить.

И один из вельмож рязанских по имени Евпатий Коловрат был в то время в Чернигове вместе с князем Ингварем Ингоревичем. И услышал он о нашествии верного злу царя Батыя, и уехал из Чернигова с малою дружиною, и мчался быстро. И приехал в землю Рязанскую, и увидел ее опустошенной: грады разорены, церкви сожжены, люди убиты.

И примчался в город Рязань и увидел, что город разорен, государи убиты и множество народа полегло: одни убиты мечом, а другие сожжены, иные в реке утоплены. Евпатий закричал в горести души своей и разгораясь сердцем. И собрал небольшую дружину – тысячу семьсот человек, которые Богом сохранены были вне города.

И помчались вслед за безбожным царем, и едва смогли догнать его в Суздальской земле. И внезапно напали на отдыхавшее войско Батыево, и начали сечь без милости, и внесли смятение во все полки татарские. Татары стали как пьяные или обезумевшие. Евпатий так бился беспощадно, что и мечи притупились, и выхватывал <он мечи> татарские, и рубился ими. Татары думали, что это мертвые воскресли! Евпатий на полном скаку сражался с сильными полками и бил их беспощадно. И сражался с войсками татарскими так храбро и мужественно, что и сам царь испугался.

И едва удалось татарам захватить пятерых тяжелораненых воинов. И привели их к царю Батыю. Царь Батый и начал выпрашивать: «Какой вы веры и какой земли? И за что мне много зла сотворили?» Они же отвечали: «Веры мы христианской, слуги великого князя Юрия Ингоревича Рязанского, а воины Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя Ингваря Ингоревича Рязанского тебя, могучего царя, почтить, и с честью проводить, и честь тебе воздать. Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаш на великую силу – рать татарскую». Царь же удивился ответу их мудрому.

И послал сына шурина своего Хостоврула против Евпатия, а с ним и много войск татарских. Хостоврул же похвастался царю, что живым Евпатия к царю приведет. И окружили всех большие силы татарские, желая захватить Евпатия живым. Хостоврул же вступил в единоборство с Евпатием. Евпатий, богатырь силою, рассек Хостоврула надвое до самого седла. И начал сечь войско татарское и многих известных богатырей Батыевых побил, одних надвое рассекая, а иных до седла раскроил.

Татары перепугались, видя, что Евпатий богатырь-исполин. И навели на него бесчисленное множество стенобитных орудий, и начали по нему бить из них, и с трудом убили его. И принесли тело его пред царя Батыя. Царь Батый послал за мурзами, и за князьями, и за санчабейями, и все стали дивиться храбрости, и силе, и мужеству рязанского воинства. И сказали они царю: «Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удалцов и резвцов не видали, ни отцы наши не поведали нам о таких. Ибо это люди крылатые и не имеющие <страха> смерти. Так храбро и мужественно они сражались: один бился с тысячей, а два – со тьмою. Никто не смог уйти от них живым со сражения!»

Царь Батый, глядя на тело Евпатия, сказал: «О Евпатий Коловрат! Здорово ты меня попотчевал с малою своею дружиною! Многих богатырей сильной орды убил, и много войск пало. Если бы у меня такой служил, любил бы его всем сердцем». И отдал тело Евпатиево оставшимся в живых из его дружины, которые были захвачены в бою. И велел их царь Батый отпустить, не причинять никакого вреда.

Отряд Евпатия Коловрата был разгромлен под Коломной, откуда монголы двинулись на Москву и сожгли город, после чего направились к Владимиру. Юрий, владимирский князь,

поспешил к городу с набранным войском, но опоздал: Владимир был захвачен, а в марте 1238 года в битве на реке Сить погиб и князь. Батый устремился далее на запад, но на две недели задержался под Торжком, который упорно не желал сдаваться, а затем, находясь всего в 100 верстах от Новгорода, монголы внезапно повернули вспять – видимо, опасаясь весенней распутицы. На обратном пути они разорили Смоленское княжество – и семь недель осаждали Козельск (столичный Владимир пал всего за пять дней). С тех пор во всех монгольских донесениях Козельск именовался «злым городом».

Год спустя разорению подверглись Муром и другие восточные города, а осенью 1240 года войско Батыея приблизилось к Киеву. После падения Киева настала очередь Галицко-Волынского княжества, вся Южная Русь была разорена, а затем монголы покинули пределы Руси и прошли огнем и мечом по Восточной Европе. Зимой 1241 года войско Батыея повернуло вспять – хан получил весть о смерти великого хана Угэдея. Вскоре после возвращения Батыея его улус – Золотая Орда – отложился от монгольского государства и стал самостоятельным.

Покоренная Русь обязалась выплачивать монголам дань, а князья должны были получать ярлык на княжение в столице Золотой Орды Сарай-Бату на Нижней Волге (примерно в 120 км от современной Астрахани). Очень многие из князей, прибыв в Сарай-Бату, лишились жизни – нередко просто потому, что чем-либо не нравились монголам. В этих непростых условиях отменными дипломатами проявили себя Даниил Галицкий и молодой княжич Александр, сын владимирского князя Ярослава.

Александр Невский и его победы, 1240–1242 годы **Новгородская летопись Повесть о житии и о** **храбрости благоверного и великого князя Александра**

Александр, княжившему в Новгороде, приходилось улаживать монголов, чтобы избежать натиска с двух сторон: ведь с запада новгородским землям давно угрожали шведы. Летом 1240 года шведский отряд под командованием ярла Биргера поднялся по Неве до устья Ижоры и стал разбивать лагерь, на который и напал князь. В скоротечном сражении победа осталась за русскими, шведы бежали, а князь Александр получил прозвание Невский. Новгородская летопись подробно рассказывает об этой схватке.

В лето 1240. Придоша свеи в силе великой, и мурмане, и сумь, и емь в кораблях много зело; свеи с князем и с пискупами (епископами. – *Ред.*) своими; и встали в Неве близ устья Ижоры, желая взять Ладогу, реку и Новгород и всю область Новгородскую. Но еще преблагий, премилостивый человеколюбец Бог соблюл нас и защитил от иноплеменников, яко всеу трудятся без Божия повеления: пришла весть в Новгород, что свеи идут к Ладоге. Князь же Олександр не умедлил нимало и с новгородцами и с ладожанами пошел на них и победил силою святой Софии и молитвами владычицы нашей Богородицы и приснодевицы Марии, в месяц июль в день 15, на память святого Кюрика и Улиты, в неделю на Собор святых отцов, иже в Халкидоне; и была великая сеча свеям. И убиен был воевода их, именем Спиридон; а иные говорят, что и пискуп тоже убиен был; и множество их пало; и корабля два оных сожгли; а скарб их, ископав яму, сбросили туда без числа; и многие ранами мучались; и в ту ночь, не дождавшись рассвета, посрамленными отошли.

Новгородцев же пало: Костянтин Луготинич, Гюрята Пинещинич, Намест, Дрочило Нездылов, сын кожевника, а всего 20 мужей с ладожанами. Князь же Олександр с новгородцами и с ладожанами вернулся в здравии, храним Богом и святою Софиею и молитвами всех святых.

Житие Александра Невского называет предводителем шведов «короля Римского из северной земли» и перечисляет тех новгородцев, которые особенно отличились в битве :

Проявили себя здесь шесть храбрых, как он, мужей из полка Александра. Первый – по имени Гаврило Олексич. Он напал на шнек и, увидев королевича, влекомого под руки, въехал до самого корабля по сходням, по которым бежали с королевичем; преследуемые им схватили Гаврилу Олексича и сбросили его со сходен вместе с конем. Но по Божьей милости он вышел из воды невредим, и снова напал на них, и бился с самим воеводою посреди их войска.

Второй, по имени Сбыслав Якунович, новгородец. Этот много раз нападал на войско их и бился одним топором, не имея страха в душе своей; и пали многие от руки его, и дивились силе и храбрости его.

Третий – Яков, родом полочанин, был ловчим у князя. Этот напал на полк с мечом, и похвалил его князь.

Четвертый – новгородец, по имени Меша. Этот пеший с дружиною своею напал на корабли и потопил три корабля.

Пятый – из младшей дружины, по имени Сава. Этот ворвался в большой королевский златоверхий шатер и подсек столб шатерный. Полки Александровы, видевши падение шатра, возрадовались.

Шестой – из слуг Александра, по имени Ратмир. Этот бился пешим, и обступили его враги многие. Он же от многих ран пал и так скончался.

Вскоре после битвы у Ижоры новгородцы поссорились с князем, и Александр уехал к отцу в Переяславль-Залесский, но не прошло и нескольких месяцев, как вольный город вновь призвал князя: Ливонский орден, восточный «филиал» Тевтонского ордена, захватил крепость Изборск, с помощью предателей взял Псков и угрожал Новгороду. Александр откликнулся на призыв и зимой 1242 года освободил Псков, а затем вышел к Чудскому озеру. На льду этого озера и состоялась битва, известная в истории как Ледовое побоище.

В лето 1242. Пошел князь Олександр с новгородцами и с братом Андреем и с низовцами на Чудскую землю на немцев и занял все пути и до Пскова; и изгнал князь немцев и Чудь, и пошел на чудь. И, будто на суше, пустил полк весь в засаду; и встретил немцев и чудь у моста, и бились тут; и убили тут Домашу, брата посадника, мужа честного, и иных с ним, а иных руками били, а иные к князю прибегали в полк. Князь же вышел на озеро, и немцы и чудь пошли по нему. Узрел сие князь Олександр и поставил полк на Чудском озере, у Воронья камня; и напали на полк немцы и чудь и пробивались свиньей сквозь полк, и была сеча великая немцам и чуди. Бог же и святая Софья и святые мученики Борис и Глеб, кои ради новгородцев кровь свою пролили, великими молитвами пособили князю Олександру; а немцы тут падали, а чудь бежать ударилась; и гнали их и били 7 верст по льду до Суболичского берега; и пало чуди без числа, а немцев 400, а 50 в полон взяли и привели в Новгород. А бились они месяца апреля в 5 день, на память святого мученика Клавдия, и на похвалу святой Богородицы, в субботу. Того же лета немцы прислали с поклоном: «Что заняли мечом, от того отступаем; а что забрали мужей ваших, тех возвратим. Мы ваших отпустим, а вы наших»; и стал мир.

Житие прибавляет к описанию битвы такую подробность.

А это слышал я от очевидца, который поведал мне, что видел воинство Божие в воздухе, пришедшее на помощь Александру. И так победил врагов помощью Божьей, и обратились они в бегство, Александр же рубил их, гоня, как по воздуху, и некуда было им скрыться. Здесь прославил Бог Александра пред всеми полками, как Иисуса Навина у Иерихона. А того, кто сказал: «Захватим Александра», отдал Бог в руки Александровы. И никогда не было противника, достойного его в бою. И возвратился князь Александр с победою славною, и было много пленных в войске его, и вели босыми подле коней тех, кто называет себя «божьими рыцарями».

От Батые в 1252 году Александр получил ярлык на великое княжение и правил Русью весьма сурово, наученный горьким уроком так называемой «Неврюевой рати»: пока Александр был у Батые, его брат Андрей поднял мятеж против монголов, и хан послал на подавление мятежа войско во главе с монгольским царевичем Неврюем, который разбил Андрея и долго разорял русские города. Когда в Новгороде вспыхнуло восстание против затеянной монголами переписи населения («бунт против численников»), Александр жестоко его подавил, а своего сына Василия, который примкнул к восставшим, сослал во Владимир. Впрочем, несколько лет спустя князь уже сам тайне подстрекал к бунту против басурманов (бессерменов, среднеазиатских ростовщиков, которые стали собирать дань вместо монгольских баскаков). Хан Берке призвал Александра в свою столицу, и князь сумел убедить Берке, что тому будет выгоднее, если русские князья сами будут собирать дань и затем доставлять ее в Орду, а также уговорил не требовать с Руси «дани в людях», то есть участия русских в завоевательных походах монголов.

В 1263 году Александр скончался и был похоронен во Владимире. В 1723 году его прах перенесли в Александро-Невскую лавру в Санкт-Петербурге.

После смерти Александра Русь окончательно распалась на множество мелких удельных княжеств, а некоторые – Галицко-Волынское, Черниговское, Киевское, Смоленское – отошли Литве и Польше. Именно в ту пору оформилось разделение на Малую (юго-западную) и Великую (северо-восточную) Русь. Удельные князья соперничали друг с другом за ярлык на княжение: тот, кому удавалось получить такой ярлык, признавался великим князем, и для этого больше не требовалось становиться правителем Киева или Владимира.

Так продолжалось более пятидесяти лет. И все эти годы хан Золотой Орды выступал арбитром в распрях русских князей, которые охотно опирались в своих притязаниях на воинскую силу монголов.

Восстание в Твери против Чол-хана, 1327 год Повесть о Щелкане

В начале 1320-х годов на великое княжество претендовали князь московский Иван Данилович и князь тверской Александр Михайлович. В 1325 году хан отдал ярлык Твери, но Иван выжидал своего часа. Это час пробил, когда два года спустя Тверь восстала.

В том же году Александру Михайловичу было дано княжение, и он пришел из Орды и сел на великокняжеский престол. Потом, немного дней спустя, из-за умножения наших грехов, когда Бог позволил дьяволу вложить в сердце безбожных татар злую мысль, сказали они своему беззаконному царю: «Если не погубишь князя Александра и всех князей русских, то не получишь власти над ними». Тогда беззаконный и проклятый зачинатель всего зла Шевкал, разоритель христианства, отверз свои скверные уста и начал говорить, наученный дьяволом: «Государь царь, если ты мне велишь, я пойду на Русь, разорю христианство, убью их князя, а княгиню и детей приведу к тебе». И царь велел ему так сотворить.

Беззаконный же Шевкал, разоритель христианства, пошел на Русь со многими татарами, и пришел в Тверь, и выгнал великого князя с его двора, а сам поселился на великокняжеском дворе, исполненный гордости и ярости. И сотворил великое гонение на христиан – насилие, грабеж, избиение и поругание. Люди же городские, постоянно оскорбляемые нехристями, много раз жаловались великому князю, прося оборонить их. Он же, видя озлобление своих людей и не имея возможности их оборонить, велел им терпеть. Но тверичи не терпели, а ждали удобного времени.

И случилось так, что 15 августа, ранним утром, когда собирается торг, некий диакон-тверянин – прозвище ему Дудко – повел кобылицу, молодую и очень тучную, напоить водой в Волге. Татары же, увидев ее, отняли. Диакон же очень огорчился и стал вопить: «Люди тверские, не выдавайте!»

И началась между ними драка. Татары же, надеясь на свою власть, пустили в ход мечи, и тотчас сбежались люди, и началось возмущение. И ударили во все колокола, стали вечем, и восстал город, и сразу же собрался весь народ. И возник мятеж, и кликнули тверичи, и стали избивать татар, где кого поймают, пока не убили самого Шевкала. Убивали же всех подряд, не оставили и вестника, кроме пастухов, пасших на поле стада коней. Те взяли лучших жеребцов и быстро бежали в Москву, а оттуда в Орду и там возвестили о кончине Шевкала. <...>

Убит же был Шевкал в 1327 году. И, услышав об этом, беззаконный царь зимой послал рать на Русскую землю – пять темников, а воевода у них Федорчук, и убили они множество людей, а иных взяли в плен; а Тверь и все тверские города предали огню. Великий же князь Александр, чтобы не терпеть безбожных преследований, оставив русский великокняжеский престол и все свои наследственные владения, ушел во Псков с княгиней и детьми и остался в Пскове.

Князь Иван отправился в Орду вслед за Чол-ханом и вернулся с монгольским отрядом, который и подавил восстание. А Ивану достался ярлык на княжение в Новгороде и Костроме; через три года, когда умер очередной великий князь, Иван получил в управление остальные русские земли, подвластные монголам.

В народе Ивану дали прозвище Калита – «Кошелек»; скорее всего, прозвище объясняется тем, что князь оставлял себе часть дани, которую собирал для монгольского хана. При нем состоялся перенос из Владимира в Москву престола митрополита (1328 год). Иван также

построил в Москве храм Успения Божьей Матери, ставший главным храмом Руси вместо владимирского Успенского собора.

После смерти Ивана Калиты в 1340 году ему наследовал сын Симеон Гордый, которому подчинялись все прочие князья. Влияние Москвы крепло с каждым годом; в 1363 году ярлык на великое княжение стараниями московских бояр получил 11-летний мальчик Дмитрий, племянник Симеона Гордого. При Дмитрии в 1367 году в Москве возвели каменный кремль вместо прежнего деревянного, уничтоженного пожаром, а в 1375 году Московскому княжеству покорилась продолжавшая с ним соперничать Тверь – тверской князь признал старшинство князя московского.

Куликовская битва, 8 сентября 1380 года Летописная повесть «О великом побоище на Дону» Житие Сергия Радонежского

Повзрослевший князь Дмитрий решил воспользоваться слабостью Орды, которую подтачивали внутренние распри (положение в Орде во многом напоминало поздний императорский Рим – череда интриг, заговоров, убийств, итогом которых стало возвышение военачальника Мамай: не принадлежа к роду Чингизидов, сам он ханом стать не мог и поэтому правил через потомков Темуджина, обязанных ему властью). В 1377 году Дмитрий осадил Казань и вынудил монголов заплатить выкуп, год спустя разбил на реке Вожа отряд под командованием темника – то есть командира десяти тысячи воинов – Бегича. Разгневанный Мамай собрал огромное войско, чтобы покарать Дмитрия; в составе этого войска были и генуэзские наемники, и литовские отряды князя Ягайло, сына князя Ольгерда, который трижды ходил на Москву, поддерживая своего шурина, тверского князя Михаила, признанного Ордой великим князем Руси.

Чтобы не допустить встречи Мамай с отрядами Ягайло, Дмитрий решил встретить врага в верховьях Дона, близ устья реки Непрядвы. Восьмого сентября русские переправились через Дон и встали на просторном поле, носившем название Куликова.

В том же году безбожный нечестивый ордынский князь, Мамай поганый, собрав многочисленные войска и всю землю половецкую и татарскую, нанял войска фрязов, черкасов и ясов – и со всеми этими войсками пошел на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую. В августе из Орды пришли вести к великому князю Дмитрию Ивановичу о том, что поднимается рать татарская на христиан, поганый род измаилтян. И Мамай нечестивый, люто гневаясь на великого князя Дмитрия о своих друзьях и любимцах и князьях, что были побиты на реке Воже, выступил с огромным войском, желая пленить землю Русскую.

Узнал об этом великий князь Дмитрий Иванович, собрал множество воинов и пошел против татар, чтобы защитить свои вотчины, за святые церкви и за правую веру христианскую и за всю землю Русскую. Когда князь переправился через Оку, пришли к нему другие вести, что Мамай собрал свои войска за Доном, стоит в поле и ждет к себе на помощь Ягайла, литовские рати.

Великий князь переправился через Дон, туда, где чистое и просторное поле. Там и собрались поганые половцы, татарские полки, на чистом поле возле устья Непрядвы. И тут выстроились оба войска и бросились в бой, противники сошлись – и была долгая битва и злая сеча. Целый день бились, и пало бесчисленное множество мертвых с обеих сторон. И Бог помог великому князю Дмитрию Ивановичу, а Мамаевы поганые полки побежали, а наши – за ними, и били и секли поганых без пощады. Это Бог чудесною силою устрасил сынов агарянских, и они побежали, подставив спины свои под удары, и многие были биты, а иные утонули в реке. И русские отряды гнали татар до речки Мечи и там множество их убили, а иные татары бросились в воду и утонули, гонимые Божьим гневом и охваченные страхом. И убежал Мамай с малой дружиной в свою землю татарскую.

Это побоище было 8 сентября, на Рождество святой Богородицы, в субботу, до обеда.

И в схватке были убиты: князь Федор Романович Белозерский, сын его князь Иван Федорович, Семен Михайлович, Микула Васильевич, Михайла Иванович Окинфович, Андрей Серкизов, Тимофей Валуй, Михайла Бренков, Лев Морозов, Семен Мелик, Александр Пересвет и многие другие.

А князь великий Дмитрий Иванович с другими князьями русскими и с воеводами, и с боярами, и с вельможами, и с уцелевшими русскими полками занял поле боя, и возблагодарил Бога, и поклонился воинам своим, что крепко бились с иноплеменниками, и твердо за него сражались, и в мужественном бою отстояли веру христианскую.

И возвратился князь в Москву, в свои владения с великой победой, выиграв сражение и победив своих врагов. И многие воины его обрадовались, захватив богатую добычу: пригнали за собою многочисленные стада коней, верблюдов, волов, которым нет числа, и доспехи, и одежды, и товары.

Тогда рассказали великому князю, что князь Олег Рязанский послал на помощь Мамаю свое войско, а сам приказал разрушить мосты через реки. Князь великий за это собрался послать на Олега свое войско. Но неожиданно в то самое время приехали к нему рязанские бояре и рассказали, что князь Олег бросил свою землю, а сам бежал со своею княгиней, с детьми, с боярами и с советниками своими. И бояре просили великого князя, чтобы не посылал на них войска, а сами били ему челом и покорились княжеской власти. Великий князь, выслушав их, принял их челобитье, выполнил их просьбу – войска на Рязань не послал, а сам пошел в свою землю, а на Рязанское княжение посадил своих наместников.

Тогда же Мамай убежал с Донского побоища и прибежал в свою землю с малым отрядом. Видя себя разбитым, и бежавшим, и посрамленным, и поруганным, еще сильнее разгневался Мамай, впал в неистовство и в ярость, собрал оставшиеся свои войска, вновь захотел совершить набег на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю Русскую землю. Только он это задумал, пришла к нему весть, что идет на него некий царь с востока, именем Токтамыш, из Синей Орды, Мамай же, собравший войско для набега на Русь, с этим войском выступил против него, и они встретились на Калках. А Мамаевы князья, сойдя с коней своих, били челом царю Токтамышу, и дали ему клятву по своей вере, и писали клятвенную записку, и признали его власть, а Мамаю изменили, ибо он был опозорен поражением.

А Мамай, увидев это, быстро бежал со своими советниками и единомышленниками. Но царь Токтамыш послал за ним в погоню своих воинов, и они убили Мамаю. А сам Токтамыш пошел и захватил Орду Мамаеву, и цариц его, и казну, и улус весь взял, и богатство Мамаево разделил между своими воинами. И послал оттуда послов на Русскую землю к великому князю Дмитрию Ивановичу и ко всем князьям русским, сообщая им о своем появлении и о том, как он захватил власть в Орде, и как победил своего противника и их врага Мамаю, и сам сел на царстве Волжском. А князья русские послов его отпустили с честью и с дарами, а сами той же зимой и весной послали каждый своих послов с богатыми дарами к царю Токтамышу.

Потери русских в этом сражении составили около 100 000 человек, зато Мамай был разгромлен, а Ягайло повернул вспять. Предание гласит, что благословение на бой князь Дмитрий получил от Сергия Радонежского (в миру Варфоломея), игумена Троице-Сергиева монастыря (в 71 км к северу от Москвы), бывшего духовника князя Симеона Гордого. В Житии Сергия Радонежского рассказывается о том, как подвижник благословил князя и вдохновил русских воинов на подвиг (позднее сложилась легенда, что святой Сергий лично участвовал в битве, как и два монаха из его монастыря – Пересвет, победивший в поединке монгола Челубея, и Ослябя).

Божьим попущением за наши грехи пришла весть, что ордынский князь Мамай собрал великое войско, всю орду безбожных татар, и идет на Русскую землю. И всех людей охватил великий страх. А великодержавный князь, что тогда держал скипетр Русских земель, достохвальный и победоносный великий Дмитрий <...> пришел к святому Сергию, ибо большую веру имел к старцу, чтобы спросить его, повелит ли ему выступить против безбожных, так как знал, что Сергий добродетелен и обладает даром пророчества. И святой, выслушав великого

князя, благословил его, вооружил молитвой и сказал: «Подобает тебе, господин, заботиться о врученном тебе от Бога христоименитом стаде. Иди против безбожных и с Божьей помощью победишь и с великой славой живым возвратишься в свое отечество». И великий князь сказал: «Если Бог мне поможет, отче, поставлю монастырь во имя Пречистой Богоматери». И сказав это, принял благословение и быстро отправился в путь.

И так, собрав всех своих воинов, выступил против безбожных татар. И увидев, как велико войско их, многие начали сомневаться, многие были объаты страхом, раздумывая, как им спастись. И внезапно в тот час прибыл гонец с посланием от святого, где было сказано: «Без всякого сомнения, господин, смело иди против злобы их. Не бойся: во всем поможет тебе Бог».

И тогда великий князь Дмитрий и все войско его, наполнившись дерзостью, вышли против поганых, и князь сказал: «Великий Бог, создавший небо и землю, помоги мне в битве с противниками твоего имени». И так сразились.

Многие тела падали, и Бог помог великому победоносному Дмитрию, и побеждены были поганые татары и смертной гибели преданы были. Увидели поганые Божий гнев и Божие негодование, и все побежали. Крестonosная же хоругвь, долго преследуя врагов, бесчисленное множество их погубила. Одни убежали, израненные, иных поймали живьем. И был дивный день и чудная победа, и если прежде оружие блестело, то теперь оно было окровавлено кровью иноплеменников. И все носили знаки победы. И здесь сбылось пророческое слово: «Один гнал тысячу, а двое – десять тысяч».

А святой, о котором выше сказано, что он имел дар пророчества, все это знал, будто был рядом, видел издали на большие расстояния, откуда за много дней не дойти, и молился с братиею, благодаря Господа за победу над погаными.

Немного времени прошло с тех пор, как до конца были побеждены безбожные, и все случившееся святой рассказал братьям: победу и смелость великого князя Дмитрия Ивановича, описал славную победу над погаными, а всех, убитых ими, назвал по именам и молился о них всемиловитому Богу.

А достохвальный и победоносный великий князь Дмитрий, одержав славную победу над врагами-варварами, возвращается с многою радостью в свое отечество. И без промедления приходит к святому старцу Сергию, благодаря его за добрый совет и всеильного Бога прославляя и благодаря за молитвы старца и братию, и с сердечною радостью рассказал все случившееся, как много милостей Господь оказал ему, и богатую милостыню дал монастырю. <...>

Казалось, могущество Золотой Орды сокрушено, но два года спустя на Русь обрушился новый удар: пришел хан Тохтамыш, вознамерившийся покарать Дмитрия за то, что тот отказался платить дань.

Сожжение Москвы, 1382 год Повесть о нашествии Тохтамыша

Хан Тохтамыш, потомок Темуджина, получил власть в Золотой Орде по воле верховного хана монголов Тамерлана (Тимура). В 1382 году Тохтамыш подступил к границам Рязанского княжества, князь которого, Олег, пропустил монголов без боя, и двинулся к Москве. Услышав о приближении монголов, Дмитрий с семьей и близкими боярами бежал из города. Командовать обороной остался князь литовский Остей, племянник Ягайло (дядя воевал против русских, а племянник стал союзником его врага).

Некоторое время спустя каким-то образом дошла весть до князя великого о татарской рати, хотя и не желал Тохтамыш, чтобы кто-либо принес весть на Русь о его приходе, и того ради все купцы русские схвачены были, и ограблены, и задержаны, чтобы не дошли вести до Руси. Однако есть некие доброжелатели, для того и находящиеся в пределах ордынских, чтобы помогать земле Русской.

Когда князь великий услышал весть о том, что идет на него сам царь во множестве сил своих, то начал собирать воинов, и составлять полки свои, и выехал из города Москвы, чтобы пойти против татар. И тут начали совещаться князь Дмитрий и другие князья русские, и воеводы, и советники, и вельможи, и бояре старейшие, то так, то иначе прикидывая. И обнаружилось среди князей разногласие, и не захотели помогать друг другу, и не пожелал помогать брат брату, не вспомнили слов пророка Давида: «Как хорошо и достойно, если живут братья в согласии» – и другого, постоянно вспоминаемого, который говорил: «Друг, пособляющий другу, и брат, помогающий брату, подобны крепости твердой», так как было среди них не единство, а недоверие. И то поняв, и уразумев, и рассмотрев, благоверный князь пришел в недоумение и в раздумье и побоялся встать против самого царя. И не пошел на бой против него, и не поднял руки на царя, но поехал в город свой Переяславль, и оттуда – мимо Ростова, а затем уже, скажу, поспешно к Костроме. А Киприан-митрополит приехал в Москву.

А в Москве было замешательство великое и сильное волнение. Были люди в смятении, подобно овцам, не имеющим пастуха, горожане пришли в волнение и неистовствовали, словно пьяные. Одни хотели остаться, затворившись в городе, а другие бежать помышляли. И вспыхнула между теми и другими распря великая: одни с пожитками в город устремлялись, а другие из города бежали, ограбленные. И созвали вече – позвонили во все колокола. И решил вечем народ мятежный, люди недобрые и крамольники: хотящих выйти из города не только не пускали, но и грабили, не устыдившись ни самого митрополита, ни бояр лучших не устыдившись, ни глубоких старцев. И всем угрожали, встав на всех вратах градских, и с сулицами, и с обнаженным оружием стояли, не давая выйти тем из города, и, лишь насилу упрошенные, позже выпустили их, да и то ограбив.

Город же все так же охвачен был смятением и мятежом, подобно морю, волнующемуся в бурю великую, и ниоткуда утешения не получал, но еще больших и сильнейших бед ожидал. И вот, когда все так происходило, приехал в город некий князь литовский по имени Остей, внук Ольгерда. И тот ободрил людей, и мятеж в городе усмирил, и затворился с ними в осажденном граде со множеством народа, с теми горожанами, которые остались, и с беженцами, собравшимися кто из волостей, кто из других городов и земель. Оказались здесь в то время бояре, сурожане, суконщики и прочие купцы, архимандриты и игумены, протопопы, священники, дьяконы, чернецы и люди всех возрастов – мужчины, и женщины, и дети.

Князь же Олег обвел царя вокруг своей земли и указал ему все броды на реке Оке. Царь же перешел реку Оку и прежде всего взял город Серпухов и сжег его. И оттуда поспешно

устремился к Москве, духа ратного наполнившись, волости и села сжигая и разоряя, а народ христианский посекаяя и убивая, а иных людей в плен беря. И пришел с войском к городу Москве. Силы же татарские пришли месяца августа в двадцать третий день, в понедельник. И, подойдя к городу в небольшом числе, начали, крича, выпрашивать, говоря: «Есть ли здесь князь Дмитрий?» Они же из города с заборол отвечали: «Нет». Тогда татары, отступив немного, поехали вокруг города, разглядывая и рассматривая подступы, и рвы, и ворота, и заборол, и стрельницы. И потом остановились, взирая на город. <...>

И в тот же день к вечеру те полки от города отошли, а наутро сам царь подступил к городу со всеми силами и со всеми полками своими. Горожане же, со стен городских увидев силы великие, немало уstraшились. И так татары подошли к городским стенам. Горожане же пустили в них по стреле, и они тоже стали стрелять, и летели стрелы их в город, словно дождь из бесчисленных туч, не давая взглянуть. И многие из стоявших на стене и на заборолах, уязвленные стрелами, падали, ведь одолевали татарские стрелы горожан, ибо были у них стрелки очень искусные. Одни из них стоя стреляли, а другие были обучены стрелять на бегу, иные с коня на полном скаку, и вправо, и влево, а также вперед и назад метко и без промаха стреляли. А некоторые из них, сделав лестницы и приставляя их, влезали на стены. Горожане же воду в котлах кипятили, и лили кипятком на них, и тем сдерживали их. Отходили они и снова приступали. И так в течение трех дней бились между собой до изнеможения. Когда татары приступали к граду, вплотную подходя к стенам городским, тогда горожане, охраняющие город, сопротивлялись им, обороняясь: одни стреляли стрелами с заборол, другие камнями метали в них, иные же били по ним из тюфяков, а другие стреляли, натянув самострелы, и били из пороков. Были же такие, которые и из самих пушек стреляли. Среди горожан был некий москвич, суконник, по имени Адам, с ворот Фроловских приметивший и облюбовавший одного татарина, знатного и известного, который был сыном некоего князя ордынского; натянул он самострел и пустил неожиданно стрелу, которой и пронзил его сердце жестокое и скорую смерть ему принес. Это было большим горем для всех татар, так что даже сам царь тужил о случившемся. Так все было, и простоял царь под городом три дня, а на четвертый день обманул князя Остея лживыми речами и лживыми словами о мире, и выманил его из города, и убил его перед городскими воротами, а ратям своим приказал окружить город со всех сторон.

Как же обманули Остея и всех горожан, находившихся в осаде? После того как простоял царь три дня, на четвертый, наутро, в полуденный час, по повелению царя приехали знатные татары, великие князья ордынские и вельможи его, с ними же и два князя суздальских, Василий и Семен, сыновья князя Дмитрия Суздальского. И, подойдя к городу и приблизившись с осторожностью к городским стенам, обратились они к народу, бывшему в городе: «Царь вам, своим людям, хочет оказать милость, потому что неповинны вы и не заслуживаете смерти, ибо не на вас он войной пришел, но на Дмитрия, враждуя, ополчился. Вы же достойны помилования. Ничего иного от вас царь не требует, только выйдите к нему навстречу с почестями и дарами, вместе со своим князем, так как хочет он увидеть город этот, и в него войти, и в нем побывать, а вам дарует мир и любовь свою, а вы ему ворота городские отворите». Также и князя Нижнего Новгорода говорили: «Верьте нам, мы ваши князья христианские, вам в том клянемся». Люди городские, поверив словам их, согласились и тем дали себя обмануть, ибо ослепило их зло татарское и помрачило разум их коварство бесерменское; позабыли и не вспомнили сказавшего: «Не всякому духу веруйте». И отворили ворота городские, и вышли со своим князем с дарами многими к царю, также и архимандриты, игумены и попы с крестами, а за ними бояре и лучшие мужи, и потом народ и черные люди.

И тотчас начали татары сечь их всех подряд. Первым из них убит был князь Остей перед городом, а потом начали сечь попов, игуменов, хотя и были они в ризах и с крестами, и черных людей. И можно было тут видеть святые иконы, поверженные и на земле лежащие, и кресты святые валялись поруганные, ногами попираемые, обобранные и ободранные. Потом татары,

продолжая сечь людей, вступили в город, а иные по лестницам взобрались на стены, и никто не сопротивлялся им на заборках, ибо не было защитников на стенах, и не было ни избавляющих, ни спасающих. И была внутри города сеча великая и вне его также. И до тех пор секли, пока руки и плечи их не ослабли и не обессилели они, сабли их уже не рубили – лезвия их притупились. Люди христианские, находившиеся тогда в городе, метались по улицам туда и сюда, бегая толпами, вопя, и крича, и в грудь себя бия. Негде спасения обрести, и негде от смерти избавиться, и негде от острия меча укрыться! Лишились всего и князя, и воевода, и все войско их истребили, и оружия у них не осталось! Некоторые в церквах соборных каменных затворились, но и там не спаслись, так как безбожные проломили двери церковные и людей мечами иссекли. Везде крик и вопль был ужасный, так что кричащие не слышали друг друга из-за воплей множества народа. Татары же христиан, выволакивая из церквей, грабя и раздевая донага, убивали, а церкви соборные грабили, и алтарные святые места топтали, и кресты святые и чудотворные иконы обдирали, украшенные золотом и серебром, и жемчугом, и бисером, и драгоценными камнями; и пелены, золотом шитые и жемчугом саженные, срывали, и со святых икон оклад содрав, те святые иконы топтали, и сосуды церковные, служебные, священные, златокованные и серебряные, драгоценные позабирали, и ризы поповские многоценные расхитили. Книги же, в бесчисленном множестве снесенные со всего города и из сел и в соборных церквах до самых стропил наложенные, отправленные сюда сохранения ради, – те все до единой погубили. Что же говорить о казне великого князя, – то многосокровенное сокровище в момент исчезло, и тщательно сохранявшееся богатство и богатотворное имение быстро расхищено было. <...>

И тогда можно было видеть в городе плач, и рыдание, и вопль великий, слезы неисчисляемые, крик неутолимый, стоны многие, оханье сетованное, печаль горькую, скорбь неутешную, беду нестерпимую, бедствие ужасное, горе смертельное, страх, трепет, ужас, печалование, гибель, попрание, бесчестие, поругание, надругательство врагов, укор, стыд, срам, поношение, уничтожение. <...>

И до той поры, прежде, была Москва для всех градом великим, градом чудным, градом многолюдным, в нем было множество народа, в нем было множество господ, в нем было множество всякого богатства. И в один час изменился облик его, когда был взят, и посечен, и пожжен. И не на что было смотреть, была разве только земля, и пыль, и прах, и пепел, и много трупов мертвых лежало, и святые церкви стояли разорены, словно осиротевшие, словно овдовевшие. <...>

После того как татары ушли, через несколько дней, благоверный князь Дмитрий и Владимир, каждый со своими боярами старейшими, въехали в свою отчину, в город Москву. И увидели, что город взят, и пленен, и огнем пожжен, и святые церкви разорены, а люди побиты, трупы мертвых без числа лежат. И о том возгоревали немало и расплакались они горькими слезами. Кто не оплачет такую погибель города! Кто не поскорбит о стольких людях! Кто не потужит о таком множестве христиан! Кто не посетует о таком пленении и разрушении!

И повелели они тела мертвых хоронить, и давали за сорок мертвецов по полтине, а за восемьдесят по рублю. И сосчитали, что всего дано было на погребение мертвых триста рублей. А кроме того, сколько принесли татары несчастий и убытка Руси и княжению великому! Сколько сотворили убытков своим ратным нашествием, сколько городов пленили, сколько золота, и серебра, и всякого товара взяли, и всякого добра, сколько волостей и сел разорили, сколько огнем пожгли, сколько мечом посекали, сколько в полон повели! И если бы можно было те все тяготы, и несчастья, и убытки сосчитать, то не смею сказать, но думаю, то и тысяча тысяч рублей не равна их числу!

По прошествии же нескольких дней князь Дмитрий послал свою рать на князя Олега Рязанского. Олег же с небольшой дружиной едва спасся бегством, а землю его Рязанскую всю захватили и разорили – страшнее ему было, чем татарская рать.

Киприан же митрополит был тогда в Твери, там и переждал он вражеское нашествие и приехал в Москву седьмого октября.

Той же осенью приехал посол в Москву от Тохтамышша, именем Карач, к князю Дмитрию с предложением о мире. Князь же велел христианам ставить дворы и отстраивать города.

Победитель Тохтамышши значительно увеличил размеры дани, которую Русь должна была выплачивать Орде, и взял в заложники сына Дмитрия Донского Василия. Впрочем, Василию вскоре удалось бежать из Орды, а потом Тохтамышшу стало не до русских – он поссорился со своим правителем Тамерланом и жестоко за это поплатился. В 1391 году Тамерлан в первый раз разорил Золотую Орду, и князь Василий I Дмитриевич (Дмитрий умер двумя годами ранее), воспользовавшись случаем, выкупил у Тохтамышши ярлыки на княжение в Нижнем Новгороде, Муроме и Тарусе. Москва вновь укрепилась и начала объединять русские земли.

Поход на Русь Тамерлана, 1395 год Повесть о Темир Аксаке

В 1395 году Тамерлан вновь обрушился на Золотую Орду, истребил ее население и сровнял с землей города, затем прошел по Северному Кавказу и через Тамань двинулся на Русь. Монголы приступом взяли город Елец в Рязанском княжестве, но, простояв две недели у Дона, внезапно повернули обратно в Крым. На Руси их отступление было воспринято как чудо – ведь обескровленная Русь вряд ли устояла бы против такого врага.

В 1395 году, во время княжения благоверного и христолюбивого великого князя Василия Дмитриевича, самодержца Русской земли, внука великого князя Ивана Ивановича, правнука великого князя, самодержца Ивана Даниловича, при благолюбивом архиепископе Киприане, митрополите Киевском и всея Руси, на пятнадцатом году царения Тохтамыша и на седьмом году княжения великого князя Василия Дмитриевича, и в индикте третьем, и на тринадцатый год после татарщины, по взятии Москвы, поднялась великая смута в Орде.

Пришел некий царь Темир Аксак из восточной страны, из Синей Орды, из Самаркандской земли, большую войну затеял, много мятежей он поднял в Орде и на Руси своим приходом.

Об этом же Темир Аксаке рассказывали, что по происхождению не царского был он рода: ни сын царский, ни племени царского, ни княжеского, ни боярского, всего лишь низший из самых захудалых людей из числа заяицких татар, из Самаркандской земли, из Синей Орды, что за Железными Воротами. По ремеслу он кузнец был черный, по нраву же и поведке – безжалостен, и разбойник, и насильник, и грабитель. Когда раньше работал у одного хозяина, тот, видя его злонравие, от него отказался и, избив, изгнал от себя; он же, не имея пропитания, разбоем кормился.

Однажды, когда он был еще молод и с голоду крадя кормился, украл он у кого-то овцу, но люди тотчас выследили его. Он же пытался убежать, но быстро многими был окружен, схвачен и связан крепко, и всего его избili нещадно, и решили убить его до смерти; и перебили ногу ему в бедре пополам, и тут же бросили его как мертвого, недвижимым и бездыханным; ибо решили, что умер, и оставили псам на съедение. Лишь только зажила у него эта смертельная рана, поднялся, оковал себе железом ногу свою перебитую, – по этой причине и хромал; потому и прозван был Темир Аксаком, ибо Темир означает железо, а Аксак – хромец; так в переводе с половецкого языка объясняется имя Темир Аксак, которое значит Железный Хромец, ибо, от вещи и дел имя получив, делами своими прозвище себе добыл.

Так и потом, исцелившись от ран, после страшного того избиения, не изменил прежнего злобного нрава, не смирился, не укротился, но только больше испортился: сильнее прошлого и пуще прежнего стал он лютым разбойником. А потом к нему пристали молодцы лихие, мужи свирепые, всякие злые люди, похожие на него, такие же разбойники и грабители – и стало их очень много. И когда стало их числом до ста, назвали его своим атаманом; а когда стало их числом до тысячи, тогда уже князем его звали; а когда они сильно умножились, больше числом стали, многие земли попленили, многие города и царства захватили, тогда и царем своим его нарекли.

И этот Темир Аксак начал многие войны затевать и частые битвы, многих побед добился, многих неприятелей одолел, много городов разрушил, многих людей загубил, многие страны и земли покорил, многие государства и народы пленил, многие княжества и царства покорил себе... <...>

И собрал он всех воинов своих, прошел всю Орду и всю землю Татарскую, подошел к пределам Рязанской земли, взял город Елец, и князя елецкого захватил, и многих людей замутил. Об этом прослышав, князь великий Василий Дмитриевич собрал воинов своих многочисленных и пошел из Москвы в Коломну, желая встретиться с ним; приступив с войском, встал на берегу у Оки-реки, Темир Аксак же стоял на одном месте пятнадцать дней, помышляя, окаянный, идти на всю Русскую землю, чтобы, подобно новому Батью, разорить христиан.

Благодарный же и христоробивый великий князь Василий Дмитриевич, самодержец Русской земли, прослышал о замыслении на православную веру того безверного, свирепого и страшного мучителя и губителя Аксака Темира-царя; боголюбивый великий князь Василий Дмитриевич, руки к небу вздымая, со слезами молился, говоря: «Создатель и заступник наш, Господи, Господи, посмотри из святого жилища твоего, взгляни – и смири того варвара и сущих с ним, дерзнувших хулить святое великое имя твое и пречистой всенепорочной твоей Матери! Заступник наш, Господи, пусть не скажет варвар: “Где же Бог их?”, ибо ты наш Бог, который гордым противится! Поднимись, Господи, на помощь рабам твоим, на смиренных рабов своих посмотри! Не допусти, Господи, этого проклятого врага поносить нас, ибо сила твоя ни с чем не сравнима и царство твое нерушимо! Вслушайся в речи варвара этого, избавь нас и град наш от проклятого и безбожного царя Темир Аксака». <...>

Также повелел князь наместникам своим, и властителям, и городским воеводам усилить укрепления и собрать всех воинов. Они же, услышав повеление господина своего, собрали знатных людей и весь город и укрепили оборону.

Благодарный же великий князь Василий Дмитриевич, вспомнив об избавлении царствующего града, когда сохранила пречистая владычица наша Богородица стольный город от нашествия язычника царя Хозроя, надумал послать за иконой пречистой владычицы нашей Богородицы. Боголюбивый же Киприан, митрополит Киевский и всея Руси, услышав этот наказ господина своего, великого князя Василия Дмитриевича, послал в старый и славный город Владимир за иконой пречистой владычицы нашей Богородицы служителей большой соборной церкви святой Богородицы, что во Владимире. Протопоп посоветовался со служителями, Пречистую чудную икону взяли и понесли из города Владимира в Москву, из опасения перед Темир Аксаком татарским, который, как слышали мы, бывало, в сказаньях, был где-то там, далеко, где солнце восходит, а ныне уж тут, при дверях, приблизился – и готовится, изострается на нас сильно. И был тогда месяца августа пятнадцатый день, самый праздник славного Успения владычицы нашей Богородицы, присной девы Марии, вышли на проводы чудесной иконы, которую проводили с честью, с верою и любовью, с ужасом и томлением, с плачем, далеко за город, и в великой вере многие слезы проливали. <...>

Так по Божьей благодати неизреченной милости, молитвами святой Богородицы, город наш Москва цел и невредим остался, а Темир Аксак-царь возвратился назад, ушел в свою землю. Что за преславное чудо! Что за великое диво! Какое милосердие к народу христианскому! В тот самый день, как принесли икону пречистой Богородицы из Владимира в Москву, – в тот же день Темир Аксак-царь испугался, и утрашился, и ужаснулся, и в смятение впал, и нашел на него страх и трепет, вторгся страх в его сердце и ужас в душу его, вошел трепет в кости его, и тотчас он отказался и убоился воевать Русскую землю, и охватило его желание побыстрее отправиться в обратный путь, и скорей устремился в Орду, Руси тылы показав, и повернул с соплеменниками своими восвояси; возвратились без успеха, впали в смятение и заколебались, как будто кто-то их гнал. Не мы ведь их гнали, но Бог изгнал их незримою силой своей и пречистой своей Матери, скорой заступницы нашей в бедах, и молитвой угодника его, боголюбивого преосвященного Петра, митрополита киевского и всея Руси, твердого заступника нашего города Москвы и молебника города нашего Москвы от находящихся на нас бед; наслал на них страх и трепет, чтобы застыли на месте. <...>

Не наши воеводы прогнали Темир Аксака, не наши войска устрашили его, но силою незримой напал на него страх и трепет, страхом Божиим он устрашился, гневом Божиим изгнан был и без добычи ушел прочь из Русской земли, отступив туда, откуда пришел, земли Русской едва коснувшись, – не надругался, не обездолил, не повредил ей ничем, но ушел без оглядки. Мы поднялись и стали открыто, он же, принизясь, исчез; мы ожили и исцелили, ибо помощь нам дал Господь, сотворивший небо и землю.

Благодарный же великий князь Василий Дмитриевич, услышав об уходе проклятого и зловерного царя Темир Аксака, возвратился снова во владения свои, в город Москву, и встретил его боголюбивый Киприан, митрополит Киевский и всея Руси, с крестами и с иконами, с архидьяконами и с архимандритами, с игуменами, с попами и с дьяконами, и весь народ христианский с радостью великою. Благодарный же великий князь Василий Дмитриевич, и святитель, и все люди со слезами руки к небу вздымали и благодарность возносили, говоря: «Десница твоя, о Господи, прославилась твердостью, десная твоя, Господи, рука сокрушила врагов, и величием славы твоей стер ты противников наших», ибо безумный Темир Аксак, со множеством бесчисленных войск придя, с позором ушел.

Благодарный же великий князь Василий Дмитриевич, войдя в храм пречистой владычицы нашей Богородицы, увидел чудотворную икону пречистой владычицы нашей Богородицы Владимирской; упав с умилением пред ликом святой иконы, пролил слезы сердечные из очей своих и говорил: «Благодарю тебя, госпожа пречистая, пренепорочная владычица наша Богородица, христианам державная помощница, что нам защиту и твердость показала; избавила ты, госпожа, нас и город наш от зловерного царя Темир Аксака». Благодарный же великий князь Василий Дмитриевич и боголюбивый архиепископ Киприан, митрополит киевский и всея Руси, повелели вскоре на том месте, где встречали чудотворную икону пречистой Богородицы, поставить церковь во имя пречистой Богородицы, славной встречи ее на память о той незабвенной милости Божьей, чтобы не забыли люди дел Божьих. Эту же церковь освятил сам митрополит, поставили монастырь, и повелено тут было жить игумену и братии. И с тех пор постановили праздник праздновать месяца августа в двадцать шестой день, в день поминовения святых мучеников Андреана и Наталии. Эта же чудесная икона святой Богородицы написана была рукою святого апостола и евангелиста Луки. Мы же, грешные слуги Христовы, слышав об этом чуде Господа нашего Иисуса Христа и пречистой его матери Богородицы, решили все это записать во славу имени Господа нашего Иисуса Христа и пречистой его матери, владычицы нашей Богородицы, заступницы народа христианского. Ее молитвами, Христе Боже наш, помилуй нас ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Это чудесное избавление от угрозы позволило Руси перевести дух. В 1392 году умер Сергий Радонежский, а в 1396 году Стефан Пермский, крестивший зырян (коми) и пермяков; Феофан Грек расписал Архангельский собор и церковь Рождества Богородицы, Андрей Рублев и Даниил Черный расписали Успенский собор во Владимире. Андрей Рублев написал икону Святой Троицы для Троице-Сергиева монастыря. Несколько лет спустя (в 1408 году) князь Василий – в Орде продолжались распри, и правители менялись один за другим – вновь отказался платить дань монголам. И, как и его отец Дмитрий, князь тем самым навлек на Русь беду: Дмитрия пришел наказывать Тохтамыш, а Василия – военачальник Едигей.

Нашествие Едигея, 1408–1409 годы Сказание о нашествеии Едигея

Едигей был военачальником Тамерлана. Он лично убил Тохтамыша, который, бежав из разоренной Орды в Литву, продолжал сопротивляться Тамерлану. За это убийство Тамерлан сделал Едигея правителем Золотой Орды, и в 1408 году тот вторгся в пределы Руси.

Той же зимой некий князь ордынский именем Едигей по повелению царя Булата пришел с войском на Русскую землю, а с ним четыре царевича и много татарских князей. Вот имена их: Бучак-царевич, Тегриберди-царевич, Алтамырь-царевич, Булат-царевич, князь великий Едигей, князь Махмет, Юсуп, Сюлименов сын, князь Тегиня, Шихов сын, князь Сарай, Урусахов сын, князь Ибрагим, Темирязов сын, князь Якши-бей, Едигеев сын, князь Сеит-Али-бей, князь Бурнак, князь Ерыкли-Бердей.

Услышав об этом, великий князь Василий Дмитриевич опечален был горем, грехов ради наших постигшим Русь: ведь вначале беззаконные измаилтяне заключили с нашими русскими князьями ложный мирный договор, и прежде всего с великим князем Василием Дмитриевичем, притворно мирясь с ним, ибо никогда не говорят христианам истины. Если их немного, то князей наших обманом и со злым умыслом почестями окружают, и дарами наделяют, и тем злой умысел свой скрывают, и с князьями нашими прочный мир заключить обещают, и пронырством таким ближних от согласия отлучают, и междоусобную вражду меж нами разжигают. И в этой розни нашей сами тайно обманывают нас, становятся для православного люда кровожадными волками, подстрекательством отца их Сатаны.

В свое время некто из них, Едигей именем, князь измаилтянский, самый великий из всех князей ордынских, который всем царством один правил и по своей воле сажал на царство, кого хотел, – этот лукавый Едигей со злым умыслом стяжал у Василия большую любовь и высокую честь ему воздавал, многими дарами его почитал, и – более того – именовал его своим любимым сыном, и много всего обещал ему, а прибывавших от Василия послов отпускал с честью, хитроумно изображая перед Василием крепкий мир.

В эту же пору случилось так, что великий князь Василий рассорился с тестем своим, великим князем Витовтом, из-за каких-то дел о земле, что обычно бывало меж княжествами, ибо тогда Витовт владел всей Киевской и Литовской землей. Великий же князь Василий обо всех обидах от Витовта поведал полюбовно Едигею. Услышав о том, враждолюбец Едигей возликовал сердцем пуще кровожадного зверя, еще больше разжигая меж ними гнев: послал он Василию большое войско в помощь, обещая ему: «Пусть и другие узнают о нашем с тобою согласии и будут с тобою кроткими, ибо я, с моим царством, помогаю тебе, и из-за этого убоются тебя». Также послал он с некими краткими и лживыми советами и к Витовту, повелевая держать их втайне, и называл его своим другом. И так, запутывая их, посеял меж ними вражду, расставляя сети, помышлял, что они, начав битву, погубят свои войска. Если же между ними и не будет битвы, даже и тогда, сходясь друг с другом, воюя и расходясь врозь, все же истощат силы.

И путем такой свары враждолюб окаянный Едигей подготавливал себе подходящее время для злого умысла. Так и достиг своего, окаянный, – вспыхнула рознь меж князьями, и начала воевать Русь и Литва. И воевали три года. А когда сошлись друг с другом на Плавe, тогда и татары подошли к Плавe на помощь Руси. Старцы же этого не похвалили, говоря: «К добру ли решение наших юных бояр, что привело половцев на помощь? Не потому ли и прежде случались беды с Киевом и Черниговом, которые, враждуя между собою, вставали брат на брата, призывая половцев на помощь, а, нанимая их, платили потом серебром своей земли. А

половцы, высмотрев устройство русского войска, после этого их же самих побеждали. Не будет ли и сейчас во вред земле нашей на будущие времена, что измаилтяне, высмотрев все на нашей земле, потом придут на нас? Не сбылось бы это!»

Князья же, истомив войска, заключили перемирие, но гнев их, несмотря на то что оба испытали много страданий, не утих. Не было в то время на Москве старых бояр, и молодые обо всем совещались, потому многое у них было не по установленному чину. Едигей же, радуясь гибели людей и кровопролитию, побуждал их к окончательной ссоре и послал на помощь к Василию небольшое войско из неких пограничных татар. Только по названию, что помощь! Зная, что оба, являясь родственниками, не очень-то хотят войны, он посылал татар для того, чтобы задержать заключение мира, да еще для того, чтобы татары высмотрели воинское устройство русских. Татары приметили, что русские не склонны к кровопролитию, но, будучи миролюбцами, ожидают справедливого договора, и обо всем этом сообщили Едигею. Едигей же, узнав, стал готовиться к походу на Русь.

Когда на исходе был третий год раздора Руси с Литвой, те и другие, русичи и литва, подошли к Угре. Несколько дней постояли, и примирились великий князь Василий с тестем своим великим князем Витовтом, заключили такой же, как и первоначально, мир и разошлись каждый восвояси. Татары же, которые кочевали неподалеку, как увидели, что войска разошлись обессилившие, обо всем этом сообщили Едигею. Коварный же Едигей, который некогда называл себя отцом Василия, а сам, тайно скрывая, носил в устах своих змеинный яд, любил ненавидя, – выбрал для любимого Василия, которого именовал своим сыном, самую пору: не с добром – со смертью спешил на русское, только что распущенное, утомленное войско.

Следует это хорошо уразуметь и запомнить тем, кто впредь захочет заключить мир с иноплеменниками.

Едигей же, под личиной старой дружбы, посылает к Василию впереди себя с такими речами: «Да будет тебе известно, Василий, – это царь идет на Витовта мстить за то, что тот учинил твоей земле. Ты же воздай царю честь, и если не сам, то сына своего пошли к царю, или брата, или кого-нибудь из вельмож, ничего не боясь». Так жаждущий крови Едигей хитрил, чтобы против него не собрали даже небольшого войска, а сам в это время неустанно приближался. Когда же посол Едигея пришел на Москву и изрек это, князь и все люди были в недоумении, искренние ли это вести или обман. Поэтому и не собирали воинов, а отпустили к Едигею одного из вельмож, именем Юрия, дав ему дружину: при встрече с неприятелем пусть тут же отошлет ее назад. Но Едигей захватил Юрия и пошел еще быстрее.

А на Москве от Юрия ждали вестей. Но вскоре кто-то, прискакав, поведал, что враг уже вблизи города. Не успел Василий собрать и небольшой дружины, как город был осажден; он оставил в нем своего дядю, князя Владимира, брата – князя Андрея и воевод, а сам с княгиней и с детьми уехал в Кострому. И город пришел в страшное смятение. И побежали люди, забывая и об имуществе, и обо всем на свете. И поднялась в людях злоба, и начались грабежи.

Велено было сжечь городские посады. Горестно было смотреть, как чудные церкви, создаваемые веками и своим возвышенным положением придававшие красоту и величие городу, в одно мгновение исчезали в пламени, как величие и красоту Москвы – чудные храмы – поглощает огонь.

Это было страшное время, – люди метались и кричали, и гремело, вздымаясь в воздух, огромное пламя, а город окружили полки нечестивых иноплеменников. И вот тогда, в пятницу, когда день уже клонился к вечеру, начали появляться полки поганых, разбивая станы в поле около города. Не посмели они стать близ града из-за городских орудий и стрельбы с городских стен, а расположились в селе Коломенском. И когда все это увидели люди, пришли в ужас: не было никого, кто бы мог противостоять врагу, а воины были распущены. И поганые жестоко расправлялись с христианами: одних посекали, а других уводили в плен. Так погибло бесчисленное множество людей: за умножение грехов наших смирил нас Господь Бог перед

врагами нашими. Если где-либо появится хотя бы один татарин, то множество наших не смеет ему противиться, а если их двое или трое, то многие русские, бросая жен и детей, обращаются в бегство.

Так, казня нас, Господь смирил гордыню нашу. Так сбылось над людьми прежде бывшее знамение, когда в Коломне от иконы потекла кровь. Многие завоевали разосланные Едигеем измаилтяне: город Переяславль Великий сожгли и Ростов, а также разгромили и сожгли весь Нижний Новгород и Городец и взяли многие волости. И множество людей погибло, а иные от холода поумирали, ибо тогда, на погибель христианам, зима была лютая и стужа превеликая.

Тогда-то храбрые наши ляхи, которые горделиво владели градом пречистой Богоматери, и показали, что их мужественные ноги сильны только в беге, мало того – среди них были еще и грабители, и губители душ, а с иноплемениками они ни разу и не сразились: «Сломилось оружие их, и щит гордых сожжен огнем», – по словам пророка.

Тогда прошло двадцать дней с тех пор, как агарянин Едигей осадил славный град Москву, возомнил он о своем величии и надумал тут зимовать. И много дней гордился, окаянный, что покори́л и опустошил все окружающие Москву города. Только один город был храним Богом по молитвам Пречистой его матери и ради ее животворящей иконы и архиепископа Петра. Жители, бывшие в городе в великом бедствии, впали в глубокое уныние, видя, что им никто не помогает и что от людей им нечего ждать спасения, и вспомнили Давида, который писал так: «Лучше уповать на Господа, чем уповать на князя; лучше надеяться на Бога, чем надеяться на человека».

И взмолились все люди к Богу, низко кланяясь и говоря: «Не предай зверям души рабов твоих, владыка! Если мы и согрешили перед тобой, то во имя твое святое пощади нас, Господи!» И, взирая со слезами на животворящую икону Пречистой Богоматери, горько восклицали так: «О постоянная заступница наша, не предай же нас и теперь в руки врагов наших!» И милосердный Человеколюбец, еще не совсем разгневавшийся, увидев печаль людей своих и слезы их покаяния, утешает их вскоре, памятуя о милости к стаду своему: величавого и гордого агарянина Едигея устрасил, навел на измаилтянина трепет перед своей всевышней и карающей десницей. И агарянин, который похвалялся пробыть в православной земле долгое время и обещал зазимовать, вдруг, забеспокоившись, внезапно снялся с места и, не желая медлить ни единого дня, сказал дружине: «Или царство наше захватит другой, или Василий соберется на нас», – такая мысль смутила агарянина. Быстро посылает он к городу, сам прося мира: и как захотели горожане, так и замирился с ними окаянный Едигей и отошел.

В этот же год была большая дороговизна на всякую пищу. Многие христиане умерли от голода, а продавцы хлеба обогатились.

Князь Василий умер в 1425 году, завещав престол своему сыну, тоже Василию II (Темному), в обход собственного брата Юрия Галицкого (того назначил наследником престола после Василия отец, Дмитрий Донской). В итоге между дядей и племянником началась многолетняя война, вошедшая в историю как война за московский престол. Когда Юрий умер, войну продолжили его сыновья – Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Первый стал жертвой Василия Васильевича, который захватил его в плен и ослепил, а второй долго и успешно воевал с московским князем и даже сумел пленить и ослепить его, отомстив за брата. После этого Василия Васильевича стали называть Василием Темным, а имя Шемяки прочно закрепилось в русском языке благодаря выражению «Шемякин суд»: предание гласит, что князь, отчаянно нуждавшийся в средствах на войну, вершил суд, исходя из того, какая из тяжущихся сторон больше ему заплатит. Со временем это выражение стало обозначать всякий неправый суд.

Итогом противостояния Василия Темного и Дмитрия Шемяки стала смерть Шемяки в Новгороде в 1453 году: Василий приказал отравить соперника. Сам великий князь умер девять лет спустя, и титул перешел к его старшему сыну Ивану III.

Хождение за три моря, 1468–1475 годы Афанасий Никитин

В правление Ивана тверской купец Афанасий Никитин, движимый сугубо коммерческим интересом, совершил грандиозное для человека тех времен путешествие по Персии, Индии и Турции.

Разумеется, у Никитина (на самом деле его фамилия Майков, а Никитин – отчество: Афанасий Никитин сын) были предшественники – и как у путешественника, и как у составителя путевых записок. Первыми в русской литературе «путевыми записками» считается «Хождение игумена Даниила» – сочинение начала XII столетия, описание паломничества русского монаха (вероятно, из Черниговского княжества) в Иерусалим. Свою цель Даниил определял так: «Вот я, недостойный игумен Даниил из Русской земли, худший из всех монахов, отягченный грехами многими, неспособный ни к какому делу доброму, будучи понуждаем мыслью своею и нетерпением моим, захотел видеть святой город Иерусалим и Землю обетованную. И, благодатью Божьею, дошел я до святого города Иерусалима, и видел святые места, обошел всю землю Галилейскую и около святого города Иерусалима святые места, куда Христос Бог наш ходил своими ногами и где, по местам тем святым, он показал великие чудеса. И то все видел я глазами своими грешными. Незлобивый Бог показал мне, чтобы я видел то, чего желал я много дней мыслью моею».

Афанасий Никитин же преследовал иную цель: «У кого было что на Руси, тот пошел на Русь, а кто был там должен, тот пошел куда глаза глядят». Вдохновленный легендами о баснословных богатствах Индии – легендах, известных еще древним грекам, – он отправился на юг, где видел «дива дивные». Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что во многом благодаря этому путешествию и путевым заметкам Афанасия Никитина Русь не осталась в стороне от великих географических открытий конца XV – начала XVI века.

За молитву святых отцов наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, раба своего Афанасия сына Никитина. Написал я грешное свое хождение за три моря: первое море – Хвалынское, второе море – Индийское, третье море Черное – море Стамбульское.

Пошел я от святого Спаса златоверхого, от великого князя Михаила Борисовича на низ Волгою. А князь великий всея Руси дал мне грамоту и отпустил.

И в Нижнем Новгороде ждал я две недели татарского Ширван-шахова посла Хасан-бека. А посол великого князя Ивана Василий Папин проехал мимо города, а ехал он с кречетами от великого князя, а кречетов у него девяносто. И поехал я с Ширван-шаховым послом на низ Волгою. Проехали свободно Казань и Сарай.

И въехали мы в Бузан-реку. Тут повстречали нас три татарина и сказали нам ложную весть:

– Касим-султан стережет купцов в Бузани, а с ним три тысячи татар.

Ширваншахов посол Хасан-бек дал им по кафтану и по куску полотна, чтобы они провели нас мимо Астрахани. Татары же по кафтану взяли, а астраханскому царю весть дали. Пошли мы под парусом мимо Астрахани ночью, при свете месяца. Царь же нас увидел. Татары нам кричали:

– Качьма, не бегите!

И царь послал за нами всю орду. Они взяли наше малое судно и тотчас разграбили, а моя вся рухлядь была на малом судне. А на большом судне мы дошли до моря и стали в устье Волги на мели. Татары тут нас взяли, и судно отобрали, и нас ограбили, и отпустили за море. Вверх же нас не пропустили, чтобы мы не дали вести.

И пришли мы в Дербент и поехали к Ширван-шаху и били ему челом, чтобы он нас пожаловал, дал с чем нам дойти до Руси. И он нам не дал ничего, ибо нас было много. И мы заплакали да разошлись кто куда. У кого было что на Руси, тот пошел на Русь, а кто был там должен, тот пошел куда глаза глядят. А я пошел в Баку, где огонь горит неугасимый. А из Баку – за море в Чапакур, а дальше до моря Индийского, до Ормуза. А Ормуз стоит на острове, и ежедневно дважды заливает его море. Солнце в Ормузе палящее, может человека сжечь. А в Ормузе я был месяц и пошел после Великого дня за Индийское море.

Тут есть Индийская страна, и люди ходят все нагие, а голова не покрыта, а груди голые, а волосы заплетены в одну косу. Детей родят каждый год, а детей у них много. А мужи и жены все черные. Куда я ни пойду – за мной людей много: дивятся белому человеку.

Дошел я до Джунира, Бог дал, здоровым. И зимовал в Джунире. Зима же у них стала с Троицына дня. Четыре месяца и днем и ночью всюду были вода да грязь. Тогда же у них пашут и сеют пшеницу, да нугут, да все съестное. Вино приготавливают из кокосовых орехов в огромных индийских мехах. Коней кормят нуготом и варят для них кичирис с сахаром и маслом. В Индийской земле кони не рождаются. В их земле рождаются волы да буйволы. На них ездят и товар возят.

И я, грешный, привез жеребца в Индийскую землю. А стал он мне в сто рублей. А в том Джунире хан взял у меня жеребца. Он узнал, что я не басурманин, а русский, и сказал:

– И жеребца тебе отдам, и тысячу золотых дам, только прими веру нашу, Махмет дени, а не примешь веры нашей, и жеребца возьму, и тысячу золотых на главе твоей возьму.

И поставил мне срок четыре дня, на Спасов день. И Господь Бог смилостивился на свой честный праздник, не лишил меня, грешного, своей милости и не дал мне погибнуть в Джунире с нечестивыми. В канун Спасова дня приехал хорасанец ходжа Махмет, и я бил ему челом, чтобы он попросил обо мне. И он ездил к хану в город и упросил его, чтобы меня в их веру не обращали, и жеребца моего у хана взял. Таково Господнее чудо на Спасов день.

Итак, братья русские христиане, кто из вас хочет идти в Индийскую землю, оставьте свою веру на Руси и, призвав Мухаммеда, идите в Индостанскую землю.

Мне солгали псы-басурмане: сказывали, много нашего товара, а нет ничего для нашей земли. Весь товар только для басурманской земли; перец и краска – то дешево. Иные возят товар морем, иные – пошлины не платят. А нам провезти без пошлины не дадут. И пошлины большие, а разбойников на море много. А разбойники все кафары, не христиане и не басурмане, молятся они каменным болванам, а Христа не знают.

Из Джунира вышли в день Успения Пречистой к Бидару, большому их городу, а шли месяц. Между этими большими городами много других городов, каждый день встречалось по три города, в другой – и по четыре.

В Бидаре же торг конями да шелками и всяким иным товаром. Да купить там можно черных людей. А иной в нем купли нет. Да все товар их индийский, да съестное все – овощи, а для Русской земли товара нет.

Князья в Индийской земле все хорасанцы, и бояре все хорасанцы. А индостанцы все пешеходы, ходят быстро и все наги да босы, в одной руке – щит, в другой – меч. А иные слуги ходят с большими и прямыми луками да стрелами. А бои у них все на слонах, а пеших пускают вперед; хорасанцы же на конях и в доспехах – и кони и сами.

Есть у них одно место, Алянд, раз в год там базар. Съезжается вся страна индийская торговать, а торгуют десять дней. В Индийской земле тот торг лучший. Есть, говорят, в том Алянде птица гукук, летает ночью и кричит «гукук». На которую хоромину она сядет, то тут человек умрет; а кто захочет ее убить, тогда у нее изо рта огонь выйдет.

Земля здесь весьма многолюдна: сельские люди очень бедны, а бояре сильны и пышны. Носят их на кроватях на серебряных, да перед ними водят до двадцати коней в золотых сбруях,

а за ними на конях триста человек, да пеших пятьсот, да трубников десять, да литаврщиков десять человек, да свирельников десять.

В султанов дворец ведет семеро ворот, а в воротах сидят по сто сторожей да по сто писцов-кафаров: одни записывают, кто войдет, другие – кто выйдет. Гарипов же во дворец не пускают. А дворец его весьма красив, всюду резьба и золото, и последний камень вырезан да чудно расписан золотом. Да во дворце у него разные сосуды.

Город же Бидар стерегут ночью тысяча человек, а ездят на конях да в доспехах, да у всех по светычу. В Бидаре продал я жеребца своего, а издержал на него шестьдесят и восемь футунов, а кормил я его год.

В Бидаре же узнал я многих индийцев и сказал им, что я не басурманин, а христианин. Они же не стали от меня таиться ни в чем: ни в еде, ни в торговле, ни в молитве, ни в иных вещах. Всех же вер в Индии восемьдесят четыре, а вера с верою ни пьет, ни ест, ни женятся. А еда у них плохая. Едят рис, да кичирис с маслом, да травы разные. А едят все правою рукою, левою же ни за что не берутся. Ножа не держат, а ложки не знают. В дороге у каждого по горшку и варят себе кашу. А от басурман скрываются, чтобы не посмотрел ни в горшок, ни в еду. Если басурманин посмотрит на еду, индеец уже не будет есть. А когда едят, то некоторые покрываются платом, чтобы никто не видел.

А молитва их на восток, по-русски, обе руки поднимают высоко, да кладут их на темя, да ложатся ниц на землю и растягиваются по ней – то их поклоны.

В Бидаре был я четыре месяца и сговорился с индийцами пойти в Парвату, то их Иерусалим, как у басурман Мекка, где их бутхана. Шел я до бутханы месяц. Торг у бутханы пять дней. А бутхана весьма велика, с пол-Твери, каменная, и вырезаны по ней Бутовы деяния, как Бут чудеса творил, как являлся индийцам во многих образах: в образе человека, но с хоботом слона, человеком в виде обезьяны, человеком в образе лютого зверя. Являлся им всегда с хвостом, а хвост на камне вырезан с сажень. Бут в бутхане вырезан из камня и весьма велик, хвост у него перекинут через плечо, а руку правую поднял высоко и простер, как царь Юстиниан в Царьграде. В левой же руке у него копье. А перед Бутом стоит огромный вол, а высечен он из черного камня и весь позолочен. Его целуют в копыто и сыплют на него цветы, и на Бута сыплют цветы.

А бутханы их без дверей, а поставлены на восток, и Буты стоят на восток. А когда у них кто умрет, тех сжигают да пепел сыплют на воду.

В месяце мае встретил я Великий день в басурманском Бидаре в Индостане. Басурмане же встретили байрам. На басурманский байрам выехал султан на теферич, и с ним двадцать визирей великих, да триста слонов, наряженных в булатные доспехи, с городками окованными. Да в городках по шесть человек в доспехах, да с пушками, да с пищалями, а на великом слоне – двенадцать человек. На каждом слоне по два прапорца великих. А к клыкам привязаны большие тяжелые мечи. Между ушей сидит человек в доспехах, а в руках у него большой железный крюк, им и правит.

Да выехали тысяча простых коней в золотых сбруях, да сто верблюдов с литаврами, да триста трубников, да триста плясунов, да триста наложниц. А на султана кафтан весь унизан яхонтами, да на шапке шишак – алмаз великий, да золотой сагайдак с яхонтами. Да на нем же три сабли, окованные золотом, да седло золотое. Да за ним пеших много, и идет ученый слон, наряжен весь в камку, с большою железной цепью по рту, и он отбивает ею людей и коней, чтобы не подступали близко к султану.

Уже прошло четыре Великих дня в басурманской земле, а христианства я не оставил. Далее бог ведает, что будет. Господи Боже, на тебя уповаю, спаси меня, Господи Боже мой.

В Индии басурманской, в великом Бидаре, смотрел я на великую ночь: в Великий день Стожары и Кола вошли в зарю, а Лось головою стоял на восток.

О благоверные христиане, кто по многим землям много плавает, тот во многие грехи впадает и лишает себя христианской веры. Я же – рабище Божий Афанасий истосковался по вере: уже прошли четыре великих заговенья и четыре Великих дня, а я, грешный, не знаю, когда Великий день или заговенье; не знаю, когда Рождество Христово и другие праздники. А книг у меня нет. Когда меня пограбили, то и книги у меня взяли. Я же от многих бед пошел в Индию, так как на Русь мне пойти было не с чем, никакого товара не осталось. И тут я плакал много по вере христианской.

Возвращаюсь я на Русь и думаю: погибла вера моя, постился я басурманским постом. А молился я Богу Вседержителю, кто сотворил небо и землю, и иного имени не призывал. И среди вер я молю Бога, чтобы он хранил меня.

А Русскую землю Бог да сохранит! На этом свете нет страны подобной ей, хотя бояре Русской земли не добры. Но да устроится Русская земля и да будет в ней справедливость.

А правую веру Бог ведает, а правая вера – единого Бога знать, имя его в чистоте призывать во всяком чистом месте.

«Да устроится Русская земля»... Об этом в те годы на Руси мечтали все – от смерда до великого князя; но если уделом смерда были лишь мечты, великий князь имел возможность эти мечты осуществить. Иван Васильевич начал с присоединения к Москве ярославских земель и заключения союза с Рязанским княжеством, правитель которого был женат на сестре Ивана. Намного тяжелее великому князю пришлось с новгородцами.

Битва на реке Шелони, 1471 год Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород

Господин Великий Новгород весьма болезненно реагировал на усиление Москвы, на великокняжеские поборы и искал помощи у чужеземцев, прежде всего у Литвы. Последняя взамен требовала от новгородцев принятия католической веры. Великий князь несколько раз отправлял в Новгород посланцев, убеждавших горожан не отречься «от веры отцов и слова Рюриковичей», однако, когда стало ясно, что уговоры не действуют, Иван собрал войско и выступил в поход на Новгород – на реке Шелони новгородцы были разбиты и обложены данью.

Той же осенью, ноября в восьмой день, на праздник архангела Михаила преставился архиепископ Великого Новгорода Иона. И новгородцы по старине, как это было у них в обычае, созвали вече и стали выбирать из иеромонахов архиепископа. И, выбрав троих, бросили жребий, и выпал жребий некоему иеромонаху по имени Феофил, и возвели его во двор архиепископский. И послали к великому князю Ивану Васильевичу посла своего Никиту Ларионова бить челом и защиты просить, чтобы избранного ими чернеца Феофила почтил, велел бы к себе в Москву прибыть и поставить бы его велел своему отцу духовному, митрополиту Филиппу, на архиепископство в Великом Новгороде и Пскове, как то и прежде всегда бывало при прежних великих князьях.

Князь же великий, по их челобитью и прошению не только к прежнему ничего не добавляя, но и в снисхождении жалую, посла их, почтив, отпустил со всем, о чем просили его новгородцы, ответ дав ему такой: «Что вотчина моя, Великий Новгород, прислал ко мне бить челом о том, что взял Бог отца их духовного, а моего богомольца архиепископа Иону, и потому избрали себе по своему обычаю согласно жребию инока Феофила, в том я, князь великий, их жалую и того избранного Феофила. И велю ему быть в Москву ко мне и к отцу моему духовному, митрополиту Филиппу, чтобы поставить на архиепископство Великого Новгорода и Пскова без всяких задержек, но по старым обычаям, как было то и при отце моем, великом князе Василии, и при деде, и при прадеде моем, и при прежних всех великих князьях, из рода которых и я, из владимирских, и новгородских, и всей Руси». И когда тот посол их Никита Ларионов воротился в Новгород и передал им пожалование великого князя, то многие там бывшие люди знатные, посадники и тысяцкие, и житыи люди очень тому рады были, и Феофил также.

Некоторые же из них: посадничьи дети Исаака Борецкого с матерью их Марфою и с остальными иными изменниками, подученные дьяволом, хуже бесов стали прельстителеми на погибель земле своей и себе на пагубу, начали непристойные и соблазнительные речи высказывать и, на вече являясь, кричать: «Не хотим за великого князя московского, и вотчиной зваться его не хотим! Вольные все мы люди – Великий Новгород, а московский князь великий многие обиды и неправды над нами чинит! А хотим за короля польского и великого князя литовского Казимира!»

И так взволновался весь город их, и всколыхнулись все, как пьяные: те хотели за великого князя по старине, к Москве, а другие – за короля, к Литве. Те же изменники стали нанимать худых мужиков из участников вече, готовых на все, как обычно. И явсья на вече, звонили они во все колокола и, крича, говорили: «За короля хотим!» Другие же им возражали: «За великого князя московского хотим по старине, как было и до сего!» И те наймиты изменничьи камень метали в тех, что за великого князя хотят. И великая смута была у них, и сражались друг с другом, и сами на себя поднялись.

Многие же из них: прежние посадники, и тысяцкие, и знатные люди, а также и люди житьи говорили им: «Нельзя, братья, тому так быть, как вы говорите: к королю нам перейти и архиепископа поставить от его митрополита, католика. Ведь изначально вотчина мы великих князей русских, от первого великого князя нашего Рюрика, которого по воле своей взяла земля наша из варягов князем себе вместе с двумя его братьями. А после и правнук его, князь великий Владимир, крестился и все земли наши крестил: русскую, и нашу словенскую, и землю мери, и кривичскую, и весь, то есть белозерскую, и муромскую, и вятичей, и остальных. И от святого того великого князя Владимира вплоть до господина нашего великого князя Ивана Васильевича за латинянами мы не бывали и архиепископа от них себе не поставляли, так чего ж вы теперь хотите ставить его от Григория, именующего себя митрополитом Руси, хотя он ученик Исидора и католик!»

Те же отступники, подобно и прежним еретикам, научены были дьяволом, желая на своем поставить, на благочестье дерзнув, и великому князю не желая покориться, единодушно вопили: «За короля хотим!» А другие говорили: «К Москве хотим, к великому князю Ивану и к отцу его духовному, митрополиту Филиппу, – в православие!» Злодеи же те, восставшие на православие, бога не боясь, послов своих отправили к королю с дарами многими, Панфила Селиванова да Кирилла Иванова, сына Макарьина, говоря: «Мы, вольные люди, Великий Новгород, бьем челом тебе, честной король, чтобы ты государю нашему Великому Новгороду и нам господином стал. И архиепископа повели нам поставить своему митрополиту Григорию, и князя нам дай из твоей державы».

Король же принял их дары с радостью, и рад был речам их, и, много почтив посла их, отпустил к ним со всеми теми речами, которых услышать они хотели, и князя послал к ним Михаила, Олелькова сына, киевлянина. И приняли его новгородцы с почетом, но наместников великого князя не выгнали с Городища. А бывшего у них князем Василия Горбатого, из суздальских князей, послали того в Заволочье, в заставу на Двину.

Прослышал об этом князь великий Иван Васильевич, что в вотчине его, в Великом Новгороде, смятенье великое, и стал посылать к ним послов своих, говоря так: «Вотчина моя это, люди новгородские, изначально: от дедов, от прадедов наших, от великого князя Владимира, крестившего землю Русскую, от правнука Рюрика, первого великого князя в вашей земле. И от того Рюрика и до сегодняшнего дня знали вы единственный род тех великих князей, сначала киевских, и до самого великого князя Дмитрия-Всеволода Юрьевича Владимирского, а от того великого князя и до меня род этот, владеем мы вами, и жалуем вас, и защищаем отовсюду, и казнить вас вольны, коли на нас не по-старому начнете смотреть. А ни за королем никаким, ни за великим князем литовским не бывали вы с тех пор, как земля ваша стала, теперь же стремитесь вы от христианства в католичество, нарушив крестное целование. Я, князь великий, никакого насилья вам не чиню, ни тягот не налагаю сверх того, что были при отце моем, великом князе Василии Васильевиче, и при деде моем, и при прадеде, и при прочих великих князьях рода нашего, да еще и жаловать вас хочу, свою вотчину».

Слышав же то, новгородские люди, бояре их и посадники, и тысяцкие, и житьи люди, которые не желали прежнего своего обычая и крестного целования преступить, рады были все этому и управляться хотели великим князем по-старому.

Но Исааковы дети, о которых было сказано, с прочими своими пособниками и с наймитами своими будто взбесились, точно дикие звери, человеческого разума лишённые, речей послов великого князя, как и посла митрополита Филиппа, и слышать не хотели. И еще нанимали злых этих смердов, убийц, мошенников и прочих безродных мужиков, что подобны скотам, нисколько разума не имеющих, но только один крик, так что и бессловесная скотина не так рычала, как эти новгородские люди, невежды, называя себя «господарем Великим Новгородом». И они приходили на вече, били в колокола, и кричали, и лаялись, точно псы, говоря нелепое: «За короля хотим!»

И такова была смута у них, как в Иерусалиме, когда предал его Господь в руки Тита; и как те тогда, так и эти друг с другом сражались.

Князь же великий, прослышав об этом, впал в скорбь и тужил о них немало: «Когда и не были еще в православии, от Рюрика и до великого князя Владимира, не отходили к другим государям, а от Владимира и вплоть до сегодняшнего дня знали один его род и управлялись великим князем во всем, сначала киевским, потом владимирским, а теперь, в последние годы, все свое благочестье хотят погубить, от христианства к католичеству отступая. Но что делать, не ведаю, а возложу всю надежду мою на единого Господа Бога, и будет он милостив ко мне в этом». И возвещает он об этом отцу своему, митрополиту Филиппу, и матери своей, великой княгине Марии, и бывшим при нем боярам его и о том, что хочет идти на Новгород ратью. Они же, услышав это, советуют ему, упование на Бога возложив, исполнить замышленье свое на новгородцев за их нарушения и отступничество.

И тотчас князь великий послал за всеми братьями своими, и за всеми епископами земли своей, и за всеми князьями, и боярами своими, и воеводами, и за всеми своими воинами. И когда сошлись все к нему, тогда сообщает им замысел свой – идти на Новгород ратью, ибо во всем изменил он. И князь великий, получив благословение от митрополита Филиппа, а также и от всех святителей земли своей, и от всего священного собора, начал готовиться к походу, а так же и братья его, и все князья его, и бояре, и воеводы, и все его воины. <...>

Князь же великий Иван Васильевич, приняв благословение отца своего митрополита Филиппа, и всех епископов державы своей, и всех священников, выходит из Москвы того же месяца июня двадцатого, в четверг, в день памяти святого отца Мефодия, епископа патарского, а с ним царевич Даньяр и прочие воины великого князя, князья его многие и все воеводы, с большими силами собравшиеся на противников, – подобно тому, как прежде прадед его, благоверный великий князь Дмитрий Иванович, на безбожного Мамаю и на богомерзкое его воинство татарское, так же и этот благоверный и великий князь Иван на этих отступников.

Ибо хотя и христианами назывались они, по делам своим были хуже неверных; всегда изменяли они крестному целованию, преступая его, но и хуже того стали сходить с ума, как уже прежде написал: ибо пятьсот лет и четыре года после крещения были под властью великих князей русских православных, теперь же, в последнее время, за двадцать лет до окончания седьмой тысячи лет, захотели отойти к католическому королю и архиепископа своего поставить от его митрополита Григория, католика, хотя князь великий посылал к ним, чтобы отказались от такого замысла. Также и митрополит Филипп не раз предостерегал их, поучая, будто отец детей своих, по Господню слову, как сказано в Евангелии: «Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; и если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собою двух или трех, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое твое слово. Если же и тех не послушает, скажи церкви; если же и церкви слушать не станет, то да будет он тебе как язычник и мытарь». Но нет, люди новгородские всему тому не внимали, но свое зломыслие учиняли; так не хуже ли они иноверных? Ведь неверные никогда не знали бога, не получили ни от кого правой веры, прежних своих обычаев идолопоклонства держась, эти же долгие годы пребывали в христианстве и под конец стали отступать в католичество. Вот и пошел на них князь великий не как на христиан, но как на язычников и на отступников от правой веры.

Пришел же князь великий на Волок в день Рождества Иоанна Предтечи. Так же и братья великого князя пошли каждый от себя: князь Юрий Васильевич из своей вотчины, князь Андрей Васильевич из своей вотчины, князь Борис Васильевич из своей вотчины, князь Михаил Андреевич с сыном Василием из своей вотчины. А в Москве оставил князь великий сына своего, великого князя Ивана, да брата своего, князя Андрея Меньшого.

На Петров день пришел князь великий в Торжок, и подошли к нему в Торжок воеводы великого князя тверского, князь Юрий Андреевич Дорогобужский да Иван Никитич Жито,

со многими людьми для помощи на новгородцев же; а из Пскова в тот же Торжок пришел к великому князю посол Василий да Богдан с Якушкой с Шачебальцевым, а присланы известить, что от присяги Новгороду отказались и сами готовы все. Князь же великий из Торжка послал к ним Богдана, а с ним Козьму Коробьина, чтобы немедля пошли на Новгород, а Василия от себя не отпустил; и из Торжка пошел князь великий.

Братья же великого князя все со многими людьми, каждый из своей вотчины, пошли разными дорогами к Новгороду, пленяя, и пожигая, и людей в полон уводя; так же и князя великого воеводы то же творили, каждый там, на какое место был послан. Ранее посланные же воеводы великого князя, князь Данило Дмитриевич Холмский и Федор Давыдович, идя по новгородским пределам, где им приказано было, распустили воинов своих в разные стороны жечь, и пленить, и в полон вести, и казнить без милости жителей за их неповиновение своему государю великому князю. Когда же дошли воеводы те до Руссы, захватили и пожгли они город; захватив полон и спалив все вокруг, направились к Новгороду, к реке Шелони. Когда же пришли они к месту, называемому Коростыней, у озера Ильменя на берегу, напала на них неожиданно по озеру рать новгородская в ладьях, которая, на берег выйдя, тайком подошла под их лагерь, так что они оплошали. Стража воевод великого князя, увидев врагов, сообщила воеводам, те же, тотчас вооружась, пошли против них и многих побили, а иных захватили в плен; тем же пленным велели друг другу носы, и губы, и уши резать и потом отпустили их обратно в Новгород, а доспехи, отобрав, в воду побросали, а другое огню предали, потому что не были им нужны, ибо своих доспехов всяких довольно было.

И оттуда вновь возвратились к Руссе в тот же день, а в Руссе уже другое войско пешее, еще больше прежнего вдвое; и пришли те в судах рекою под названием Пола. Воеводы же великого князя, и на тех пойдя, разбили их и послали к великому князю с вестью Тимофея Замытского, а примчался он к великому князю июля в девятый день на Коломну-озеро; сами же воеводы от Руссы пошли к Демону-городку. Князь же великий послал к ним, веля идти за реку Шелонь на соединение с псковичами. Под Демоном же велел стоять князю Михаилу Андреевичу с сыном его князем Василием и со всеми воинами его.

А воеводы великого князя пошли к Шелони, и как подошли они к берегу реки той, там, где можно перейти ее вброд, в ту же пору вышла рать новгородская против них с другой стороны, от города своего, к той же реке Шелони многое множество, так что ужаснулись воины великого князя, потому что мало их было – все воины княжеские, не зная этого, покоряли места окрест Новгорода.

А новгородские посадники, и тысяцкие, и с купцами, и с житейными людьми, и мастера всякие или, проще сказать, плотники и гончары, и прочие, которые отродясь на лошади не сидели и в мыслях у которых того не бывало, чтобы руку поднять на великого князя, – всех их те изменники силой погнали, а кто не желал выходить на бой, тех они сами грабили и убивали, а иных в реку Волхов бросали; сами они говорили, что было их сорок тысяч в том бою.

Воеводы же великого князя, хоть и в малом числе (говорят бывшие там, что только пять тысяч их было), увидев большое войско тех и возложив надежду на Господа Бога и Пречистую Матерь его и на правоту своего государя великого князя, пошли стремительно на них, как львы рыкая, через реку ту широкую, на которой в том месте, как сами новгородцы говорят, никогда брода не было; а эти и без брода все целые и здоровые ее перешли. Увидев это, новгородцы устрашились сильно, взволновались и заколебались, как пьяные, а наши, дойдя до них, стали первыми стрелять в них, и взволновались кони под теми, и начали с себя сбрасывать их, и так скоро побежали они, гонимые гневом божьим за свою неправду и за отступление не только от своего государя, но и от самого Господа Бога.

Полки же великого князя погнали их, копя и рубя, а они и сами в бегстве друг друга били, кто кого мог. Побито же их было тогда многое множество, – сами они говорят, что двенадцать тысяч их погибло в тех боях, а схватили живьем более двух тысяч; схвачены и посадники их:

Василий Казимир, Дмитрий Исаакович Борецкий, Кузьма Григорьев, Яков Федоров, Матвей Селезнев, Василий Селезнев – два племянника Казимира, Павел Телятев, Кузьма Грузов, а житых множество. Сбылось на них пророческое слово: «Пятеро ваших погонит сотню, а сотня потеснит тысячи». Так долго они бежали, что и кони их запалились, и стали падать с коней в воды, и в болота, и в чащобу, ибо ослепил их господь, не узнали уже и земли своей, даже дороги к городу своему, из которого вышли, но блуждали по лесам, а как где-нибудь они выходили из леса, так хватали их ратники, а некоторые, израненные, блуждая в лесах, поумирали, а другие в воде утонули; которые же с коней не свалились, тех кони их принесли к городу, будто пьяных или сонных, но иные из них второпях и город свой проскакали, думая, что и город взят уже; ибо взволновались и заколебались, будто пьяные, и ума лишились. А воины великого князя гнали их двадцать верст, а потом возвратились в великой усталости.

Воеводы же князя великого, князь Даниил и Федор Давыдович, став на костях, дождались воинства своего, и увидели воинов своих всех здоровыми, и благодарили бога, и пречистую его богоматерь, и всех святых. И стали воеводы говорить схваченным ими новгородцам: «Отчего вы с таким множеством воинов своих сразу бежали, увидев малое наше войско?» Те же ответили им: «Потому что мы видели вас бесконечное множество, идущих на нас, и не только идущих на нас, но еще и другие полки видели, в тыл нам зашедшие, знамена у них желтые и большие стяги и скипетры, и говор людской громкий, и топот конский страшный, и так ужас напал на нас, и страх объял нас, и поразил нас трепет». Было же это июля четырнадцатого в воскресенье рано, в день святого апостола Акилы.

Воины же князя великого и после боя того сражались часто по посадам новгородским вплоть до немецкой границы по реке Нарве, и большой город, называемый Новым Селом, захватили и сожгли. А воеводы великого князя, чуть отдохнув после боя того и дождавшись своих, послали к великому князю Замятню с той вестью, что помог им Бог, рать новгородскую разбили. И тот примчался к великому князю в Яжелбицы того же месяца в восемнадцатый день, и была радость великая великому князю и братьям его, и всему войску их, ибо был тогда у великого князя и царевич Даньяр, и братья великого князя, благоверные князья Юрий, и Андрей, и Борис, и бояре их, и все войско их. И тогда дал обет князь великий поставить в Москве церковь памяти святого апостола Акилы, что и исполнил, а воеводы, князь Даниил и Федор, другую церковь, в честь Воскресения.

Месяца того же на двадцать четвертый день, на память святых великомучеников Бориса и Глеба, пришел князь великий в Руссу, и тут повелел казнить отсеченьем головы новгородских посадников за их измену и за отступничество: Дмитрия Исааковича Борецкого, да Василия Селезнева, да Еремея Сухощека, да Киприяна Арзубьева; а иных многих сослал в Москву да велел их бросить в тюрьму, а незнатных людей велел отпускать в Новгород, а Василия Казимира, да Кузьму Григорьева, да Якова Федорова, да Матвея Селезнева, да Кузьму Грузова, да Федота Базина велел отвезти на Коломну да заковать их. А сам пошел оттуда на Ильмень-озеро к устью Шелони и пришел там на место, называемое Межбережье и Коростынь, двадцать седьмого в субботу. <...>

И в тот же день был бой у воевод великого князя с двинянами, у Василия Федоровича Образца, а вместе с ним были устюжане и прочие воины, да у Бориса Слепца, а вместе с ним вятчане, бой у них был на Двине с князем Василием Шуйским, а с ним вместе были заволочане все и двиняне. Было же с ним рати двенадцать тысяч, а с воеводами великого князя было рати четыре тысячи без тридцати человек. И та и другая стороны бились на берегу, выйдя из лодок, и начали биться в третьем часу дня того, и бились до захода солнечного, и, за руки хватая, рубились, и знамя у двинян выбили, а трех знаменосцев под ним убили: убили первого, так другой подхватил, и того убили, так третий взял, убив же третьего, и знамя захватили. И тогда двиняне взволновались, и уже к вечеру одолели полки великого князя и перебили множество двинян и заволочан, а некоторые потонули, князь же их раненый бросился в лодку и бежал в

Холмогоры; многих же в плен взяли, а потом и селения их захватили, и возвратили всю землю ту великому князю. Убили же тогда князя великого рати пятьдесят вятчан, да устюжанина одного, да человека Бориса Слепца, по имени Мигуна, а прочие все Богом сохранены были.

В тот же день пришли на устье Шелони в лодках озером Ильменем нареченный Феофил с посадниками, и с тысяцкими, и с житыми людьми от всех городских концов, и начали прежде бить челом князьям, и боярам, и воеводам великого князя, чтобы заступились перед братьями великого князя, а те бы заступились перед братом своим, великим князем, да и сами бы бояре заступились. Бояре же пошли вместе с ними и били челом братьям великого князя, братья же великого князя, князь Юрий, князь Андрей, князь Борис и князь Михайло Андреевич с сыном и бояре их били за них челом великому князю. Князь же великий ради них новгородцев пожаловал, велел тому нареченному чернецу Феофилу, и посадникам, и тысяцким, и прочим явиться пред его очи. Те же, войдя к великому князю, начали бить челом за свое преступление и за то, что руку против него подняли, – чтоб государь их пожалел, смилостивился над ними, прекратил бы гнев свой не ради их челобитья, но свою доброту показал бы к согрешающим, не велел бы больше казнить, и грабить, и жечь, и пленить. Смилостивившись, князь великий явил им милость свою и принял челобитье их, усмирил гнев свой и тотчас повелел прекратить жечь и пленять их, и пленных, тут бывших, повелел отпустить, а каких уже отослал и увел – и тех вернуть.

А били челом великому князю шестнадцатью тысячами серебром в новгородских рублях, кроме братьев великого князя и князей и прочих: бояр, и воевод, и всех остальных, которые ходатайствовали за них; а земля их вся пленена и сожжена до самого моря, ибо не только те были, которые с великим князем и с братьями его, но и со всех сторон пешею ратью ходили на них, и псковская вся земля от себя их завоевывала. Не бывало на них такого нашествия с тех пор, как и земля их стоит.

И после прихода всех тех стоял тут на одном месте князь великий одиннадцать дней, разбирая дела новгородские, и пожаловал их, дал им мир по их желанию, как сами захотели, а псковичам договор заключил с новгородцами лучше прежнего, как псковичи хотели. После этого князь великий дал новгородцам мир, и любовь, и милость и, почтив нареченного ими Феофила и посадников их, и тысяцких, и прочих всех, которые с ним приходили, отпустил их в их город. А с ними послал в Новгород боярина своего Федора Давидовича, чтобы привел весь Великий Новгород к крестному целованью, от мала и до велика, и серебро с них взял; те же пошли в Новгород и совершили все, что ведено было им.

А Иван Васильевич, князь великий владимирский и новгородский, всей Руси самодержец, возвратился оттуда в Москву с победой великой месяца августа тринадцатого; также и все братья его, и князья, и воеводы, и все воины их с большой добычей. <...>

В год 1471 месяца сентября в первый день, в начале индикта, то есть в начале нового года, на праздник преподобного Семиона Столпника, пришел князь великий в отчину свою, в славный град Москву, победив противников своих, казнив противящихся ему и не желавших повиноваться приведя под власть свою и многую добычу и славу приобрести.

И встретил его Филипп-митрополит с крестами близ церкви, лишь с моста чуть сойдя с большого, с каменного, до колодца на площади, со всем освященным собором. А люди московские, многое множество их, далеко за городом встречали его, иные – пройдя навстречу семь верст пешком, а другие поближе, от мала и до велика, знатные, незнатные, бесчисленное множество. А сын его, князь великий Иван, и брат его, князь Андрей Меньшой, и князья его, и дети боярские, и бояре, и заморские гости, и купцы, и знатные люди встретили его в канун Семенова дня на месте его ночлега. Великая же радость была тогда в граде Москве.

После Новгорода к Москве были присоединены Тверь и Вятка, Коломна и часть Смоленского княжества. Иными словами, Москва объединила значительную часть русских земель.

Возведение в Москве церкви Святой Богородицы, 1472 год Независимый летописный свод 1480-х годов

Государство крепло и богатело, а в самой Москве начался настоящий строительный бум, Иван III пригласил в Москву итальянских архитекторов и мастеров – Аристотеля Фьорванти, Алевиза Нового Фрязина, Марка Фрязина: был возведен Успенский собор, перестроены стены и башни Кремля, построены Благовещенский собор и Грановитая палата.

О строительстве одной из московских церквей рассказывает летопись.

В ту же весну задумал митрополит Филипп воздвигнуть соборную церковь Святой Богородицы в городе Москве, потому что та каменная церковь, которую заложил своими руками Петр, митрополит и чудотворец, и где лежало его тело, как написано об этом в его житии митрополитом Киприаном, обветшала. И опасаясь обрушения, уже подпирали толстыми стойками своды. Со времени ее постройки прошло сто пятьдесят лет. Так подумав и решив, митрополит позвал мастеров Ивашку Кривцова и Мышкина и начал их спрашивать, возьмутся ли они строить, потому что он хотел поставить большую и высокую церковь, подобную Владимирскому собору Святой Богородицы. А мастера взялись построить такую церковь. Наложил митрополит тяготу великую: со всех попов и монастырей собирать насильно серебро на постройку церкви. А когда собрал много серебра, тогда и бояре, и купцы по своей воле дали часть своего имения на постройку церкви митрополиту. Как только собрали много серебра, начали разбирать церковь, и множество строителей собрали, и вскоре разрушили ее до земли. Мощи святого святителя Петра не выкопали, а оставили над ним часть первоначальной стены. Церковь выложили вокруг прежней церкви больше ее, а по сравнению с Владимирской шире и длиннее на полторы сажени. И рвы выкопали, и забили сваи, как у мастеров принято. Но они не очень понимали в этом деле: известь разводили с песком жидко, а не вязко. А внутри: ту же мелкую щебенку собирали и внутрь стены сыпали и известью заливали, как тестяным раствором, поэтому получилось некрепко, как только тяжесть надавит на эту смесь вместо камня. <...>

Тогда же, в тот же год, вывели строители церковь Святой Богородицы до уровня порога и гробницы делали для епископов с тех же сторон, где они были раньше, Киприана и Фотия митрополитов с правой стороны друг за другом, а Феогноста митрополита в приделе святого Петра с Петром митрополитом под одной стеной. На другой год небольшую часть пола сделали и гробницы митрополитов завершили. Тогда, 29 мая, Иону нашли целым, Фотий же был цел не весь, а только ноги были в теле, а Киприан весь истлел, одни мощи. Иона исцелил хромого мальчика шести лет, сына попа Петра из церкви Иоанна Под Колоколы. Множество людей, прикладываясь к телу Ионы, набросали столько серебра, как будто в газофилакию, а митрополит все это отнял у попов на строительство церкви. Тогда же Иона исцелил и Селивана Рязанца, у которого была внутренняя болезнь. А Петра великого ночью выкопали. И обнаружив мощи его, людям не показали, а поставили ларец возле гроба Ионы, где лежит теперь Филипп митрополит, и целовали его все приходящие. Не знаю, были ли его мощи там или нет, только очень удивлюсь, если они вправду были там, чтобы такого чудотворца положили без почтения, не перенесли в другой храм. Здесь строители, работая, над ним ходили, а все осколки камня, какие есть, все на этот гроб падали. И Иону митрополита больше берегли. Но некоторые говорят, что митрополит положил мощи Петра-чудотворца в своей палате, а для народа сказал, что они возле гроба Ионы в ларце, чтобы в палаты не ходили. Немалую часть церкви и столпов вывели строители до тех пор, пока алтарь не надстроили и место для чудотворца Петра возле жертвенника не сделали.

Конец татаро-монгольского ига: стояние на Угре, 1480 год Повесть о стоянии на Угре

Укрепление Руси и очередное ослабление Орды – последняя распалась на несколько ханств (Казанское, Крымское, Астраханское) – убедили Ивана Васильевича в том, что настала пора сбросить иго. В 1476 году великий князь порвал ханскую грамоту и повелел казнить послов хана, которые приехали требовать дани. Хан Ахмат повел на Русь огромное войско, лишь немногим уступавшее в численности воинству его предка Батыея. На Оке монголов остановили русские пушки и пищали (огнестрельное оружие появилось на Руси в 1389 году), и Ахмат встал лагерем у впадения в Оку реки Угры. Русские подошли туда же по своему берегу и не позволили монголам переправиться через реку. Так началось знаменитое стояние на Угре.

Пришла весть к великому князю, что царь Ахмат идет в полном сборе, со своей ордой и царевичами, с уланами и князьями, да еще в соглашении с королем Казимиром – ибо король и направил его против великого князя, желая сокрушить христианство. Князь великий пошел на Коломну и стал у Коломны, а сына своего, великого князя Ивана, поставил у Серпухова, а князя Андрея Васильевича Меньшого в Тарусе, а прочих князей и воевод в иных местах, а других – по берегу.

Царь Ахмат, услышав, что князь великий стоит у Оки на берегу со всеми силами, пошел к Литовской земле, обходя реку Оку и ожидая на помощь себе короля или его силы, и опытные проводники вели его к реке Угре на броды. Князь же великий сына своего, и брата, и воевод послал на Угру со всеми силами, и, придя, они стали на Угре и заняли броды и перевозы. А сам князь великий поехал из Коломны на Москву к церквам Спаса и пречистой Богородицы и к святым чудотворцам, прося помощи и защиты православному христианству, желая обсудить и обдумать это с отцом своим митрополитом Геронтием, и со своей матерью, великой княгиней Марфой, и своим дядей, Михаилом Андреевичем, и со своим духовным отцом, архиепископом ростовским Вассианом, и со своими боярами – ибо все они тогда пребывали в осаде в Москве. И молили его великим молением, чтобы он крепко стоял за православное христианство против басурман.

Князь великий послушался их мольбы: взяв благословение, пошел на Угру и, придя, стал у Кременца с небольшим числом людей, а всех остальных людей отпустил на Угру. Тогда же в Москве мать его, великая княгиня, с митрополитом Геронтием, и архиепископ Вассиан, и троицкий игумен Паисий просили великого князя пожаловать его братьев. Князь же принял их просьбу и повелел своей матери, великой княгине, послать за ними, пообещав пожаловать их. Княгиня же послала к ним, веля им прямо отправиться к великому князю поскорее на помощь.

Царь же со всеми татарами пошел по Литовской земле мимо Мценска, Любутска и Одоева и, придя, стал у Воротынска, ожидая, что король придет к нему на помощь. Король же не пришел к нему и сил своих не послал – были у него свои междоусобия, воевал тогда Менгли-Гирей, царь перекопский, королевскую Подольскую землю, помогая великому князю. Ахмат же пришел к Угре со всеми силами, желая перейти реку.

И пришли татары, начали стрелять, а наши – в них, одни наступали на войска князя Андрея, другие – многие – на великого князя, а третьи внезапно нападали на воевод. Наши поразили многих стрелами и из пищалей, а их стрелы падали между нашими и никого не задевали. И отбили их от берега. И много дней наступали, сражаясь, и не одолели, ждали, пока станет река. Были же тогда большие морозы, река начала замерзать. И был страх с обеих сторон

– одни других боялись. И пришли тогда братья к великому князю в Кременец – князь Андрей и князь Борис. Князь же великий принял их с любовью.

Когда же река стала, тогда князь великий повелел своему сыну, великому князю, и брату своему, князю Андрею, и всем воеводам со всеми силами перейти к себе в Кременец, боясь наступления татар, – чтобы, соединившись, вступить в битву с противником.

В городе же Москве в это время все пребывали в страхе, помнили о неизбежной участи всех людей и ни от кого не ожидали помощи, только непрестанно молились со слезами и воздыханиями Спасу Вседержителю и Господу Богу нашему Иисусу Христу и Пречистой его матери, преславной Богородице. Тогда-то и свершилось преславное чудо пречистой Богородицы: когда наши отступали от берега, татары, думая, что русские уступают им берег, чтобы с ними сражаться, одержимые страхом, побежали. А наши, думая, что татары перешли реку и следуют за ними, пришли в Кременец. Князь же великий с сыном своим и с братией и со всеми воеводами отошел к Боровску, говоря, что «на этих полях будем с ними сражаться», а на самом деле слушая злых людей – сребролюбцев, богатых и брюхатых, предателей христианских и угодников басурманских, которые говорят: «Беги, не можешь с ними стать на бой». Сам Дьявол их устами говорил, тот, кто некогда вошел в змея и прельстил Адама и Еву. Вот тут-то и случилось чудо Пречистой: одни от других бежали, и никто никого не преследовал.

Царь же бежал в Орду, и пришел на него ногайский царь Ивак, и Орду взял, и его убил. Один только царевич хотел захватить окраинные земли за рекой Окой, князь же великий послал братьев своих, двух Андреев, услышали это татары и побежали. И так избавил Бог и Пречистая Русскую землю от нехристей. Был же тогда холод и великие морозы. Царь побежал одиннадцатого ноября.

В 1481 году пришел князь великий в Москву из Боровска и воздал хвалу Богу и пречистой Богородице, говоря: «Не ангел, не человек спас нас, но сам Господь спас нас по молитвам Пречистой и всех святых. Аминь».

Тогда же князь великий и братью свою пожаловал, включил их в договор, князя Андрея и князя Бориса, и князю Андрею дал Можайск, а князю Борису уступил его села; и, скрепив этот договор крестным целованием, они разошлись.

В ту же зиму вернулась великая княгиня София из побега, ибо она бегала на Белоозеро от татар, хотя никто за ней не гнался. А тем землям, по которым она ходила, стало хуже, чем от татар, от боярских холопов, от кровопийц христианских. Воздай же им, Господи, по их делам и по коварству их поступков, по делам рук их дай им. Были же и жены их там, ибо возлюбили они больше жен, нежели православную христианскую веру и святые церкви, где просветились и начали жизнь от купели святого крещения, и согласились они предать христианство, ибо ослепила их злоба. Но премилостивый Бог не презрел тех, кто был создан его рукой, не презрел слез христианских, помиловал их по своему милосердию и молитвам Пречистой матери и всех святых. Аминь.

Это мы писали не для того, чтобы их укорять, но да не хвалятся неразумные в безумии своем, говоря: «Мы своим оружием избавили Русскую землю», но воздадут славу Богу и Пречистой его матери Богородице, ибо он нас спас, и отринут это безумие, и творят битву за битвой и доблесть за доблестью ради православного христианства против басурманства, чтобы воспринять в этой жизни от Бога милость и похвалу, а в том мире венчаться нетленными венцами Бога Вседержителя и обрести царство небесное. Да получим и мы, грешные, это царство по молитвам Богородицы. Аминь.

О храбрые, мужественные сыновья русские! Потрудитесь, чтобы спасти свое отечество, Русскую землю, от неверных, не пощадите своей жизни, да не узрят ваши очи пленения и разграбления домов ваших, и убиения детей ваших, и поруганья над женами и детьми вашими, как пострадали иные великие и славные земли от турок. Назову их: болгары, и сербы, и греки, и Трапезунд, и Морея, и албанцы, и хорваты, и Босна, и Манкуп, и Кафа и другие многие

земли, которые не обрели мужества и погибли, отечество загубили, и землю, и государство, и скитаются по чужим странам, воистину несчастные и бездомные, и много плача, и слез достойные, укоряемые и поносимые, оплевываемые за отсутствие мужества. Люди, которые сбежали с многим имуществом, и с женами, и с детьми в чужие страны, не только золото потеряли, но и души и тела свои погубили и завидуют тем, кто тогда умер и не должен теперь скитаться по чужим странам бездомными. Ей-богу, видел я своими грешными очами великих государей, бежавших от турок с имением, и скитающихся, как странники, и смерти у Бога просящих, как избавления от такой беды. И пощади, Господи, нас, православных христиан, молитвами Богородицы и всех святых. Аминь.

В январе 1481 года Ахмат был убит в Орде, его землями завладели крымские татары – союзники Руси. В 1502 году крымский хан Менгли-Гирей окончательно разгромил Орду. Двух-вековое господство монголов на Руси завершилось.

Ересь жидовствующих, 1489 год

Послание Геннадия Новгородского (Гонзова) Иоасафу

Раскол в русской церкви принято относить к более поздней эпохе (правление Алексея Михайловича и патриархат Никона), однако и при Иване III церковь стояла на грани конфронтации: новгородская ересь, получившая позднее название «ересь жидовствующих», грозила расколоть духовное единство страны. «Жидовствующие» исповедовали догматы с явным влиянием манихейства, отрицали монашество, отвергали поклонение мощам и кресту, а дату конца света высчитывали не по византийскому, а по иудейскому календарю. Главным проповедником этой ереси в Новгороде считался некий Схария, который «совратил в жидовство» многих священников, в том числе приближенных к великому князю Федору Курицына и Ивана Черного.

Новгородский архиепископ Геннадий старался искоренить ересь собственными силами, однако успеха он добился лишь после того, как его поддержал основатель Волоколамского монастыря Иосиф Волоцкий, к чьим словам прислушивались при великокняжеском дворе.

Мы, Геннадий, Божией милостью архиепископ Великого Новгорода и Пскова, Иоасафу, бывшему архиепископу ростовскому и ярославскому, этим нашим посланием возвещаем достойную и духовную любовь твоему боголюбию, святейшему и боголюбивому силю Святого Духа, и да пребываешь ты во здравии духовном и телесном, достойном твоего всесвященства.

Полагаю, что твоему святительству не остались неведомы раздоры в церкви из-за нападения еретиков, о чем я посылал следственные дела великому князю и духовному отцу его митрополиту, и митрополит, по его словам, сообщал и вам о тех великих бедствиях, каких изначала не бывало в Русской земле. Да и там, в Цареграде, после того, как Константин Великий созвал Первый собор против Ария, до времени Феофила-иконоборца творилось смешение – были цари православные, были цари еретики, но православных было больше: православных было тридцать без одного, а еретиков было двенадцать, считая и с Феофилом-иконоборцем; и когда Михаил, Феофилов сын, установил православие, то стал он сорок третьим православным царем после Константина. И с тех пор всех тех православных царей было от Михаила до Калоиоанна-царя сорок два, но ни при одном в Царьграде не было иудейской и еретической дерзости. На Руси же, с тех пор как князь Владимир Киевский крестил всю землю Русскую – а прошло с того времени пятьсот лет с годом, – и слуху не бывало, чтобы была на Руси какая-нибудь ересь.

И когда господин наш и отец митрополит всея Руси Геронтий вместе с вами, архиепископами и епископами, и вместе с ним священный собор, избрали меня с согласия и по совету сына своего, государя нашего великого князя Ивана Васильевича всея Руси, и послали на архиепископию Великого Новгорода и Пскова, – я не был достоин этого, но не мог ослушаться своего господина и отца, митрополита всея Руси Геронтия. И нашел я здесь новгородских еретиков, предававшихся иудейским мудрствованиям, которые были прикрыты постыдной клятвой этих еретиков – назову ее маркианской, или месалианской. Ибо последние, когда их вопрошают, отрекаются от своих заповедей, бесстыдно и усердно клянутся, и проклинают всех так мудрствующих или мудрствовавших, и присягают без страха, будто они такие заповеди ненавидят. Так и эти еретики говорят открыто и учат православных христиан своему зловерию, а спроси их, и он говорит: «Я, дескать, православный христианин»; а во всем том лихом деле запираются. А у них не одно иудейство – смешано оно с месалианской ересью: главы об этом ты найдешь у себя в правилах; а все это мне твердо сказал их товарищ, поп Наум. Да и псалмы ко мне принес, составленные ими по иудейскому образцу, и те псалмы я послал к митрополиту же со следственными делами.

А потом государь мой, князь великий, приказал своим боярам, Якову и Юрию Захарьевичам, со мною, своим богомольцем, расследовать это твердо. Когда же мы тех еретиков велели перед собой поставить, все они стали запирались во всех обвинениях да начали бесстрашно клясться, называя себя православными христианами. Как же можно было все это узнать, когда они клянутся и отрекаются от своих заповедей? А попы их, завтракав и пив до обеда, служат обедню. А то, что они клянутся без страха, это соответствует девятнадцатой главе месалианских ересей. А то, что недостойно служат святуя литургию, – это соответствует двенадцатой главе тех же ересей. Да сколько ни есть ересей месалианских, то все они исповедуют, а иудейским десятословием только прельщают людей, притворяясь, что они его соблюдают.

А это прельщение здесь распространилось не только в городе, но и по селам. А все от попов, которые поставлены в попы еретиками. А когда находятся среди православных, они себя объявляют такими же православными. А если видят какого-нибудь простака, то считают его готовой добычей. Да для того и ставятся в попы, чтобы всех, кого можно, обратить в свою ересь, чтобы обрести детей духовных. А кто окажется огражденным верою и крепким в православном христианстве, того они таятся, и объявляют себя такими же. А если кто слаб или ленив и легко может быть вовлечен под власть греха, того они губят, как слабого и отступника веры, и принимают его в свою ересь. А если он согрешил, или впал в блуд, или в прелюбодейство, или иной грех сотворил, то легко прощают, не следуя церковным канонам. Если же потом кто-нибудь из православных захочет выступить с обличением их ереси, то они отрекаются от своей ереси, и проклинают всех ее творящих, и клянутся без страха. А сами именно ее и творят и в грех себе такую клятву не ставят. Как же можно было до них добраться, если бы князь великий не приказал своим боярам со мной, своим богомольцем, учинить сыск? И мы, молитвами пречистой Богоматери и силой государевой, вместе с его боярами, с Яковом и Юрием Захарьевичами, расследовали это дело твердо и довели его до сведения своего государя великого князя, да и своего отца митрополита, да и до вас, своей братии, архиепископов и епископов. И как я понял, ныне вы признали это дело за ничтожное, словно вам кажется, что Новгород с Москвой – не одно православие; не побеспокоились об этом нисколько!

Ты же как будто претерпел от кого-то оскорбление в мирских делах, да и оставил архиепископию, и предал овец волкам на расхищение, зная, какое бедствие терпит церковь. А как бы в то время терпением великим вооружиться, даже если бы пришлось пострадать за православие для пользы души, ожидая за то воздания от Господа Бога! Да не обидишься на меня, что я написал твоему боголюбию, вспоминая слова сказавшего: «Покажи премудрому его вину – премудрее будет, обличай премудрого – возлюбит тебя». Да и то дошло до моего слуха, что, говорят, посылал за тобой князь великий, и не однажды, и ты, дескать, не поехал к нему, а мог бы и там отстоять свое дело, из-за которого ты, видимо, оставил архиепископию, а государево сердце не ожесточил бы. И не думай, что этим сотворил малый грех. Какая бы ни совершилась беда христианству в твоей архиепископии, от которой ты мог бы защитити в то время церковь, – все это на тебе. А если государь из-за тебя при случае положит опалу и на монастырь – тебе и за это ответ дать. Не обижайся на меня за то, что я написал это тебе, душевно беспокоясь о том, что когда-нибудь ты за это можешь оказаться грешным перед Богом. Ибо иной стыдится тебе это сказать или не смеет, а многие добрые духовные люди это осуждают – до меня доходили такие слухи. И коль это так, даю тебе совет: если однажды Бог положит на душу государю, а он пошлет за тобой, ты бы тогда не ослушался, тут же приехал к нему. О чем бы тебя ни спросил великий князь, ты можешь держаться в своем деле так твердо, как хочешь.

А ныне молил бы ты Бога о государе великом князе, чтобы государю Бог положил на душу управить церковь Божию, чтобы православное христианство осталось непоколебимым от еретического нападения, от еретиков, мудрствующих по-иудейски. Ибо они над образом Господа нашего Иисуса Христа и его Пречистой матери надругались! Ты ведь знаешь из дела, что о них написано.

Да послал бы ты за Паисием и за Нилом и посоветовался о таком деле: «Пройдут три года, окончится седьмое тысячелетие». Слышал я от Алексея: «И тогда, дескать, придет нужда в нас!» Вот на что надеются еретики!

А Шестокрыл я изучал потому, что нашел в нем ересь: время рассчитано – от Адама двести семьдесят шесть девятнадцатилетий! А сейчас идет шестое девятнадцатилетие по летоисчислению иудеев. А ведь сделано это для прельщения христиан! Хотят сказать: «Года христианского летописца подходят к концу, а наши длятся!» А как окончится наша пасхалия, тут они и хотят начать прельщение. Я ведь проверил весь Шестокрыл, да и выписан он у меня. Ибо то время, которое там указано, двести семьдесят шесть девятнадцатилетий, это значит от Адама до нас пять тысяч двести двадцать восемь лет. И потому ведь у них еще нет пришествия Христа, значит, они ждут антихриста. Вот великое прельщение!

А в Евангелии не сказано, когда будет конец мира. Да и Енох праведный писал так: «Прежде всего, когда еще ничего не было, основал Бог сотворенный мир, а затем сотворил всю тварь – видимую и невидимую, а после этого создал человека по образу своему. И тогда разделил Бог ради человека вечность на времена, и на годы, и на месяцы, и на дни, и на часы, – чтобы человек постиг смену времен и предвидел конец своей жизни. А когда скончается вся тварь, сотворенная Господом, тогда времена погибнут, и не будет годов, не будут считать дней и часов. Но наступит единая вечность, и все праведники избегнут Суда великого и воссоединятся в великой вечности, и великая вечность дастся праведникам» и прочее. А я нашел в писаниях, какой царь был после какого, и сколько лет какой царь жил, и какой патриарх после какого был и сколько лет жил. А называют их епископами, а не патриархами. Написано так: мирских лет пять тысяч шестьсот двадцать одно, а от божественного воплощения лет сто двадцать одно, девятый римский епископ Уггин четыре года, а четырнадцатый епископ Иерусалима Иосиф два года, потом также епископ Иерусалима пятнадцатый – Иуда, эти были крещены от иудеев Андреаном при том же Иуде, когда было последнее и окончательное пленение города и евреев. А после него был первый епископ Марко восемь лет, от необрезанных народов. А там записано: лет пять тысяч шестьсот двадцать одно, в то же лето было и последнее их пленение. И с того времени и до сих пор четыреста лет и тысяча пребывают под Божиим гневом. И к тому еще и бесстыдствуют, развращая наше православие – как о них сказано: «Ни сами не вступают, ни желающих вступить не пускают». А ведь в те годы, которые украли у нас еретики из-за иудейского летосчисления, были цари, или папы, или патриархи, записанные по именам, – как же их тогда уместить?

Но надобно будет выдержать великое борение, если окончатся годы пасхалии, а Бог еще продлит жизнь мира. Ведь это прибавит дерзости еретикам, мудрствующим по-иудейски, а для христиан будет великая тягость. А тот, кто написал «Зерцало», то как бы по догадке поставил семь тысяч лет, говоря так: «По домыслу ведь решили многие, говорящие: шестой тысячи лет должен наступить и конец мира; но они солгали, говорит. Утверждают же, в свою очередь, другие, что если настоящий сей век семиричен, следует пребыть миру до тех пор, пока и седьмая тысяча окончится; как сказал Соломон: отдай часть седьмым, а потом и восьмому, семь веков человеческой деятельности, восьмой же носит образ будущего века. Но и это рассуждение не кажется мне достаточно основательным. Следую же я, говорит, Григорию Богослову, заявляющему: когда высший мир достигнет совершенства, тогда ожидай конца».

А что иудеи, изучив Шестокрыл, прельщают им христиан, представляясь, что добывают знамение с небес, – так ведь это не ими составлено! Ибо Шестокрыл взят от астрономии, как капля из моря, а это звездозаконие было открыто Сифу, третьему сыну Адама. Потом Енох записал священные дни, и часы, и годы, а Ной затем передал последующим родам. Авраам ходил в Египет, учил египтян землемерию и измерению земли. А потом и евреи от них этому научились.

Когда же Птоломей Филадельф, после Александра Македонского, царствовал над Египтом, он послал к Азарии, бывшему тогда первосвященником в Иудейской стране, чтобы тот избрал наиболее острых умом людей, способных истолковать божественный закон. Архиерей же выбрал наиболее искуснейших из евреев, изучивших и отеческий и эллинский закон, и, избрав от каждого племени по семьдесят два мужа, с радостью посылает к Птоломею. Они ж, разделенные в Фаре, Александрийском острове, в разных помещениях по одному или два человека, все Божественное Писание и эти псалмы, то есть Псалтырь, перевели, и перевод у всех у них оказался сходным, и дивился этому Птоломей. Был же этот перевод семидесяти двух толковников за триста один год до Спасова пришествия. И оттуда распространился этот перевод среди эллинов, а с эллинского языка был переведен на латинский язык, за триста лет до Христова пришествия. А евреи, как распяли Христа, так их в пленение и предал Бог, и книги их были истреблены. Потом, во время Адриана, греческого самодержца, Акила из Синопии, перешедший из эллинства в христианство, а затем уклонившийся в иудейство, сделал перевод, благоприятный для евреев. После него при Севере житель Самарии Симмах, вступив в общение с еретиком Маркионом и излагая Писание самаритянам, избрал для этого иудейские источники, поэтому и смысл Писаний, испорченный им в изложении, оказался для них благоприятным. А после них, при царе Коммодe, Феодотион, житель Эфеса, изложил священные книги дурно и вредоносно. Нам же святой мученик Лукиан, при мучителе Диоклетиане, еврейские книги перелагает на наш язык лучше и правильнее.

Мы же, почитая этот перевод, опираемся более всего на тех семьдесят двух толковников, которые переводили отдельно и создали одинаковый по содержанию и языку перевод. Но нынешние евреи держатся еретического предания, псалмы Давида и пророчества исказили согласно тому, что им перевели еретики – Акила, и Симмах, и Феодотион, уже после Христова пришествия и их пленения, а не так, как нам передали святые апостолы и святые отцы, опираясь на тех мудрых, которые перевели еврейское писание на эллинский язык за триста лет до Христова пришествия; потому оно достоверно, что тогда еретиков не было. Ибо после Христова пришествия и проповеди святых апостолов это предание, то есть перевод семидесяти двух, истолковали святые отцы, найдя пророчества о Христе в словах Давида в псалмах и в том, что говорили пророки.

Но кажется мне, что, согласно Еноху, вечность служит человечеству, а семь тысяч лет установлены для человеческого искупления. А по Григорию Богослову, нам нужно ждать скончания мира во всякий час.

И все-таки мне кажется: как-то еретики у нас украли года! Потому что у латинян на восемь лет больше, чем у нас. Да еще говорят: «У нас, дескать, написано, что до конца мира семь тысяч лет и восемь». И я их спросил: «Как же толкуются эти восемь?» И они говорят: «Вот, дескать, какой этому смысл: если будете добродетельны, прибавлю вам, а будете злы – отниму у вас». А татары говорят: у них еще до конца мира, то есть до второго пришествия Христа, сто лет и два года.

А писано так: «Семь веков для дел, восьмой – для будущего». Но ведь нам шесть дней в неделю приказано трудиться, а в седьмой отдыхать от трудов. А если окажется, что время делания не кончится вместе с нашей пасхалией, так ты бы о том с Паисием и Нилом обстоятельно поговорил и мне об этом написал.

Да и о том мне напиши: возможно ли Паисию и Нилу побывать у меня, чтобы поговорить с ними о тех ересях? Да есть ли у вас в Кириллове, или в Ферапонтове, или в Каменном монастыре книги: Сильвестр папа Римский, да Афанасий Александрийский, да Слово Козьмы пресвитера на новоявившуюся ересь богомилов, да Послание патриарха Фотия ко князю Борису Болгарскому, да Пророчества, да книги Бытия, да Царства, да Притчи, да Менандр, да Иисус Сирахов, да Логика, да Дионисий Ареопагит? Потому что эти книги у еретиков все есть.

И советую тебе – не стой на своем. Не наше это дело – гнев держать. Может быть, твой сын боярский вел себя невежливо при приезде – так ведь по посольству и ответ дается. А ты ныне прошлое забудь и обращай к будущему. А если мы, в свою очередь, в чем-нибудь погрешили или по неведению что-нибудь не так сделали, то ты б это нам так же простил, как ученик Господа, возвестившего: «Если согрешит перед тобой брат твой и скажет “каюсь”, отпусти ему грех». Да и о том еще напоминаю твоему святительству: если ты окончательно оставил великий святительский сан и принял смиренный монашеский образ, то да не воспрепятствует враг твоему делу, внушая помыслы и напоминая о прежнем величии. Но особенно подобает тебе быть всегда скромным в помыслах, вспоминая слова Закхея: «Если кого чем обидел, отдам вчетверо». Так и в Ветхом Завете было установлено. Если же скажешь: «Никого я не обидел», то, может быть, какой-либо из твоих служителей обидел кого-нибудь – хоть ты этого и не знаешь, а отвечать все равно тебе. Как секира не сечет без секущего, так и слуги наши никого не могут обидеть, если бы не власть, которую мы им дали. Писал это тебе пользы ради, вспоминая сказавшего: «Друг, поддерживаемый другом, тверд, как крепость». Да и тебя молим: если что-нибудь услышишь о наших недостойных поступках, о сотворенном нами зле, также извести нас об этом в послании, а я приму это как знак великой любви. И да будет всегда милость Господа Бога Вседержителя и его пречистой Богоматери и молитва нашего смирения вместе с благословением на твоём святительстве и боголюбии. Аминь.

На соборе 1490 года митрополит Зосима под нажимом Геннадия Новгородского и Иосифа Волоцкого, а также их сторонников (среди которых была и Софья Палеолог) отлучил жидовствующих от церкви и предал проклятию. Конец света, который жидовствующие пророчили на 1492 год, не состоялся, что, разумеется, изрядно подорвало позиции еретиков. Семь лет спустя хитроумные придворные интриги привели к тому, что великий князь «зело прогневался» на главных поборников ереси при дворе.

Окончательной победы пришлось ждать еще четыре года: в 1503 году великий князь согласился, как выразился Иосиф Волоцкий, «на старости лет свершить душиеспасительное дело – разыскать и наказать еретиков», а в следующем году, после очередного церковного собора, видные приверженцы ереси были преданы анафеме и сожжены, вскоре после чего ересь прекратилась.

Судебник Ивана III, 1497 год Судебник

Помимо освобождения из-под власти Орды, Русь в правление Ивана III добилась и других международных успехов. Так, многолетняя война с Литвой завершилась перенесением западной границы русских земель почти под самый Киев. А брак великого князя с племянницей последнего византийского императора Софьей (Зоей) Палеолог официально подтвердил статус Руси как наследницы Византийской империи и оплота православия. После свадьбы, состоявшейся в 1472 году, Иван заимствовал в качестве герба Руси бывший герб Византии – двуглавого орла, в 1493 году принял титул Великого князя, Божьей милостью государя всея Руси, а государство стал именовать в соответствии с греческим его названием – Россией.

Внутри страны становилось все более очевидным, что на смену вольнице и бесконечным междоусобицам пришла великокняжеская монархия. Закреплял единство русских земель и свод законов, общий для всех частей государства, Судебник Ивана III, датируемый 1497 годом. В частности, в этом своде определялся срок, когда крестьяне могли переходить от одного хозяина к другому, – знаменитый «Юрьев день».

57. А христианам отказываться из волости, из села в село, один срок в году, за неделю до Юрьева дни осеннего и неделю после Юрьева дни осеннего. Дворы пожилые платят в полях за двор рубль, а в лесах полтину. А который христианин поживет за кем год, да пойдет прочь – он платит четверть двора, а два года поживет да пойдет прочь – и он полдвора платит; а три года поживет и пойдет прочь – он платит три четверти двора; а четыре года поживет – весь двор платит. <...>

62. А кто закопает между или грани ссечет из великого князя земли у боярина и монастыря, или боярской и монастырской у великого князя земли, или боярской или монастырской у боярина, или боярской у монастыря, и кто между закопал или грани ссек, того бить кнутьем, да истцу взять с него рубль. А христиане промеж себя в одной волости или в селе, кто у кого между закопает или перекосит, старосте или посельскому иметь на том сбора по два алтына и за урон судить, не смотря, каков человек и по урону, и по рассужению.

Иван III скончался в 1505 году, оставив своему наследнику страну, забывшую о былой раздробленности. Преемник Ивана, сын Софьи Палеолог Василий III отвоевал у Литвы Смоленск (еще при отце – Иване III – завершилась война с Литвой и были возвращены Чернигов, Новгород-Северский, Гомель и Брянск), заставил Псков отменить вече и признать власть Москвы, усмирил и присоединил к своим владениям Рязань.

Москва все прочнее утверждалась в статусе наследницы Византии. Неудивительно, что формирование новой идеологии великокняжеской власти привело к тому, что именно в эти годы сложилась и столь популярная впоследствии концепция «Москвы как третьего Рима», позднее последовало принятие царского титула Иваном IV Грозным и возведение русской церкви на степень патриаршества.

Москва – третий Рим, 1523–1524 год Старец Филофей

До России на статус наследницы Византии претендовали Сербия и Болгария, правители которых состояли в родственных связях с византийской династией. В болгарских источниках новым Константинополем называли Тырново – тогдашнюю столицу Болгарского царства.

Притязания России на византийское наследство подтверждались географической близостью и общей верой двух стран, брачным союзом великого князя Ивана и византийской принцессы и даже шапкой Мономаха – даром императора Византии киевскому князю Владимиру (позднее возникла и легенда о том, что основатель династии русских царей Рюрик был потомком Пруса, мифического брата римского императора Августа). Из русских мыслителей первым изложил представление о Москве как о третьем Риме митрополит Московский и всея Руси Зосима, однако традиционно формулировка идеи приписывается старицу Елизарова монастыря в Пскове иноку Филофею (1465–1542), который неоднократно рассуждал о третьем Риме в своих посланиях великому князю Василию и великокняжескому наместнику – дьяку М. Г. Мисюрю-Мунехину.

Государя великого князя дьяку, господину Михаилу Григорьевичу, твой нищий богомолец старец Филофей Бога молит и челом бьет. <...>

Итак, о всем том прекратив речи, скажем несколько слов о нынешнем преславном царствовании пресветлейшего и высокопрестольнейшего государя нашего, который во всей поднебесной единый есть христианам царь и правитель святых Божиих престолов, святой вселенской апостольской церкви, возникшей вместо римской и константинопольской и существующей в богоспасаемом граде Москве, церкви святого и славного Успения пречистой Богородицы, что одна во вселенной краше солнца светится. Так знай, боголюбец и христоролюбец, что все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, это и есть римское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать. Много раз и апостол Павел упоминает Рим в посланиях, в толкованиях говорится: «Рим – весь мир». Ведь на христианской церкви уже совершилось блаженного Давида слово: «Вот покой мой во веки веков, здесь поселюсь, как возжелал я». Согласно же великому Богослову: «Жена, облаченная в солнце, и луна под ногами ее, и младенец на руках у нее, и тотчас вышел змей из бездны, имеющий семь голов и семь венцов на головах своих, и хотел младенца этой жены поглотить. И даны были жене крылья великого орла, чтобы бежала в пустыню, и тогда змей из своих уст источил воду, словно реку, чтобы в реке ее утопить». Водой называют неверие; видишь, избранник Божий, как все христианские царства затоплены неверными, и только одного государя нашего царство одно благодатью Христовой стоит. Следует царствующему управлять им с великою тщательностью и с обращением к Богу, не надеяться на золото и на преходящее богатство, но уповать на все дающего Бога. А звезды, как я и прежде сказал, не помогут ни в чем, не прибавят и не убавят. Ибо говорит верховный апостол Петр в соборном Послании: «Один день пред Господом как тысяча лет, а тысяча лет как один день, – не задержит Господь награды, которую обещал, и долготерпит, никогда не желая погубить, желая всех привести к покаянию». Видишь ли, боголюбец, что в руках его дыхание всех сущих, ибо говорит: «Еще однажды потрясу не только землей, но и небом». И так как и апостолы еще не были готовы, то сверх силы не велел вникать: Богословесный же наперсник в своем «Откровении» говорит: «В последние времена спасаясь, спаси свою душу, да не умрем второю смертью, в геенне огненной», но обратимся ко всемогущему во спасении Господу с мольбами искренними и усердными слезами восплачемся перед ним, чтобы смилостивился, отвратил ярость

свою от нас, и помиловал нас, и сподобил нас услышать сладкий, блаженный и вожденный его глас: «Приидите, благословенные, наследуйте уготованное вам царство Отца моего прежде создания мира».

Россия накануне правления Ивана Грозного Франческо да Колло

Если основными сведениями о Киевской Руси мы обязаны летописям и арабским источникам, то в более поздние времена появились и многочисленные путевые заметки и очерки европейцев, совершавших путешествие в Россию «по торговым или иным делам», – о России стали писать итальянцы, немцы, шведы, поляки, англичане, голландцы и французы. К подобным запискам относятся «Рассказ о путешествии в Московию» Амброджо Контарини, знаменитые «Записки о московских делах» посла Сигизмунда фон Герберштейна, позднее мемуары Джерома Горсея, книги Жака Маржерета и Адама Олеария.

Одним из таких европейцев оказался итальянец Франческо да Колло, посланник императора Священной Римской империи Максимилиана, прибывший в Москву, чтобы попытаться примирить великого князя Василия с литовским королем Сигизмундом. Впоследствии да Колло составил для своего монарха «Донесение о Московии».

Престол сего великого господина Василия, императора и государя всея Руси и великого князя находится в городе Московии, окружность которого – три с половиной лиги и который по большей части расположен в болотах, так что значительную часть приходится проходить по деревянным настилам, в коем городе имеется каменный кремль, построенный тому уже лет пятьдесят некоторыми итальянцами, присланными в угоду сему князю сиятельнейшим Лодовико, герцогом Миланским, или построен по образцу Каstellо Рокка в городе Милане. Он весьма укреплен и надежен, а внутри его есть дворец, тоже каменный, жилье и местопребывание князя. Там есть также каменная церковь, в коей совершаются богослужения. Во всем государстве, при том что оно столь обширно, найдется разве что еще одна каменная церковь, да четыре-пять домов [каменных], все теми же итальянцами построенных. Есть в этом городе река судоходная, называемая Московия, которая его омывает, как и значительную часть страны, много большей, чем Италия, – от коей получает князь титул великого князя, в отличие от многих других князей, его вассалов, которые находятся под его властью. [Город] имеет стены не каменные, но из дерева, столь хорошо спаянные между собою, что их поистине можно назвать укреплениями; разделен на районы со своими разгородками: так что войти из одного в другой вовсе не легко для всех; и еще того менее разрешено кому бы то ни было переходить из одного города в другой, или с одного места на другое без разрешения князя или его служителей. Покидать страну запрещено кому бы то ни было и в особенности чужеземцам, поскольку все выходы строжайше охраняются, и нарушителей подвергают суровейшим наказаниям. Чужеземцам из любой страны свободно разрешено въезжать в страну, и того более – их не только принимают, но и осыпают милостями; князь немедленно повелевает одеть их в лучшие одежды и благоустроить их; если это ремесленники, им надлежит заниматься соответственным искусством, если же солдаты – эти особенно дороги; итальянцев же прежде всех уважают и любят. Нет здесь никакого писаного закона, но князь старательно следует собственным обычаям. Его воля, однако, единственно почитается за закон, и настолько ему все подчинены, что если он прикажет кому пойти и повеситься, бедняга не усомнится немедленно подвергнуть себя такому наказанию. Не видно ни у кого и такой смелости, чтобы кто-то решился сказать – это имущество мое; но говорит – по милости великого государя приобрел я сие имущество. И, если сказать правду, все имущество, не только общественное, но и частное, каково бы оно ни было, принадлежит сему князю, и он сегодня дает одному и отнимает от другого завтра, и крайне часто в одно мгновение возвышает одного до самых высших степеней и положения и опускает другого до самого низа и нищенских условий. И тот, кто низложен или от коего отнято что-

то, не только не жалуется или печалится, но, простершись ниц, бьет челом о землю и возносит хвалу государю, что тот его низложил или же отнял у него то имущество, коим он владел столько времени по его милости. Дела духовные отправляются и для князя и для народа его епископами, священниками и монахами согласно порядку и обряду греческому; высшее священство избирается князем, рукоположение же и воздвижение в сан принимают от патриарха константинопольского или же от его наместников в этой стране. Отказываются подчиняться папе римскому, не потому что не почитают его за наместника Христова и преемника Петра, но потому – говорят – что отклонился от порядка Христова и обычаев Петра.

Сей князь весьма силен, даже всемогущественен благодаря деньгам, серебру и золоту, ибо постоянно накапливает и мало тратит на войны и охрану своих городов, так как получает ежегодную дань из областей – о которых затем будет идти речь – в огромных размерах, но не в золоте или серебре или деньгами, кои во многих областях неизвестны, но шкурами таких зверей, как соболи, куницы, снежные барсы, волки, горностаи, барсуки, собаки, и других животных разных видов, медом и воском; равным образом получает не только десятину злаками и плодами земли, но такую часть, сколько он хочет и сколько ему нравится, ибо не позволено противиться его воле... Меда же и воска великое изобилие; из меда готовится особый напиток под названием медовуха, каковой используется в качестве питья всем благородным населением страны. Смею сказать, что видел леса в сто и более миль, полные пчел, которые сами по себе, без помощи людей, производят мед. Этот мед, смешанный с разными фруктами и ягодами, особенно с земляникой – которая в огромном количестве и в больших размерах произрастает, – делает описываемый напиток столь приятным этим людям, что – как они говорят – он ни с чем не сравним; они почитают его столь приятным, что никогда не насыщаются вполне, и более того – пьют его, без всякой другой пищи, до полного опьянения. Но пить его дозволяется отнюдь не всем; более того – это запрещается всем, кроме как служителям князя, каковые по приказанию его светлости продают его и от сего извлекают великую прибыль. Что же касается рыб, сия страна имеет их в большом количестве и таких размеров и столь доброго качества, что я не видал и не пробовал ничего подобного ни в какой другой стране. Из костей же и зубов сих рыб производят наручия для оружия, украшения для седел, шахматы и иные изделия, каковые кажутся сделанными из натурального эбена. Имеют сии страны зерна и фуража безмерно, несмотря на то что земля покрыта снегом почти девять месяцев в году, и вследствие столь долгого снежного периода почти все парнокопытные звери и животные – и в особенности зайцы, лисы, медведи и птицы – все белые, как снег.

Сей князь может поставить под ружье около 400 тысяч конников, по большей части лучников, а также других – копьеносцев и владеющих саблями, при весьма малых расходах, ибо они воюют не по найму, но из любви, уважения, страха и подчинения, и обильное питание является для них единственной наградой. За два алтына можно получить большой мешок с зерном, а алтын, равный примерно шести венецианским сольдо. Из-за великого изобилия зерна имеется здесь и великое изобилие пива – широко распространенный напиток в этой стране, который производится из зерна. Есть здесь и великое изобилие мяса вследствие большого числа волов; самая же большая цена, что платят за лучшего вола, не превышает золотого дуката.

Изобилуют здесь также и молочные продукты, птицы дикие и домашние, и звери лесные, кои при столь большом количестве практически ничего не стоят. <...>

Имеет сей князь под господством и полную властью своею одну и другую Русь целиком, то есть черную и белую, кои суть царства громаднейшие. Черная, которая именуется Русью Королевской, почти непрерывно ведет войну против Южной Ливонии и весьма часто ведет сражения на замерзшем море. Белая же Русь ведет войну против Ливонии Северной и весьма часто сражается в северном Ливонском море, иногда же на озере Пейбус (Чудском. – *Ред.*), замерзающем со стороны сей Белой Руси. И одна и другая Русь вместе ведут войну против

Короля Польского и Великого Герцога Литовского и против самогитов, пруссов и курляндцев. <...>

Сей великий князь Василий – как мне рассказали – решил завести жену, чтобы иметь детей и обеспечить себя законным наследником и преемником государства; для этого повелел объявить во всех частях своего государства, чтобы – не взирая на благородство или кровь, но лишь на красоту – были найдены самые красивые девственницы, и во исполнение этого указа были выбраны более 500 девственниц и приведены в город; из них было выбрано 300, потом 200 и наконец сократилось до 10, каковые были осмотрены повивальными бабками со всяческим вниманием, дабы убедиться, действительно ли они девственницы, и способны ли рожать детей, и нет ли у них какого недостатка, – и наконец из этих десяти была избрана жена. В то время как я вел переговоры у его светлости по поводу вышеупомянутого соглашения о мире от имени его императорского величества, княгиня, к своему несчастью, не забеременела еще и потому не пользовалась тою репутациею и уважением, каковые ей полагались бы; и чтобы сделать ей приятное, мне пришлось вмешаться для освобождения ее брата, которого заключили в тюрьму за весьма легкие проступки. <...>

Княгиней, которую упоминал да Колло, была Соломония, первая супруга Василия, оказавшаяся бездетной. С согласия боярской думы и по разрешению митрополита великий князь развелся с Соломонией и в 1526 году взял в жены Елену, дочь литовского князя Василия Глинского. Спустя три года, 25 августа 1530 года, Елена Глинская родила Василию сына – будущего Ивана Грозного.

О юности Ивана Грозного, 1540-е годы Андрей Курбский

По завещанию Василия опекуницей при новом великом князе до достижения совершеннолетия назначалась его мать Елена Глинская, которая стремилась продолжать политику Василия III, пресекая боярские интриги. В правление Елены продолжались войны с Литвой, был заключен мир с Ливонией и установлена граница по реке Нарве, в Москве возвели Китай-город, состоялась денежная реформа – в государстве ввели единую монету, серебряный рубль, равный 100 копейкам (само слово «копейка» связано с изображением на монете Георгия Победоносца, поражающего дракона копьем).

В 1538 году Елена умерла – Ивану было всего семь лет, – и в столице началась борьба за власть между боярскими родами Глинских, Шуйских и Бельских – это был период междуцарствия, боярского правления.

В 1547 году Иван вступил на престол и принял титул царя (от «цесарь» – так называли русские византийских императоров), окружив себя выдающимися советниками (митрополит Макарий, священник Сильвестр, князь Андрей Курбский и Алексей Адашев). Однако распри бояр продолжались и вылились в бунт против Глинских, спровоцированный «великим пожаром» в Москве. Пожар затронул и кремль; именно тогда упал наземь Царь-колокол. В Пискаревском летописце читаем: «Той же весной загорелась лавка в Москве. И погорели лавки во всех рядах града Москвы со многими товарами, от Никольского крестца и до речной стены. И гостиные дворы великого князя и дворы людские, и дома многие погорели, от Ильинской улицы и до городской стены, от площади и до речной стены, церкви и монастыри Богоявленский и Ильинский. А летом отломились уши у колокола благовестника, и упал он с деревянной колокольни, но не разбился. И повелел благоверный царь приделать ему уши железные. И приделали ему уши после великого пожара и поставили его на той же колокольнице у Ивана Святого, и глас звонный зазвучал по-старому». Пожары вызвали в Москве огромные беспорядки.

О том, как выросл царь, позднее поведал в своих записках князь Андрей Курбский, сначала сподвижник, а затем враг Ивана.

Воспитывали его потом важные и гордые паны-бояре, на их языке, соревнуясь друг с другом, льстя и угождая ему в его сластолюбии и похоти, себе и детям своим на беду. А когда начал он подрастать, лет в двенадцать, – что раньше вытворял, все опушу, сообщу лишь это: начал сначала проливать кровь животных, швыряя их с большой высоты – с крылец или теремов, как они говорят, – вытворять также и многие другие негодные вещи, выявляя будущее свое немилосердное своеволие (как говорит Соломон: «Мудрый, дескать, жалеет души скотов своих, а глупый их бьет без пощады»), а воспитатели льстили ему, позволяли это, расхваливали его, на свою беду научая ребенка. Когда же стало ему лет пятнадцать и больше, тогда начал он и людей бросать и, собрав вокруг себя толпы молодежи из детей и родственников названных сенаторов, стал разъезжать с ними на конях по улицам и площадям, скача повсюду и носясь неблагопристойно, бить и грабить простых людей, мужчин и женщин. Действительно, совершал он просто разбойничьи поступки, совершал другие преступления, о которых говорить не стоит, да и стыдно, а льстецы себе на беду все это расхваливали, говоря: «Вот это будет храбрый и мужественный царь!»

А когда исполнилось ему семнадцать лет, эти же надменные сенаторы один вперед другого стали науськивать его и использовать его для мести в своей вражде. Вначале убили они храбрейшего стратега, влиятельного человека благородного происхождения по имени князь Иван Бельский, который был из рода литовских князей и находился в родстве с польским коро-

лем Ягайлой. Был он не только мужествен, но и большого ума и имел неплохой опыт в Священном Писании.

Немного погодя он уже сам приказал убить другого благородного князя по имени Андрей Шуйский, из рода суздальских князей. Года через два после этого убил он трех благородных людей: одного близкого своего родственника, князя Ивана Кубенского, родившегося от сестры его отца и бывшего у его отца великим земским маршалом. Был он из рода князей смоленских и ярославских, очень умный и тихий человек пожилого уже возраста. Вместе с ним были убиты знатные Федор и Василий Воронцовы, происходившие из немцев, из рода имперских князей. Тогда же был убит Федор, по прозвищу Невежа, шляхетный и богатый гражданин. А немного раньше, года на два, был удушен пятнадцатилетний юноша, сын князя Богдана Трубецкого, по имени Михаил, из рода литовских князей. А после, помнится мне, в тот же год убиты были благородные князья: князь Иван Дорогобужский, из рода великих князей тверских, и Федор, единственный сын князя Ивана, по прозвищу Овчины, из рода князей тарусских и оболенских, – как агнцы без вины зарезаны в самом младенчестве.

Но когда стал он потом превосходить меру в бесчисленных своих преступлениях, то Господь, смиряя его свирепость, послал на великий город Москву громадный пожар, так что с очевидностью проявил свой гнев, и если бы подробно писать, вышла бы целая повесть или книжка. А еще раньше, в годы его юности, с помощью многочисленных нашествий варваров – то крымского хана, то ногайских, то есть заволжских, татар, и в особенности и страшнее всего казанского царя, сильного и мощного мучителя христиан (который имел в своей власти шесть разных народов), – всеми ими устроил Господь несказанное кровопролитие и нашествие, так что на восемьдесят миль вокруг города Москвы все стало пусто. Вся Рязанская земля до самой Оки опустошена была перекопским, или крымским, ханом и ногаями, притом что внутри угождатели с молодым царем безжалостно опустошали и подвергали отечество бедствиям войны.

Но тогда, после упомянутого пожара, громадного и действительно очень страшного, о котором никто не усумнится сказать «очевидный божий гнев», – что же было тогда? Было великое всенародное возмущение, так что самому царю пришлось бежать из города со всем своим двором. В этом возмущении толпой был убит из дядьев его князь Юрий Глинский, а дом его разграблен. Другой же его дядя, князь Михаил Глинский, который был голова всему злу, убежал, а угождатели, бывшие с ним, разбежались. В то время чудесно как-то и следующим образом подал Бог руку помощи, чтобы отдохнула христианская земля. Тогда, именно тогда, говорю я, пришел к нему один человек в сане священника, именем Сильвестр, выходец из великого Новгорода, усмиряя его божественным Священным Писанием, сурово и жестоко заклиная его грозным именем Бога и вдобавок открывая ему чудеса и как бы знаменья от Бога, – не знаю, истинные ли, или так, чтоб запугать, он сам все это придумал, имея в виду буйство Ивана и по-детски неистовый его характер. Ведь часто и отцы приказывают слугам выдуманными страхами отпугивать детей от чрезмерных игр с дурными сверстниками. Так и блаженный, я полагаю, прибавил немного благих козней, которыми задумал исцелить большое зло. Так поступают и врачи, по необходимости скобля и разрезая железом гниющую гангрену, то есть вплоть до здорового тела срезают вырастающее на ране дикое мясо. Подобное этому придумал, видимо, и блаженный этот, хитрец ради истины, так что случилось то, что душу великого князя он исцелил было и очистил от ран проказы, а развращенный нрав поправил, наставляя то так, то этак на верный путь. А с ним вступил тогда в союз на пользу и общее благо один благородный юноша по имени Алексей Адашев. Царь в то время очень любил этого Алексея и находился с ним в согласии; был Алексей очень полезен всему государству и даже некоторыми чертами характера подобен ангелу. Если бы я все подробно рассказал о нем, людям невежественным и житейским это, пожалуй, показалось бы невероятным. Но если мы обратим внимание на то, что благодать Святого Духа не за наши дела, но по изобилию щедрот Христа

нашего украшает тех, кто верен Новому Завету, то покажется это не чудесно, а только уместно, ибо творец всего даже кровь свою не пожалел пролить за нас. <...>

Молодой царь, выросший в ненависти к боярам, которые подвергали его всевозможным унижениям, вскоре после Московского восстания создал Избранную раду (выражение А. Курбского), своего рода «теневое правительство», куда вошли люди, преданные лично ему, – князья Курбский, Одоевский, Шереметевы, митрополит Макарий, хранитель печати Адашев, священник Благовещенского собора Сильвестр... Боярская дума утратила прежнее влияние, важнейшие решения принимались Избранной радой, а затем выносились на Земский собор, в состав которого входили и дума, и Освященный собор (духовенство), и дворянство, и «посадкие люди» (купцы). На Земском соборе 1550 года был принят Судебник (фактически – новая редакция Судебника 1497 года), направленный на улучшение системы государственного и судебного управления, а на состоявшемся год спустя церковном соборе – «Стоглав», сборник церковных законов. Земские соборы также утвердили систему ведомств – приказов: появились Поместный приказ, Посольский, Разбойный и другие. Были проведены перепись земель и финансовая реформа.

Еще одним свершением Избранной рады стала военная реформа, которая способствовала созданию в России регулярной армии. В 1550 году царь учредил стрелецкое войско – пехоту, не распускавшуюся и в мирное время. Два года спустя это войско получило боевое крещение под Казанью.

Присоединение Казанского ханства, 1552 год Казанская история

Осколок бывшей Золотой Орды, Казанское ханство много лет досаждало русским землям. Вдобавок оно контролировало важнейший торговый путь по Волге и плодородные земли Поволжья. В июле 1552 года начался очередной (третий) поход царя на Казань: огромное русское войско (около 150 000 человек и 150 пушек) подступило к Казани. Плацдармом для наступления стала крепость Свияжск, основанная на другом берегу Волги годом ранее.

И вскоре, по прошествии немногих дней, по царскому повелению собралось в прославленный город множество воинов, так что от великого множества собравшихся не было в городе места для постоя ни на улицах, ни в городских домах, и разместились они по полю около посадов в своих шатрах.

И прежде чем сам он выступил в поход, выбрав воинов из числа собравшихся, отпускает он двенадцать своих воевод с теми воинами, с большою силой, к Казани мая в девятый день двумя реками в ладьях и стругах – Волгою и Камой. Волгою-рекой отпустил он воинов с провиантом и разными припасами для всего многочисленного своего воинства и с большим стенобитным огнестрельным нарядом, дабы не терпели воины долгое время недостатка в пище; Камою же, сверху, от Вятки – разорять богатые неkochующие казанские села.

Через два же месяца после отсылки воевод царь великий князь, отпраздновав пятидесятый день по Пасхе – сошествие Святого Духа на его учеников и апостолов – и повеселясь по царски со своими вельможами всю ту неделю по Пятидесятнице, вручает преславный город Москву в Божьи руки и пречистой Богородицы, и оставляет вместо себя в Москве управлять царством брата своего, благоверного князя Георгия, и приказывает беречь его отцу своему духовному митрополиту Макарию. <...>

Садятся на своих сильных коней и все князья, и воеводы, и храбрые воины. И, вскочив на коней, вскоре, словно высоко парящие орлы, скрылись с глаз бесчисленного множества московского народа; стремительно двигаясь, опережая друг друга и настигая, шли они, радуясь, словно царем позванные на царский пир.

Выезжает же царь великий князь из великого своего стольного города, славной Москвы, в год 1552 месяца июня в девятнадцатый день, в первую неделю Петрова поста, в десятом часу дня на двадцать втором году своей жизни. И пошел он из Москвы на Коломну. И услышал он там, что тайно, словно вор в ночи, пришел на Русь, к Туле, неистовый варвар – нечестивый царь крымский Давлет-Гирей со многими своими сарацинами, намереваясь пограбить православных.

Словно два льва-кровопийцы, выскочившие из дубравы, или две горящие головни, сжигающие и спяляющие христианство, как терн и траву, порешили единодушно крымский царь с казанским царем, что каждый из них со своей стороны нападет на стадо Христово, ибо надеялись они, что московский самодержец со всеми воинами русскими уже на пути к Казани. И думал окаянный крымский царь, что нашел он благоприятное время, чтобы беспрепятственно исполнить свое желание, ибо некому будет оказать ему сопротивление, и что смирят они тем самым царя и великого князя и устроят, так что не будет он в этом году брать Казань, а казанцы с крымцами объединятся и смогут сражаться с ним. И не допустил Бог, чтобы было по их желанию.

Царь же великий князь, придя в Коломну <...> посылает против крымского царя великих своих воевод – князя Петра Щенятева и князя Ивана Пронского Турунтая со многими иными воинами. Они же, отправившись, нашли царя стоящим у города Тулы и едва в ту ночь

не взявшим города, ибо перебил он уже всех городских бойцов и проломил городские ворота. Но когда уже приспел вечер, женщины, расхрабрившись, словно мужчины, с малыми детьми заделали городские ворота камнями.

Когда же царь узнал о приходе московских воевод, напал на него страх и трепет, и, свернув лагерь, побежал он ночью в большом испуге от города Тулы, позорно побросав у города все воинское свое снаряжение, гонимый Божьим гневом, едва душу в теле унося, оставив в станах шалаши свои, и шатры, и верблюдов, и колесницы, где была вся их утварь, серебряная и золотая, – одежда и посуда. И бежали они, бросая по пути различное свое оружие и облачение.

Воеводы же гнались за царем, и одержали победу над многими силами его, и вернули всех русских, взятых ими в плен. Самого же царя прогнали в большое поле, за Дон, едва не взяв его живым. И много пленных крымцев привели они в город Коломну, чтобы самодержец уверился в их победе и чтобы показать их всему народу. Он же за это прославил Бога, посрамившего лютого врага его, крымского царя, и в течение семи дней пировал в большом веселье со всеми своими князьями и воеводами, воздавая победителям великие почести – каждому по его заслугам. Пленных же крымцев по его повелению всех живыми побросали в реку.

Анонимный хронист подробно перечислял воевод и полки русского войска, двигавшегося к Казани.

И всех вместе великих воевод было более девяноста, все – знатные и благородные князья, первые на царских советах; им же подчинялись иные воеводы, средние и меньшие. Всего же во всех полках было тогда русской силы – благородных князей, и бояр, и великих воевод, и храбрых отроков, и крепких конников, и хорошо обученных стрелков, и сильных бойцов, облаченных в твердые панцири и доспехи, – триста тысяч, и пищальников – тридцать тысяч; судового войска – сто тысяч; и с касимовским царем Шигалеем, и с царевичами иноязычной татарской силы – служащих русскому царству князей и мурз, и казаков – шестьдесят тысяч; к этим же и черкас – десять тысяч, и мордвы – десять тысяч, и немцев, и фрягов, и ляхов тоже десять тысяч, помимо обычных воинов, конных и пеших, перевозящих снаряжение.

И было тех людей бесчисленное множество, что уподобить можно приходу вавилонского царя к Иерусалиму, о котором пророчествовал Иеремия. «От грохота, – говорит он, – двигающихся колесниц его и топота коней и слонов его потрясается вся земля». Так же и здесь было.

И пошел царь великий князь по большому чистому полю к Казани с русскими и со многими иноязычными воинами, служащими ему: с татарами, и с черкасами, и с мордвой, и с фрягами, с немцами и с ляхами – с огромной и очень грозной силой – тремя путями, на колесницах и на конях, четвертым же путем – реками в ладьях, ведя с собой войско шире Казанской земли. <...>

Отпев много молебнов, повелевает царь великий князь ертаульному полку переправляться через Волгу в боевых ладьях, специально для этого приготовленных, одевшись в панцири и доспехи, за ними же приготовиться идти передовому полку – царевичам с татарами. Также и сам царь великий князь приготовился и в калантырь пред всеми облекся, словно исполин, и золотой шлем возложил на голову свою, и препоясался мечом своим. Также и все воеводы его, и полководцы, и все воины одеваются в крепкие доспехи, и наглухо закрываются бронями и шлемами, и берут в руки копья, и щиты, и мечи, и луки, и стрелы. И начали переправляться все полки через великую реку Волгу от Свяжска с нагорной стороны на луговую месяца августа в пятнадцатый день.

И когда услышал казанский царь Едигер Касаевич, что русские воины переправляются через реку, вышел он навстречу им из Казани на большой свой луг, к Волге, с пятьюдесятью тысячами избранных казанских бойцов. И расставил он полки свои по берегу той реки, а сам встал напротив ертаульного и передового полков и всей большой матицы, в которой шел сам

царь великий князь, желая устрашить русских воинов и не дать переправляющимся выйти на берег.

И сошлись оба полка на три часа, сражаясь на большом Царевом лугу, у Гостиного острова. И прежде всего впускают казанцы на берег ертаульский полк и отбивают его прочь от берега. И удержал его, и укрепил передовой полк, поспешив придвинуться к берегу.

И закричали царевичи, воеводы передового полка, всей силой варварской, подбадривая их и понуждая, чтобы не слабели. И вновь начинается брань немалая и мрачная: вооружаются бойцы яростью, и высоко поднимается страшный шум битвы. И многие с обеих сторон падали, словно цветы прекрасные, ибо лишь некоторым удавалось стройно биться и на суше и на воде, так что один удерживал сто, а два – тысячу; другим же тяжело было, и неудобно, и тесно сражаться на воде, в судах. Но помогает Бог всем, надеющимся на него, и может он искони превращать воду в сушу.

И вскоре обтекло казанцев русское воинство, правая рука и левая, и бросились казанцы вспять от ружейной стрельбы, и были стерты русскими. И побежал царь казанский к городу, не разбирая дороги, со всем своим войском, не в состоянии дольше стоять и сдерживать русских, не пуская их на берег, видя изнеможение своих воинов и храбрость и мужество русских бойцов. И целых семь дней переправлялись русские полки, не боясь казанцев.

Сам же царь великий князь переправился через Волгу августа в семнадцатый день, с веселым сердцем пройдя по чистому пути. И подошел он близко к самому городу Казани и стал на Арском поле со всею большою матицей прямо против города, за одну версту напротив трех арских ворот. И повелел он защитить себя оградой, дабы не быть убиту из пушки, и разделил он между полками ворота и места для штурма – кому из них против какого места стоять и с выезжающими из города казанцами биться...

И окружили русские воины город Казань. И напоминало большое их войско море, волнующееся около Казани, или большую вешнюю воду, разлившуюся по лугам. Все же воины: избранные стрелки, и копьеносцы, и тулоносцы, и добрые конники, – все, словно огнем, дышали на Казань боевой дерзостью и гневом, и блистало оружие на храбрых воинах, как пламя, иначе сказать – как солнце, слепя людям глаза, и, словно звезды, сверкали золотые шлемы на головах их и щиты, и видны были копья в руках.

И от страха пришли в смятение все находившиеся в городе. Да и кто не испугается таких полков, хотя бы и из храбрых людей – будь то казанцы или древние воины-богатыри? Но даже и те бы про себя подивились или пришли бы в изумление, увидев такое скопление людей. <...>

Царь же великий князь, окружив Казань и объехав вокруг города, осмотрел высоту стен и места, подходящие для приступа. И, осмотрев все, подивился он необычной красоте стен и крепости города. Прежде ведь приходил он в зимнее время, поэтому и не рассмотрел хорошенько города, каков он есть.

Город же Казань очень-очень крепок: стоит он на высоком месте между двух рек, Казани и Булака, и огражден семью стенами из длинных и толстых дубовых бревен. Промежутки же между стенами засыпаны хрящом, и песком, и мелким камнем. Толщина стен со стороны рек Казани и Булака достигает трех сажень, и места эти неприступны. И, быстро двумя реками обтекли город с обеих сторон, сливаются воды у стен города в одну реку – Казань, и та река двумя устьями впадает в Волгу за три версты выше города – по реке той и назван город Казанью. Словно крепкими стенами, окружен был водами город тот, только с одной стороны, со стороны Арского поля, было небольшое место для приступа. Но в том месте городская стена была толщиной в семь сажень, и возле нее был выкопан глубокий ров.

Поэтому и обрели казанцы немалую силу и ничего не боялись, хотя бы и все окрестные царства, соединившись, поднялись и выступили против них, ибо крепок был их город. Но еще крепче, чем город их, были они сами, ибо хорошо владели искусством боя. И никем не были

они побеждаемы, и трудно было отыскать таких мужественных и злых людей во всей вселенной!

Иван предложил казанцам сдаться, однако его предложение было отвергнуто, а «посланников самодержца» убили. Более того, на русских напали черемисы, союзники Казани; впрочем, они были разгромлены, а Ногайское ханство, к которому Казань обратилась за помощью, побоялось выступить против русского царя.

Царь же великий князь, видя, что казанцы непреклонны к его увещаниям, и поносят его, и гордятся, и не хотят мириться с ним, и готовятся к бою, преисполнился сильным гневом, и разжегся великою яростью, и прежнее свое милосердие к ним обратил в гнев. И осудил он на смерть всю взятую в острогах черемису – до семи тысяч человек: одних около города посадили на колья, других подвесили вниз головой за одну ногу, некоторых – за шею, а иных застрелили на устрашение казанцам, чтобы те, увидев злоторькую смерть своих людей, испугались и сдали ему город и смирились. Черемиса же, умирая, проклинала казанцев: «Чтобы вам после нас принять такую же горькую смерть, и женам вашим, и детям!»

И повелел царь великий князь вооружиться воинам, и подступать к городу, и сооружать разные боевые приспособления и устройства для взятия города: ставить предназначенные для штурма городки и многочисленные большие туры, насыпать их землей и готовить большой стенобитный наряд. И когда вскоре построены были многочисленные туры и приготовлен весь огневой наряд, повелел он городки те, и большие туры, и пушки близко подкатить к городским стенам, а другие расставить по Казани-реке по берегу, и за Булаком, и вдоль рвов около города и бить со всех сторон по городским стенам из больших пушек, ядра у которых были высотой по колено и по пояс человеку, кроме того, стрелять день и ночь из многочисленных больших огненных пищалей и из бесчисленных луков внутрь города. И сам объезжал он ночью и днем полки свои, понуждая воинов к приступу и наставляя их, обещая им дары и почести.

Стенобитные же бойцы и пищальники с большим старанием и не ленясь исполняли приказанное им и беспрестанно отовсюду били по стенам. Также и все конные и пешие бойцы вооружались и каждый день приступали к городу и вели яростные бои, что и подобает делать воинам. Пытались они и на стены подняться, но не подпускали их казанцы и крепко бились с конными и с пешими. Из-за пушечной стрельбы не могли они стоять на стенах, но сбегали с городских стен и прятались за ними и попусту из своего наряда не стреляли, но держали его наготове заряженным, дожидаясь большого штурма города всеми русскими воинами. И когда подступали к городу все русские воины для большого штурма, конные и пешие, тогда они все вскакивали на стены, и били с них из своих пушек и из пищалей, и стреляли из луков, и бросали в них заостренные колья и камни, и выливали из котлов кипящую смолу и воду на воинов, близко подскакивавших к стене, и завязывали жестокие бои, и крепко стояли, не боясь смерти. И, сколько могли, сопротивлялись они, и отгоняли прочь, и отбивали от города все московское войнство, но немногих убивали благодаря заступничеству всемилостивого нашего Бога.

И от пушечных и пищальных залпов, и от скрежета и бряцания многочисленного оружия, и от плача и рыдания горожан – женщин и детей, – и от громких криков, вопля и свиста, и от ржания и топота коней тех и других воинов далеко слышен был по русским пограничным землям, за триста верст, словно сильный гром, страшный шум, и нельзя было тут ничего слышать, что друг другу говорили. И дымная пелена от пороха поднималась вверх и покрывала город и всех русских воинов. И ночь, словно ясный день, светлела от огня, и не видно было ночной тьмы, а летний день от дымных воскурений и мрака становился подобен темной осенней ночи.

И двенадцать раз подступали к городу все русские воины, конные и пешие, штурмуя его, и в течение сорока дней били по городским стенам день и ночь, ежедневно досажая казанцам,

не давая им поспать после ратного труда, замышляя многочисленные стенобитные козни и много трудясь, иногда так, иногда иначе, но ничем не смогли они повредить городу. И стоял он твердо и непоколебимо, словно большая каменная гора, ни в каком месте от сильной пушечной стрельбы не шатаясь, не колеблясь. И не могли придумать стенобитные бойцы, что сделать с городом.

И внезапно прислал тогда Бог к царю-самодержцу, так же как когда-то ангела своего к Иисусу Навину разрушить Иерихонские стены, магнитом укрепленные, искуснейших иноземных мастеров-фрягов, чтобы послужить ему. И повелел царь великий князь привести их к себе. Когда же фряги предстали перед ним и увидели его лицо, то пали перед ним и поклонились ему до земли. Царь же, видя, что они достойные мужи и на вид благообразны, рассказал им о крепости города и о стойкости казанцев. Они же ответили ему: «Не печалься, господин царь, мы быстро, за несколько дней, если дашь нам волю, до основания разрушим город, – ведь это наше ремесло, затем и пришли мы, чтобы послужить Богу и тебе». Он же, услышав это от фрягов, наполнился радостью и щедро одарил их золотом, и серебром, и красивыми одеждами. И повелевает им срочно приступить к делу.

Мастера же с усердием взялись за работу. «Либо таким способом, – говорили они, – либо выдержав его в голоде, только и можно взять этот город». Прежде всего по фряжскому способу возведены были стрелками с четырех сторон города четыре башни из камня и земли, крепкие и высокие, с тремя рядами бойниц: верхним, средним и нижним, дабы сидели в них, сменяя друг друга, стрелки из пушек и пищалей и оттуда, с высоты, словно с неба, стреляли по городу и, прицелившись, многих бы убивали внутри города – мужчин, женщин и детей, ходящих по улицам и сидящих по домам, чтобы не смели они днем метаться по улицам или перебежать по двору из дома в дом по какому-нибудь делу. И было это для казанцев хуже всякого штурма.

Когда же построены были мастерами с большим умением башни и мосты через рвы и реки, взялись они вскоре за другое еще большее дело, которого никто прежде того на Руси не видал. И начали они тайно по ночам копать глубокие рвы под город Казань – с восточной стороны, под крутую стремнину, что находилась со стороны Арского поля, откуда был подъезд к Казани. Казанцы же ничего не знали об этом. И среди наших воинов никто не знал, только воеводы и строители, занимавшиеся этим делом; но и тех уговорили никому о нем не рассказывать, опасаясь двуликих наших изменников, дабы казанцы, проведав от них об этом, не обезопасили бы себя.

И вскоре, на седьмой день, быстро и хорошо завершили мастера порученное им дело, выкопав в трех местах тайные рвы под городскими стенами, и подивился самодержец с князьями его и воеводами новой той мудрости. Бойцы же, находившиеся при пушках, в это время не выходили из-за туров на штурм города, а били изо всего большого наряда – из пушек и из пищалей – по городским стенам, чтобы не было слышно, как ведется подкоп.

Казанцы же, старые и больные, не бойцы, словно мыши, глубоко зарывшись в погребах своих и земляных норах, прятались там от стрельбы, и в пещерах тех заживо себя хоронили с женами и детьми, по многу дней не появляясь и не выходя на свет из этих ям. <...>

Когда же увидел царь великий князь, что казанцы никак ему не покоряются, но еще и угрожают ему, исторг он из глубины сердца своего пламень ярости и, словно лев, издал грозное рычание. И набирает он из всех полков большой полк отважных и хорошо вооруженных юношей – сто тысяч крепких бойцов – и готовит их пешими идти на приступ города, одних – с огнестрельным оружием, других – с копьями и мечами, третьих – с секирами, и мотыгами, и с лестницами, и с баграми, и с различными приспособлениями для штурма города, дабы сборный тот полк поспешил на приступ до выхода всех остальных полков и, устремившись к городу, с яростью напал на него. Воеводами же поставил он в том полку князя Михаила Глинского и князя Александра Воротынского – оба те воеводы храбрые были и могучие.

И, приготовив тот полк, повелел ему стоять и ждать. Всему же воинству повелел отступить от города на одно поприще, и, стоя там в полной готовности, ждать сигнала, и весь стенобитный наряд, пушки, пищали отодвинуть, и очистить место. И когда начнет Бог помогать сборному полку, тогда и всем тем полкам надо будет поспешить на то же дело.

И повелевает он мастерам подкатывать в глубокие подкопные рвы под крепкие казанские стены бочки с порохом. А был тогда день субботний и праздник Владычицы нашей Богородицы – честного ее Покрова. И вот уже прошел день субботний, и забрезжил день преславного Христова Воскресения, день всемирной радости и памяти святых великомучеников Киприана и Устины. Царь же великий князь поднялся у себя рано утром, до зари, и повелел пресвитерам своим и певцам в шатровой церкви петь заутреню; тотчас же, как отпели заутреню, повелел петь молебны Господу нашему Иисусу Христу, и пречистой Богородице, и всем святым небесным силам, и великим русским чудотворцам, и всем святым, а на восходе солнца служить литургию. Сам же непрестанно творил земные поклоны, и бился головой о землю, и часто ударял себя руками в грудь, и рыдал, задыхаясь и всхлипывая, и обливался слезами.

Вместе с ним и вся Русская земля, залитая невинно пролитой кровью, испустила немой вопль ко всемогущему Богу: «Да не напрасными будут труды его и великий подвиг похода его, и да не возвратится он во второй раз, сам придя к городу Казани, посрамленным, и да не будут над ним зло насмехаться и унижать его казанцы и все окрестные его враги, живущие около державы его, и не лишится он того, чего желает! Отверзи очи свои, Боже, и увидь злобу поганых варваров, и спаси от заклятия рабов своих, и учини над окаянными суд горький, какой и они учинили над правоверными русскими людьми!» <...>

И накрепко наказал он всем князьям, и воеводам, и полководцам, чтобы были они готовы на приступ и все пехотинцы и конники были бы одеты в панцири и доспехи к тому часу, когда заиграют военные трубы, чтобы каждый из них оберегал и понуждал к бою свой полк и учил его стоять крепко, и мужественно, и недвижимо.

И, объехав все полки свои, словно получив знак от Бога, повелевает он мастерам зажигать в глубоких рвах под крепкими стенами свирепое огненное зелье. Сам же, приехав в стан свой, снова со слезами встает на молитву к Богу. И стоял он, закованный с ног до головы в золотую броню, так называемый калантырь, и готовый на подвиг, ожидая милости Божией; священники же и дьяконы беспрестанно пели у него молебны.

Казанцы же, увидев из бойниц и с городских стен, что отступили бесчисленные русские воины – было ведь на стенах города двадцать тысяч казанцев, сражавшихся, сменяя друг друга, с русскими воинами, – сказали царю своему об отступлении от Казани московского царя. И повелел царь, словно бы нехотя, новому казанскому сеиту, и муллам, и азидам, и дервишам, и всем людям в Казани, мужчинам и женщинам с младенцами их, творить молитвы и приносить жертвы скверному Магомету как избавившему их город от таковой несказанной силы русской.

Царь же и вельможи казанские, приводя тучных жеребцов и быков, закалывали их, принося в жертву, простой же народ, бедные люди, овец, и кур, и птицу принося, закалывали. И начали они радоваться и веселиться: разыгрывали представления, пели нечестивые песни, размахивая руками, скакали, плясали, играя на гусях своих и в прегубницы ударяя, поднимая громкий шум и грохот и воссылая ругательства, и насмешки, и укору русским воинам, называя их погаными свиноподцами.

Царь же казанский весел был и невесел, ибо сердцем предчувствовал недоброе, да и сны свои обдумал наедине и по всему понимал, что город будет взят. Поганые же казанцы решили, что царь великий князь, не исполнив своего дела, возвращается назад, так же как и два года назад. Но тогда приходил он к ним не с такой целью и не с таким сильным и грозным войском, а лишь поуготать их, пригрозить и потребовать, чтобы уняли они злобу свою и зажили по соседству с ним, в смежных землях, не обижая его, и отошел тогда прочь, не учинив над ними

расправы. Не ведали ведь, безумные, о конце своем, о том, что приспел уже для них горький день и час и приблизился к вечеру день окончательной их гибели.

И когда был подожен порох во рвах, а дьякон, читавший в это время на литургии святое Евангелие, произнес последние слова: «И будет одно стадо и один пастырь», словно соглашаясь с ним, как с верным другом, тотчас же загрохотала земля, подобно сильному грому, и затряслось все то место, где стоял город, и заколебались городские стены, и едва весь город не разрушился до основания.

И вырвался огонь из пещер, вырытых под городом, и свился в единое пламя, и поднялось оно до облака, шумящее и клокочущее, словно некая большая и сильная река, так что и русские воины пришли в смятение от страха и побежали подальше от города. И прорвало крепкие городские стены, одно прясло, а в другом месте – полпрясла, в третьем же месте – саженой десять; и подняло тайник и понесло на высоту, словно ветром сено или пыль, большие бревна с находившимися на них людьми, и стало относить их в сторону над головами русских воинов, и разбросало их далеко в лесу и на поле за десять и за двадцать верст, где не было русских людей. И Божьим ограждением не убило большими теми бревнами ни одного русского человека.

Поганые же, что находились на стенах и угрозы и укору посылали русским воинам, все безвестно погибли: одних бревна и дым умертвили, других огонь поглотил. А те казанцы, мужчины и женщины, что находились внутри города, от сильного грохота помертвели со страху и попадали на землю, думая, что под ними проваливается земля или содомский огонь сошел с неба, чтобы спалить их. И, безгласные, словно камни, в изумлении смотрели они друг на друга, и ничего не в силах были вымолвить друг другу, и долго лежали так.

И очнулись они от испуга того, и смутились, и были словно пьяные. И вся мудрость их и все, что умели они, поглощено было Христовой благодатью. И обратился смех их в плач, и пришлось им вместо веселья, и прегубниц, и плясок, друг друга обняв, плакать и рыдать неутешно.

Воеводы же большого полка, увидев, что пришла им уже Божья помощь, исполнились храбростью. И вострубили воины их в ратные трубы и во многие сурны и ударили в накры, подавая весть всем прочим полкам, чтобы те быстро готовились.

Царь же великий князь, получив благословение и прощение от духовного отца своего, мужа добродетельного по имени Андрей, словно гепард, наполнился боевой яростью, и, взяв в руки меч, сел на боевого своего коня, и, скача, кричал воеводам, размахивая мечом: «Что долго стоите без дела? Приспело уже время потрудиться немного и обрести вечную славу!»

И хотел он в ярости дерзнуть сам идти с воеводами на штурм в большом полку и показать всем пример храбрости, но воеводы силой удержали его и не дали ему воли, дабы не случилось какого греха. И отвели его в стан, увещевая тихими словами: «Тебе, о царь, подобает спасти себя и нас: ведь если все мы будем убиты, а ты останешься здоров, то будет нам честь, и слава, и похвала во всех землях, и останутся у тебя сыновья наши, и внучата, и родственники, и снова будет у тебя вместо нас множество слуг; если же мы все спасемся, а тебя одного, самодержца нашего, погубим, то будет нам не слава и похвала, но стыд, и срам, и поношение от других народов, и вечное унижение, и уподобимся мы овечьим стадам, не имеющим пастуха, бродящим по пустынным местам и горам и поедаемым волками».

Он же, придя в себя от сильной ярости, понял, что безумное это дерзновение не ведет к добру, и послал первым к городу, ко всем его воротам, большой полк пеших пищальников, которые укрывались за большими деревянными щитами, по тридцать человек за каждым; и повелел придвинуть туры к городским стенам настолько близко, чтобы воины – астраханские царевичи с татарами – могли перейти с них на проломленные стены; а за ними и все остальное воинство. При этом не велел он спешить одновременно всем полкам, опасаясь, как бы из-за давки и тесноты не пало у города много воинов. Сам же, отъехав, с братом своим, князем Владимиром, и с царем Шигалеем, стоял, наблюдая издали все происходящее.

Воеводы же с пехотинцами начали штурм, и, в один час без труда проломив девять городских ворот, вошли в город, и повсюду открыли путь для всего русского воинства. И, подняв, водрузили над городом самодержцево знамя, возвещающее всем о победе христиан над погаными.

И внезапно те царевичи поспешили в проломы со своими варварскими полками, и в мгновение ока, в то время как казанцы еще метались в страхе, сами себя не понимая и не обрета разум, беспрепятственно вошли в город сквозь полые места и спасли город от разрушения и пожара, потушив огонь.

Прочие же воеводы стояли и дожидались своего времени. Когда же увидели они, что огонь угас, и дым разносится ветром, и русские воины уже скачут по городу и врукопашную бьются с казанцами, то двинулись они с громкими криками со своих мест, где кто стоял, с полками своими и прискакали на конях своих в город, словно грозовые тучи с сильным громом, вливаясь со всех сторон, словно быстрая вода, во все ворота и проломы с обнаженными мечами и копьями, друг друга ободряя и крича: «Дерзайте и не бойтесь, о друзья и братья, и поспешите на дело Божье – сам Христос невидимо помогает нам!»

И не удержали их ни реки, ни глубокие рвы, ни сама казанская крепость: подобно птицам, перелетали они через них, и припадали, и прилипали к городу. Ибо если не сам Господь решит уберечь город, то напрасно будут охранять его сторожа.

Пехотинцы же приставляли к стенам бесчисленные лестницы и неудержимо лезли на город. Некоторые же, словно птицы или белки, повсюду зацеплялись, как когтями, железными баграми за стены, и влезали на город, и били казанцев.

Казанцы же падали с городских стен на землю и, смерть свою видя перед глазами, радовались и почитали смерть лучше жизни, ибо честно пострадали за обычаи свои, и за отечество, и за город свой. С некоторых же казанцев сошел страх перед смертью, и расхрабрились они, и встали в городских воротах и возле проломов, и схватились с русскими и татарами, смешавшись в яростном бою с передними и задними воинами, уже проникшими в город, и крепко бились, рыча, словно дикие звери.

И страшно было видеть храбрость и мужество тех и других: одни хотели ворваться в город, другие же не захотели пускать их. И, отчаявшись остаться в живых, крепко бились они, неотступно твердя себе: «Все равно нам умирать!» И трещали копыя, и сулицы, и мечи в их руках, и гремели, словно сильный гром, голоса и крики и тех и других воинов.

И здесь, в Муралиевых воротах, нанесли казанцы храброму воеводе, князю Семену Микулинскому, множество ран, но не смертельных. И через несколько дней исцелили его врачи и сделали здоровым, но не на долгое время, как об этом я уже писал прежде. Брата же его, князя Дмитрия, убили из пушки со стены.

И подхватили его слуги, и оттащили мертвого его в шатер. И пало с ним воинов его три тысячи.

И, недолго бившись, потоптали казанцев русские, и погнали их по улицам города, побивая их и посекаяя, ибо было казанцев не очень много, и не успевали они обегать все места города, охранять все ворота и проломы, и не могли они биться со всеми, поскольку город уже был полон русскими, словно мошкой усыпан. Так, перебегая, сражались они, и много раз вступали в бой, и удерживали русских, и, несильные, убивали их, сильных, до тех пор, пока сзади не подоспевали русские и не побивали их. Иные же вбегали в свои дома, и запирались в них, и бились оттуда.

Но не может слабый огонь долго держаться и сопротивляться, когда гасит его большая вода, но скоро угасает; не может и небольшая запруда устоять перед быстринной большой реки, так и казанцы не могли долго сопротивляться такому множеству русских воинов, а точнее сказать – Божьей помощи.

И начали бегать казанцы – мужчины и женщины, отроки и отроковицы – туда и сюда по городским улицам, словно вода, ветром носимая, срывая с себя панцири и доспехи и бросая свое оружие, крича и вопя сами о себе – варварским своим языком. <...>

«Будь милостив к нам, – кричали они, – самодержец московский, и прости нам все наше зло и преступления наши не вспоминай! Много ведь лицемерили отцы наши и обманывали твоего отца, и деды наши и прадеды – твоих дедов и прадедов; так же и мы теперь – тебя, даже больше их: ведь пока подрастал ты, много зла причиняли мы тебе, разоряя и губя твою землю по своей воле. Все до одного изменники и твои льстецы придворные, всегда угождающие нам и за то получающие от нас дорогие дары. Потому мы и сопротивлялись тебе долго, и обманывали, и лгали по их наущению, и не хотели по своей воле служить и покоряться тебе, такому великому и богатому царю, которому подчиняются многие царства и земли, принося бесчисленные дары, которому и самодержавные князья подвластны, и цари вольные, повинуюсь, служат тебе, превосходящему многих царей славою, и силой, и богатством, равного которому не найти во всей вселенной.

Ведь когда был ты рожден матерью своей, мы о тебе гадали и тогда узнали о своей гибели, волхвы же наши еще до твоего рождения поведали нам, что должен родиться на Руси сильный царь, который смутит многие страны, и завоюет многие царства, и смирит и одолеет иноязычные земли, и возьмет и покарает города их, и никто из сарацинских наших царей и латинских королей не сможет воспротивиться ему: если даже и окажет сопротивление, все равно будет побежден; сможет он и наше царство взять и нас всех погубит огнем и мечом.

Но одержимы мы от рождения нашего злостью и гордыней, и не хотели до самой смерти мириться с тобой, и покориться тебе, и слыть покорными твоими рабами. Правда твоя и великая милость к нам, и большое твое терпение, и великое смирение, и вера твоя, и непрестанные молитвы к Богу победили и погубили нас. Теперь же, великий самодержец, царствуй после нас и многие годы мирно владей Казанью, царствуй вечно!»

Многие же русские воины, знающие язык их, слышали жалостливые вперемешку с рыданиями слова жен и мужей казанских и, покачав головой, плевались и проклинали мерзкое зачатие их змеиное и аспидово рождение их.

И донесли рыдания и жалостные речи казанцев до ушей самодержца, и еще раз, милосердный, пожалел он их сердцем своим: забыл злобу их и неправду и повелел воеводам, чтобы приказали они сотникам и тысяцким унять воинов от сечи. И нельзя было ни унять их, ни утолить ярости воинства, ибо были для них казанцы злее огня-всеядца, и меча обоюдоострого, и всякой болезни и горше смерти горькой. И многим своим, приказывавшим им прекратить сражение, нанесли они смертельные раны. Безжалостно настигали русские воины казанцев своими мечами, и рассекали их секирами, и копьями и сулицами протыкали насквозь, и нещадно резали их, словно свиней, и текла кровь их по улицам города.

И вбежали казанцы в Вышгород и не успели в нем запереться; прибежали они и на царский двор и в царские палаты и бились с русскими камнями, и дубинками, и обшивочными досками, шатаясь, словно в темноте, сами себя убивая и не давая живыми схватить себя. И вскоре побеждены были казанцы – словно трава, посечены. <...>

И разлились по всему городу реки крови, и протекли потоки горячих слез; словно огромные лужи дождевой воды стояла кровь по низким местам; окровавилась земля, и речная вода смешалась с кровью, так что семь дней не могли люди пить воду из рек; кони же и люди бродили в крови по колено. А длилась та великая битва с утра, с первого часа дня до десятого.

И сбылись слова, которые всегда говорили о Казани русские люди: «Мечом и на крови зачалась Казань, мечом и кровью закончится», что и сбылось теперь с ней, прежде неправдами переполненной и всякими злодействами кипящей. Блажен благоверный наш царь, который воздает ей за то зло, что долгое время причиняла она нам! Блаженны русские воины, навсегда разбившие скверных младенцев ее о камень!

Русские же воины, выбирая маленьких детей знатных казанцев, и отроков, и прекрасных отроковиц, и пригожих жен богатых и почтенных людей, забирали многих в плен и одних увели с собою в неволю, других же, окрестив, взяли себе в жены, отроков же и девиц растили как сыновей и дочерей – лучше, чем своих собственных детей. Захватили они и бесчисленное множество золота, и серебра, и жемчуга, и драгоценных камней, и нарядных золотых одежд, и прекрасных дорогих паволок, и серебряных и золотых сосудов, которым нет числа; и каждый брал по своему желанию все, что ему требовалось и что мог он взять: сильные воины, дерясь друг с другом, отнимали добычу у несильных, нанося друг другу раны из-за того богатства. О ад зависти сребролюбия! Из-за всем поровну посланного Богом богатства убивали друг друга.

Многие же слабые воины, у которых сильные отбирали добычу, отыскав зарытые в земле богатые клады, разбогатели и запаслись казанским богатством на весь свой век, захватив, сколько хотели, всяких драгоценностей, так что сыновьям, и внукам их, и далеким потомкам осталось много того богатства, и потому могли они не заботиться о насущных домашних нуждах, но всегда веселиться с женами своими и детьми, ибо, мало дней потрудившись, разбогатели они на долгие времена.

И возвратились назад русским людям все те русские богатства и все те драгоценности, которые за много лет награбили у них во время набегов казанцы.

После взятия Казани Ивану покорилось Астраханское ханство, а за ним – Ногайская орда и башкиры. В память взятия Казани царь повелел построить в Москве храм Покрова Пресвятой Богородицы на Рву, также известный как храм Василия Блаженного. При Иване Грозном идет и строительство Александровской слободы, Печатного двора и Сокольничьего дворца в Москве, а также Казанского кремля.

Повседневная жизнь при Иване Грозном, середина XVI века Домострой

За сменой правителей, чередой походов, битв, договоров и брачных союзов власть предрешающих легко упустить тот фон, на котором разворачивались эти события, а именно – повседневную жизнь, и тогда история эпохи во всех ее проявлениях подменяется историей парадной и далеко не в полной мере отражающей конкретный исторический период. К счастью, от эпохи правления Ивана Грозного сохранился замечательный памятник русской литературы «Домострой», настоящая энциклопедия быта и повседневных дел той поры.

По выражению видного отечественного этнографа А. Н. Пыпина, эта книга – «не описание практических устоев жизни, а дидактическое изложение ее теории». Это одновременно рассказ о том, как жили и «заповедали жить» предки, и повествование, образно выражаясь, о жизни за окном, и наставление будущим поколениям.

Считается, что окончательный вариант «Домостроя» (1547 года) – а книга складывалась на протяжении нескольких десятилетий – составил духовник царя Ивана, один из Избранной рады, священник Сильвестр.

**7. Как царя и князя чтить и повиноваться им
во всем, и всякому властителю покоряться, и
правдою служить им во всем, и большим и малым,
и скорбным и немощным, всякому человеку,
кто бы он ни был, и себе самому вдуматься в это**

Царя бойся и служи ему с верою, и всегда о нем Бога моли, и тем паче не лги ему, но кротко правду ему говори, как самому Богу, и во всем повинуйся ему; если земному царю с правдою служишь и боишься его, научишься и небесного царя бояться: этот временный, а небесный вечен и, судья нелицеприятный, каждому воздаст по делам его. Также и князьям покоряйтесь и должную им честь воздавайте, ибо князь послан Богом карать злодеев. С похвалою благодетелям примите всем сердцем своего князя и властителей своих; не помыслите на них зла. Говорит же апостол Павел: «Вся власть от Бога», так что кто противится властителю, царю и князю и всякому вельможе, и клеветою и лукавством вредит, тот Божию повелению противится; погубит Господь всех изрекающих ложь, а сплетники и клеветники прокляты и людьми. Тем, кто старше тебя, честь воздавай и кланяйся, средних как братьев почитай, немощных и скорбных утешь любовью, а младших как детей возлюби – никакому созданию Божию не будь лиходеем. Славы земной ни в чем не желай, вечного блаженства проси у Бога, всякую скорбь и притеснение с благодарностью претерпи, если обидят – не мсти, если хулят – молись, не воздавай злом за зло, согрешающих не осуждай, вспомни и о своих грехах, позаботься прежде всего о них, отвергни советы злых людей, равняйся на живущих по правде, их деяния запиши в сердце своем и сам поступай так же. <...>

13. Как в церкви мужу и жене молиться, чистоту хранить и никакого зла не творить

А в церкви стоять на службе со страхом и в тишине молиться. Дома же всегда павечерницу, и полунощницу, и часы петь. А кто увеличит службу ради своего спасения, то в его воле, потому что и больше награда от Бога. А женам ходить в церковь Божию часто, насколько возможно, по собственному желанию и советуясь с мужем, а в церкви ни с кем не беседовать, стоять в молчании, слушать, не оглядываясь, ни к стене не прислоняться, ни к столбу, и с посохом не стоять, и с ноги на ногу не переступать; руки сложив на груди крестом, крепко и неустанно молиться со страхом и трепетом, и со вздохами, и со слезами; и не выходить до конца службы из церкви, прийти же к самому началу. По воскресеньям же, и в праздники Господни, и в среду, и в пятницу, и в святой пост, и в Богородицын день – пребывать в чистоте, а объедания, и пьянства, и пустых бесед, и смеха непристойного всегда остерегаться и отказываться от воровства, и от блуда, от лжи и клеветы, от зависти и всякого несправедного побора: от ростовщичества, от наживы вином, от взятки, от платы за проезд через твой мост и от всякого иного обмана, ни на кого не гневаясь. От ранних питья и еды и от поздних после церковной службы воздержитесь, если же пить, то только во славу Божию и в положенное время; малых детей и работников кормить по усмотрению мужа и жены. Или не ведаете, что несправедные в царство Божие не войдут, как апостол Павел сказал: «Если же какой-то человек известен как блудник, или лихоимец, или идолослужитель, или насмешник, или пьяница, или грабитель, – с такими ни есть, ни пить». И еще сказал: «Ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни осквернители, ни малакии, ни мужеложники, ни лихоимцы, ни воры, ни пьяницы, ни строптивцы, ни разбойники в царство Божие не войдут», – потому и нужно христианину от всякого зла охранять себя. <...>

15. Как детей своих воспитать в поучении и страхе Божьем

А пошлет Бог кому детей – сыновей или дочерей, то заботиться о чадах своих отцу и матери, обеспечить их и воспитать в добром поучении; учить страху Божию и вежливости, и всякому порядку, а затем, по детям смотря и по возрасту, их учить рукоделию – мать дочерей и мастерству – отец сыновей, кто в чем способен, какие кому Бог возможности даст; любить их и беречь, но и страхом спасать, наказывая и поучая, а когда и побить. Наказывай детей в юности – упокоят тебя в старости твоей. И беречь и блюсти чистоту телесную и от всякого греха отцам чад своих как зеницу ока и как свою душу. Если же дети согрешают по отцовскому или материнскому небрежению, о таких грехах им ответ держать в день Страшного суда. Так что если дети, лишенные поучений отцов и матерей, в чем согрешат или зло сотворят, то отцам и матерям от Бога грех, а от людей укоризна и насмешка, дому же убыток, а себе самим скорбь и ущерб, от судей же пеня и позор. Если же у богобоязненных родителей, рассудительных и разумных, дети воспитаны в страхе Божьем и в добром наставлении и научены всякому разуму, и вежливости, и промыслу, и рукоделию, – такие дети с родителями своими будут Богом помилованы, священниками благословлены и добрыми людьми восхвалены, а вырастут – добрые люди с радостью и благодарностью женят сыновей своих на их ровне по Божьей милости или своих дочерей за детей их выдадут замуж. Если же из таких-то какое дитя и возьмет Бог после покаяния и с причащением, тем самым родители приносят Богу непорочную жертву, и как вселятся такие дети в чертоги вечные, то получают у Бога право просить милости и прощения грехов и для своих родителей. <...>

17. Как детей учить и страхом спасать

Наказывай сына своего в юности его, и упокоит тебя в старости твоей и придаст красоты душе твоей; и не жалея бей ребенка: если прутом посечешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти. Если дочери у тебя, направь на них свою строгость, тем сохранишь их от бед телесных: и ты не посрамишь лица своего, коли в послушании ходит, и не твоя вина, если по глупости нарушит она девство свое и станет известно знакомым твоим, и тогда посрамят тебя перед людьми. Ибо если отдашь дочь свою беспорочной, будто великое дело совершишь и в любом обществе похвалишься, никогда не посетуешь на нее. Любя же сына своего, учащай ему раны, и потом не нахвалишься им; наказывай сына своего с юности и порадуешься на него потом в зрелости, и среди недоброжелателей сможешь им похвалиться, и позавидуют тебе враги твои. Воспитай дитя в запретах и найдешь в нем покой и благословение; не улыбайся ему, играя: в малом послабишь – в большом пострадешь, скорбя, и в будущем будто занозы вгонишь в душу свою. И не дай ему воли в юности, но сокруши ему ребра, пока он растет, но, ожесточась, не повинится перед тобою, не станет тебе досадой, и болезнью души, и разорением дома, и погибелью имущества, и укоризной соседей, и насмешкой врагов, и пеней властей, и злою досадою. <...>

20. Похвала женам

Если дарует Бог жену добрую, получше то камня драгоценного; такая по корысти добра не лишит, всегда хорошую жизнь устроит своему мужу. Собрав шерсть и лен, сделай, что нужно, руками своими, будь как корабль торговый: издалика вбирает в себя богатства и возникает из ночи; и даст она пищу дому и дело служанкам, от плодов своих рук увеличит достояние namного; препоясав туго чресла свои, руки свои утвердит на дело и чад своих поучает, как и рабов, и не угаснет светильник ее всю ночь: руки свои протягивает к прялке, а персты ее берутся за веретено, милость обращает на убогого и плоды трудов подает нищим, – не беспокоится о доме муж ее; самые разные одежды расшитые сделает мужу своему, и себе, и детям, и домочадцам своим. И потому всегда ее муж соберется с вельможами и сядет, всеми друзьями почтен, и, мудро беседуя, знает, как делать добро, ибо никто без труда не увенчан. Если доброй женою муж благословен, число дней его жизни удвоится, хорошая жена радует мужа своего и наполнит миром лета его; хорошая жена да будет благою наградой тем, кто боится Бога, ибо жена делает мужа своего добродетельней: во-первых, исполнив Божию заповедь, благословится Богом, а во-вторых, славится и людьми. Жена добрая, и трудолюбивая, и молчаливая – венец своему мужу, коли обрел муж жену свою добрую – только хорошее выносит из дома своего; благословен муж такой жены, и года свои проживут они в добром мире; за хорошую жену похвала мужу и честь. <...>

24. О неправедной жизни

А кто не по-божьи живет, не по-христиански, чинит всякую неправду и насилие, и обиду наносит большую, и долгов не платит, томит волокитой, а незнатного человека во всем изобидит, и кто по-соседски не добр или в селе на своих крестьян, или в приказе сидя при власти накладывает тяжкие дани и разные незаконные налоги, или чужую ниву распахал, или лес посек, или землю перепахал, или луг перекошил, или переловил всю рыбу в чужом садке, или борти, или перевесище и всякие ловчие уголья неправдою и насилием захватит и ограбит, или покрадет, или уничтожит, или кого в чем ложно обвинит, или кого в чем подведет, или в чем обманет, или ни за что кого-то предаст, или в рабство неповинных лукавством или насилием охолопит, или нечестно судит, или неправедно производит розыск, или ложно свидетельствует, или к раскаявшимся немилостив, или лошадь, и всякое животное, и всякое имущество, и села, или сады, или дворы и всякие уголья силою отнимет, или задешево в неволю купит, или сутяжничеством оттягает или мошенничеством, или процентами и разным лукавым ухищрением, и неправедно скопленным на процентах, поборах или мздах, и во всяких непотребных делах: в блуде, в распутстве, в сквернословии и срамословии, и клятвопреступлении, в ярости, и гневе, в злопамятстве, – сам господин или госпожа их творят, или дети их, или люди их, или крестьяне их, а они, господа, не возбраняют им то и не хранят их от бед и никакой управы не находят на них, – обязательно все вместе будут в аду, а на земле прокляты, ибо во всех тех делах недостойных хозяин такой Богом не прощен и народом проклят, а обиженные им вопиют к Богу; а своей душе на погибель, и дому запустение, и все проклято, а не благословлено: и таскать, и есть, и пить – то все прибыли и доходы не от Бога, но от бесов; нисходят в ад живые души поступающих так, и милостыня от таковых ни зерном, ни плодом не желанна Богу ни в жизни их, ни после смерти; если хочешь от вечной муки избавиться, отдай неправдой захваченное обиженному и впредь обещаешь не поступать так со всеми своими, как и написано: «Скор Господь на милость свою, истинно раскаявшихся принимает и даже страшные грехи прощает». <...>

29. Учить мужу свою жену, как Богу угодить, и к мужу своему приноровиться, и как свой дом лучше устроить, и всякий домашний порядок и рукоделье всякое знать, и слуг учить и самой трудиться

Следует мужьям поучать жен своих с любовью и примерным наставлением; жены мужей своих вопрошают о строгом порядке, о том, как душу спасти, Богу и мужу угодить, и дом свой хорошо устроить, и во всем покоряться мужу; а что муж накажет, с тем охотно соглашаться и исполнять по его наставлению: и прежде всего иметь страх Божий и пребывать в телесной чистоте, как уже впереди указано было. Поднявшись с постели, умывшись и помолясь, женкам и девкам работу указать на день, каждой – свое: кому дневную пищу варить, а кому хлебы печь ситные и решетные, – да и сама бы хозяйка знала, как муку сеять, как квашню затворить и замесить и хлебы скатать и испечь: и кислые, и пышные, и выпеченные, а также калачи и пироги; да знала бы, сколько муки возьмут, и сколько испекут, и сколько чего получится из четверти, или из осьмины, или из решета, и сколько высевок отойдет, и сколько испекут – меру знать во всем. А еду мясную и рыбную, и всякие пироги и всякие блины, и всякие каши и кисели, и всякие блюда печь и варить – все бы сама хозяйка умела, чтобы и всех слуг научить тому, что сама все знает. Когда же хлебы пекут, тогда и одежду стирают, так в общей работе и дровам не убыточно, но нужно приглядывать, как нарядные рубашки стирают и лучшую одежду, и сколько мыла идет и золы, и на сколько рубашек, да хорошо бы постирать, прокипятить, и начисто выполоскать, и высушить, и разгладить и скатерти, и убрusy, и платки, и полотенца; также и счет всему самой знать, отдать и взять все сполна, и бело и чисто, а ветхое осторожно бы залатать, все сироткам сгодится. А когда хлебы пекут, того же теста велеть отложить и пироги начинить; и если пшеничный пекут, то из обсевков велеть пирогов наделать, в скоромные дни со скоромной начинкой, какая случится, а в постные дни с кашей, или с горохом, или со сладким, или репу, или грибы, или рыжики, или капусту – что Бог подаст, все семье в утеху. И всякую бы еду, и мясную, и рыбную, и всякое блюдо, скоромное или постное, жена сама бы знала да умела и приготовить и службу научить: такая хозяйка домовитая и умелая. И это знала бы также: как делают пивной, и медовый, и винный, и бражный, квасной, и уксусный, и кислощанный, и всякий припас поварской и хлебный, и в чем что готовить, и сколько из чего получится. Если все это знает благодаря строгости и наставлениям хорошего мужа и своим способностям также, то все будет спору и всего будет вдоволь. А которая женка или девка рукодельна, так той указать дело: рубашку сшить, или вышить убрus, или выткать, или шить на пяльцах золотом и шелками – какую чему научили, и все то и доглядеть и заметить. И каждой бы мастерице сама хозяйка отвесила и отмерила пряжи, и тафты, и камки, золотой и серебряной нити, и рассчитать, и указать, сколько чего надобно и сколько чего дать, и выкроить, и примерить, самой знать всякое рукоделие и малых девок учить, какая к чему пригодна; а замужним женкам, которые черную работу делают, избу топят, и хлебы пекут, и белье стирают, – тем лен дают прясть, на себя да на мужа и на детей; одинокая женка или девка на хозяина лен прядет, а изгребни и очесы на себя или как придется. Да и ведала бы сама хозяйка, которой какое дело дать, сколько чего дать, и сколько чего взять, и сколько чего кто сделает за день, много ли, мало, и сколько из чего получится – все то сама бы знала, и было бы все у нее на счету. А сама бы хозяйка ни в коем случае никогда, разве что занедужит, без дела не находилась, так что и служкам, на нее глядя, повадно было трудиться. Муж ли придет, простая ли гостья – всегда б и сама над рукодельем сидела: за то ей честь и слава, а мужу похвала; никогда бы слуги хозяйку не будили, но сама хозяйка будила слуг и, спать ложась после трудов, всегда бы молилась. <...>

32. Всякий порядок домашний содержать

А для всякого рукоделья и у мужа и у жены всякое бы орудие да утварь были на подворье: и плотницкое, и портновское, и кузнечное, и сапожное, а у жены для всякого ее рукоделья и домашнего обихода всегда бы порядок был свой, и держалось бы все то бережно, где что нужно: и что себе ни сделал – никто ничего не слышал, в чужой двор не идешь, берешь свое без лишнего слова. А поварская утварь и хлебопекарная вся бы была у самого сполна: и медное, и оловянное, и железное, и деревянное, – какое найдется. Если же и придется у кого в долг взять или свое дать: украшения или мониста или женскую одежду, сосуд серебряный, или медный, или оловянный или какое платье, – и как запасы пересмотреть, и новое все и ветхое: где измято, или побито, или дыряво, или что где измазано или продралось, и какой-то в чем-нибудь непорядок или что не цело, – и все то пересчитать, и отметить, и записать – и кто берет, и кто дает – обоим то было бы ведомо. А что можно взвесить – то бы взвешено было, и всякому долгу определили бы цену: по нашим грехам какой непорядок случится, так с обеих сторон ни хлопот, ни раздоров нет, ибо цена известна. А всякий заем и брать и давать честно, хранить сильней своего и возратить в срок, чтобы сами хозяева о том не просили и за вещами не посылали: тогда и впредь дадут, и дружба навек. А если чужого не сохранять, или в срок не вернуть, или испортил, то обида навек и убыток в том и пени бывают, да и впредь никто и ни в чем не поверит. <...>

36. Женам наказ о пьянстве и о хмельном питье, и слугам также, и о том, чтобы тайком не держать ничего нигде, а клевете и обману слуг без проверки не верить; как их строгостью наставлять, да и жену также, и как в гостях находиться и дома себя вести во всем правильно

А у жены никак никогда и никоим образом хмельного питья бы не было, ни вина, ни меда, ни пива, ни угощений; питье находилось бы в погребе на леднике, а жена пила бы бесхмельную брагу и квас и дома и на людях. Если придут откуда женщины справиться о здоровье, им тоже хмельного питья не давать, да и свои женки и девки не пили бы в людях и дома же допьяна; а жене тайком от мужа не есть и не пить и захоронков еды и питья втайне от мужа своего не держать, у подруг и у родни тайком от мужа питья и еды и поделок и подарков разных не просить и самой не давать и ничего чужого у себя не держать без ведома мужа, во всем советоваться с мужем, а не с холопом и не с рабою. Крепко беречься всякого зла, а ложные речи рабов своих и рабынь не пересказывать мужу и зла не держать, а кто натворит что, об этом прямо и без прибавлений мужу сказать; а мужу и жене никаких наговоров не слушать и не верить без прямого следствия над виновным и жене мужу сплетен домашних не передавать; с чем сама не может управиться – если дурное дело, то мужу сказать всю правду, если же какая женка или девка не слушается, ни слово, ни наставление не действуют на нее или пакость какую учинит, – все то с мужем решить, какое кому наказание назначить. А когда окажутся гости, потчевать их питьем как пригоже, самой же хмельного питья пьянящего не пить, а питье и яства и всякое угощение приносит тогда один человек, выделенный для этого дела, а мужчин никаких тут ни рано, ни поздно никогда и ни в коем случае не было бы, кроме того человека, которому приказано принести что, или что-то спросить у него, или что-то ему приказать; и во всем с него спрашивать, и за беспорядок, и за ошибки, – никому же иному тут дела нет. А врозь завтракать мужу и жене никак не годится, разве уж если кто болен; есть же и пить в нужное время.

«Домострой» еще был написан от руки, но совсем скоро в Москве заработал первый печатный станок, и в повседневную жизнь подданных «царя великого князя и самодержца всея Руси Иоанна Васильевича» – образованной их части – начали входить печатные книги.

Начало книгопечатания, 1564 год Иван Федоров

Царь Иван, обладатель, возможно, большой библиотеки, которой некогда восхищались иностранные послы при его дворе и судьба которой по сей день остается одной из величайших загадок в истории России, после взятия Казани повелел построить множество церквей и приобрести для них псалтири и другие священные книги. Однако все эти книги были рукописными, содержание многих из них страдало при переписке, и потому царь заинтересовался печатным делом, к тому времени освоенным и в Венеции, и у греков, и во Фригии (то есть во Франции). Считается, что поиск мастера-печатника продолжался почти десять лет. В Москве, на Никольской улице, построили типографию, и 1 марта 1564 года русские печатники Иван Федоров и Петр Мстиславец, обученные датским мастером, присланным королем Дании по просьбе царя, с благословения митрополита Макария напечатали первую русскую книгу – «Деяния апостолов», или просто «Апостол».

Изволением Отца и помощью Сына и свершением Святого Духа, по повелению благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича, всея великия России самодержца, и по благословению преосвященного Макария, митрополита всея Руси, многие церкви воздвигались в царствующем граде Москве и по окрестным местам и по всем городам царства его, особенно же в новокрещенном месте, в городе Казани и в пределах ее. И все эти святые храмы благоверный царь украшал чтимыми иконами, и святыми книгами, и сосудами, и ризами, и прочими церковными вещами, по преданию и по правилам святых апостолов и богоносных отцов и по постановлению благочестивых царей греческих, в Царьграде царствовавших, – великого Константина, и Юстиниана, и Михаила, и Феодоры, и прочих благочестивых царей, в свое время бывших. И поэтому благочестивый царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси повелел покупать святые книги на торгу и полагать их во святых церквах – псалтири, евангелия, апостолы и прочие святые книги. Но из них мало оказалось годных, остальные же все искажены несведущими и неразумными переписчиками, а иные оттого, что пишущие оставляли их без исправления. И это стало известно царю, и он начал размышлять, как бы издать печатные книги, как у греков, и в Венеции, и в Италии, и у прочих народов, чтобы впредь святые книги излагались правильно. И так возвещает мысль свою преосвященному Макарию, митрополиту всея Руси. Святитель же, услышав, весьма обрадовался и, воздав благодарение богу, сказал царю, что мысль эта ниспослана богом и есть дар, нисходящий свыше. И так, по повелению благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и по благословению преосвященного Макария митрополита начали изыскивать мастерство печатных книг в год 61-й восьмой тысячи (1553); в 30-й же год (1563) царствования его благоверный царь повелел устроить на средства своей царской казны дом, где производить печатное дело.

И, не жалея, давал от своих царских сокровищ делателям, диакону церкви Николы чудотворца Гостунского Ивану Федорову да Петру Тимофееву Мстиславцу на устройство печатного дела и на их обеспечение до тех пор, пока дело их не пришло к завершению. И начали печатать впервые эту святую книгу, Деяния апостольские и послания соборные и святого апостола Павла послания в год 7070 первый (1563), апреля 19-го на память преподобного отца Иоанна Палеврета, т. е. из древней Лавры. Окончены же были в год 7070 второй (1564), марта в 1 день при архиепископе Афанасии, митрополите всея Руси, в первый год святительства его, во славу всемогущей живоначальной Троицы, Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Несмотря на благословение митрополита и интерес царя, Ивану Федорову, как писал он сам, вскоре пришлось бежать из Москвы из-за «великих преследований от многих начальников и духовных властей».

В послесловии к львовскому изданию «Апостола» (1574) Иван Федоров более подробно рассказал о своих удачах и невзгодах.

По воле Отца, и с помощью Сына, и при поддержке Святого Духа, по повелению благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и с благословения преосвященного Макария, митрополита всея Руси, типография эта была устроена в столичном городе Москве в год 7071 (1563), в тридцатый год царствования Ивана Васильевича. Об этом же я не напрасно начал рассказывать вам, но вследствие великих бед, часто случавшихся с нами не из-за самого русского государя, но из-за многих начальников, и церковных начальников, и учителей, которые нас по причине зависти во многих ересях обвиняли, желая благо во зло превратить и Божие дело окончательно погубить, как это свойственно злонравным, и невежественным, и несведущим в науках людям, которые и в искусстве грамматики не умудрены, и духовного разума лишены, но втуне и всуе слова злые изрекают. Таково свойство зависти и ненависти, которая без нужды клеветает и не знает, как ходит и на чем утверждается. Эта ненависть нас и прогнала с земли и с родины и от родичей наших и в другие страны неведомые переселила. <...>

И, помолившись, я начал богоизбранное это дело к воплощению готовить, чтобы можно было боговдохновенные догматы распространять. Многократно обходил я богатых и благородных из числа мирян, помощи прося у них и поклоны творя, к коленям припадая и простираясь перед ними на земле; капающими из глубины сердца слезами моими ноги я их омывал, причем не единожды, не дважды, но многожды делал это и в церкви об этом священнику всем вслух сообщить повелел. Не выпросил я ничего умильными словами, не умолил никого многослезным рыданием, не добился я никакой милости через священников и плакал горькими слезами, что не нашел милостивого человека, готового помочь, не только среди русского народа, но и среди греков милости не нашел. Помощь оказывали только незначительные священники да малоизвестные из мирян. Не думаю я, что от избытка они это делали, но как та убогая вдова, которая от нищеты своей две лепты положила в сокровищницу. Знаю я, что и в здешнем мире данное ими к ним возвратится, а в будущей жизни Подателем богатств Богом стократ воздастся.

Итак, молю вас, не прогневайтесь на меня, грешного. Когда я пишу это, не думайте, что это из выгоды я говорю или пишу. Ибо знает всякий, с начала читающий кратко написанный этот рассказ, как по милости пана Григория Ходкевича всем необходимым для жизни, пищей и одеждой, я был обеспечен. Но все это я ни во что не ставил, не надеялся на неправду и на стяжание, не хотел богатства, хотя оно и в изобилии стекалось, не по сердцу оно мне было. Но предпочел всякие вышеназванные огорчения и беды претерпевать, чтобы более распространить слово Божие и свидетельство Иисуса Христа. Ибо наш удел – со смирением просить и пытаться, а Божий – миловать и совершать. Поэтому я и надеюсь стать наследником того Царства, которое дай Бог всем нам получить по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Который достоин славы, чести и поклонения вместе с Отцом и со Святым Духом теперь и на веки вечные, аминь.

А начала печататься эта книга, называемая Апостол, в богоспасаемом городе Львове, а в ней содержатся деяния апостолов, и послания соборные, и послания святого апостола Павла после воплощения Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, в год 1573 февраля в 25 день; а закончена была в год 74 того же месяца в 15 день.

Впрочем, как гласит «Сказание известно о воображении книг печатного дела», вскоре «после тех мастеров, Иоанна и Петра, стал мастером ученик их Андроник Тимофеев сын, по прозвищу Невежа, с товарищами, и также царским повелением велено ему издавать книги в печатном виде в царствующем граде Москве и раздавать их по всем городам и по всей России. А после тех мастеров иные мастера были, и от того времени пошло дело крепко и без помех бесперебойно, как непрерывная вервь».

Иван Грозный и князь Курбский, 1564–1579 годы Андрей Курбский, Иван Грозный

С детства привыкший никому не доверять, царь проникался все большей подозрительностью к своему окружению. Вдобавок в 1553 году при дворе случился так называемый «боярский бунт» – открытое недовольство бояр; это был настоящий политический кризис: во время своей тяжелой болезни царь для обеспечения преемственности потребовал, чтобы бояре присягнули его малолетнему сыну, часть бояр во главе с князем Владимиром Старицким отказалась это делать. После этого бунта был удален от двора монах Сильвестр (несколькими годами спустя он был сослан на Соловки), поддержавший одного из бояр. Позднее, уже в ходе Ливонской войны, в почетную ссылку в войско отправили другого члена Избранной рады, Адашева, который окончил свои дни в тюрьме завоеванного им Дерпта (Тарту). Наконец ближайший сподвижник царя князь Андрей Курбский, восприняв как опалу свое назначение наместником покоренной Ливонии, в 1564 году тайно бежал в Литву (позже он возглавил военные походы против Московии) и оттуда написал обличительное письмо царю. Иван ответил на письмо Курбского своим, и этот знаменитый обмен письмами вошел в историю как переписка Курбского с Грозным.

Первое послание Курбского

Царю, Богом препрославленному и среди православных всех светлее являвшемуся, ныне же – за грехи наши – ставшему супротивным (пусть разумеет разумеющий), совесть имеющему прокаженную, какой не встретишь и у народов безбожных. И более сказанного говорить обо всем по порядку запретил я языку моему, но из-за претеснений тягчайших от власти твоей и от великого горя сердечного решусь сказать тебе, царь, хотя бы немногое.

Зачем, царь, сильных во Израиле истребил, и воевод, дарованных тебе богом для борьбы с врагами, различным казням предал, и святую кровь их победоносную в церквах божьих пролил, и кровью мученической обагрив церковные пороги, и на доброхотов твоих, душу свою за тебя положивших, неслыханные от начала мира муки, и смерти, и притеснения измыслил, обвиняя невинных православных в изменах, и чародействе, и в ином непотребстве, и с усердием тщась свет во тьму обратить и сладкое назвать горьким? В чем же провинились перед тобой и чем прогневали тебя христиане – соратники твои? Не они ли разгромили прегордые царства и обратили их в покорные тебе во всем, а у них же прежде в рабстве были предки наши? Не сдались ли тебе крепости немецкие по мудрости их, им от Бога дарованной? За это ли нам, несчастным, воздал, истребляя нас и со всеми близкими нашими? Или ты, царь, мнишь, что бессмертен, и впал в невиданную ересь, словно не боишься предстать перед неподкупным судьей – надеждой христианской, богочинальным Иисусом, который придет вершить справедливый суд над вселенной и уж тем более не помилует гордых притеснителей и взыщет за все прегрешения власти их, как говорится: «Он есть Христос мой, восседающий на престоле херувимском одесную величайшего из высших, – судья между мной и тобой».

Какого только зла и каких гонений от тебя не претерпел! И каких бед и напастей на меня не обрушил! И каких грехов и измен не возвел на меня! А всех причиненных, тобой различных бед по порядку не могу и исчислить, ибо множество их и горем еще объята душа моя. Но обо всем вместе скажу: до конца всего лишен был и из земли Божьей тобою без вины изгнан. И воздал ты мне злой за добро мое и за любовь мою непримиримой ненавистью. И кровь моя, которую я, словно воду, проливал за тебя, обличает тебя перед Богом моим. Бог читает в сердцах: я же в уме своем постоянно размышлял, и совесть моя была моим свидетелем, и искал, и в мыслях своих оглядывался на себя самого, и не понял, и не нашел, в чем же я перед тобой согрешил. Полки твои водил, и выступал с ними, и никакого тебе бесчестия не принес, одни лишь победы пресветлые с помощью ангела Господня одерживал для твоей же славы и никогда полков твоих не обратил спиной к врагам, а напротив – преславно одолевал на похвалу тебе. И все это не один год и не два, а в течение многих лет трудился, и много пота пролил, и много перенес, так что мало мог видеть родителей своих, и с женой своей не бывал, и вдали от отечества своего находился, в самых дальних крепостях твоих против врагов твоих сражался и страдал от телесных мук, которым Господь мой Иисус Христос свидетель; а как часто ранен был варварами в различных битвах, и все тело мое покрыто ранами. Но тебе, царь, до всего этого и дела нет. <...>

Первое послание Ивана Грозного Курбскому

Это истинно православного христианского самодержавия, мною властью обладающего, повеление и наш христианский смиренный ответ бывшему прежде истинного православного христианства и нашего самодержавия боярину, и советнику, и воеводе, ныне же – отступнику от честного и животворящего креста Господня и губителю христиан, и примкнувшего к врагам христианства, отступившего от поклонения божественным иконам, и поправшему все божественные установления, и святые храмы разорившему, осквернившему и поправшему священные сосуды и образы, – князю Андрею Михайловичу Курбскому, изменнически пожелавшему стать Ярославским князем, – да будет ведомо. Зачем ты, о князь, если мнишь себя благочестивым, отверг свою единородную душу? Чем ты заменишь ее в день Страшного суда? Даже если ты приобретешь весь мир, смерть напоследок все равно похитит тебя. <...>

Ты же ради тела погубил душу, презрел нетленную славу ради быстротекущей и, на человека разъярившись, против Бога восстал. Пойми же, несчастный, с какой высоты в какую пропасть ты низвергся душой и телом! Сбылись на тебе пророческие слова: «Кто думает, что он имеет, всего лишится». В том ли твое благочестие, что ты погубил себя из-за своего себялюбия, а не ради Бога? Могут же догадаться находящиеся возле тебя и способные к размышлению, что в тебе злобесный яд: ты бежал не от смерти, а ради славы в этой кратковременной и скоротекущей жизни и богатства ради. Если же ты, по твоим словам, праведен и благочестив, то почему же испугался безвинно погибнуть, ибо это не смерть, а воздаяние? В конце концов все равно умрешь. Если же ты убоился смертного приговора по навету, поверив злодейской лжи твоих друзей, слуг сатаны, то это и есть явный ваш изменнический умысел, как это бывало в прошлом, так и есть ныне. Почему же ты презрел слова апостола Павла, который вещал: «Всякая душа да повинуется владыке, власть имеющему; нет власти, кроме как от Бога: тот, кто противит власти, противится Божьему повелению». Воззри на него и вдумайся: кто противится власти – противится Богу; а кто противится Богу – тот именуется отступником, а это наихудший из грехов. А ведь сказано это обо всякой власти, даже о власти, добытой ценой крови и войн. Задумайся же над сказанным, ведь мы не насилием добывали царство, тем более поэтому кто противится такой власти – противится Богу! Тот же апостол Павел говорит (и этим словам ты не внял): «Рабы! Слушайте своих господ, работая на них не только на глазах, как человекоугодники, но как слуги Бога, повинуйтесь не только добрым, но и злым, не только за страх, но и за совесть». Но это уж воля Господня, если придется пострадать, творя добро.

Если же ты праведен и благочестив, почему не пожелал от меня, строптивного владыки, пострадать и заслужить венец вечной жизни. Но ради преходящей славы, из-за себялюбия, во имя радостей мира сего все свое душевное благочестие, вместе с христианской верой и законом, ты пограл, уподобился семени, брошенному на камень и выросшему, когда же воссияло знойное солнце, тотчас же, из-за одного ложного слова, поддался искушению, и отвергся, и не вырастил плода. <...>

Кровью же никакой мы церковных порогов не обагрjali; мучеников за веру у нас нет; когда же мы находим доброжелателей, полагающих за нас душу искренно, а не лживо, не таких, которые языком говорят хорошее, а в сердце затевают дурное, на глазах одаряют и хвалят, а за глаза расточают и укоряют (подобно зеркалу, которое отражает того, кто на него смотрит, и забывает отвернувшегося), когда мы встречаем людей, свободных от этих недостатков, которые служат честно и не забывают, подобно зеркалу, порученной службы, то мы награждаем их великим жалованьем; тот же, который, как я сказал, противится, заслуживает казни за свою вину. А как в других странах – сам увидишь, как там карают злодеев – не по-здешнему! Это вы по своему злобесному нраву решили любить изменников; а в других странах изменников не любят и казнят их и тем укрепляют власть свою.

А мук, гонений и различных казней мы ни для кого не придумывали: если же ты говоришь о изменниках и чародеях, так ведь таких собак везде казнят. <...>

Второе послание Курбского

Широковещательное и многошумное послание твое получил, и понял, и уразумел, что оно от неукротимого гнева с ядовитыми словами изрыгнуто, таковое бы не только царю, столь великому и во вселенной прославленному, но и простому бедному воину не подобает, а особенно потому, что из многих священных книг нахватаю, как видно, со многой яростью и злобой, не строчками и не стихами, как это в обычае людей искусных и ученых, когда случается им кому-либо писать, в кратких словах излагая важные мысли, а сверх меры многословно и пустозвонно, целыми книгами, паремиями, целыми посланиями! Тут же и о постелях, и о телогрейках, и иное многое – поистине слово вздорных баб росказни, и так все невежественно, что не только ученым и знающим мужам, но и простым и детям на удивление и на осмеяние, а тем более посылать в чужую землю, где встречаются и люди, знающие не только грамматику и риторику, но и диалектику и философию.

И еще к тому же меня, человека, уже со всем смирявшегося, в странствиях много перенесшего и несправедливо изгнанного, к тому же и многогрешного, но имеющего чуткое сердце и в письме искусного, так осудительно и так шумливо, не дожидаясь суда Божьего, порицать и так мне грозить! И вместо того чтобы утешить меня, пребывающего во многих печалях, словно забыл ты и презрел пророка, говорящего: «Не оскорбляй мужа в беде его, и так достаточно ему», твое величество ко мне, неповинному изгнаннику, с такими словами вместо утешения обратилось. Да будет за то Бог тебе судьей. И так жестоко грызть за глаза невинного мужа, с юных лет бывшего слугой твоим! Не поверю, что это было бы угодно Богу. <...>

Второе послание Ивана Грозного Курбскому

Со смирением напоминаю тебе, о князь: посмотри, как к нашим согрешениям и особенно к моему беззаконию, хотя я и не отступил от веры, снисходительно Божье величество в ожидании моего покаяния. И не сомневаюсь в милосердии создателя, которое принесет мне спасение, ибо говорит Бог в святом Евангелии, что больше радуется об одном раскаявшемся, чем о девяноста девяти праведниках; то же говорится и в притче об овцах и драхмах. Ибо если и многочисленнее песка морского беззакония мои, все же надеюсь на милость благоутробия Божия – может Господь в море своей милости потопить беззакония мои. Вот и теперь Господь помиловал меня, грешника, блудника и мучителя, и животворящим своим крестом низложил Амалика и Максентия. А наступающей крестоносной хоругви никакая военная хитрость не нужна, что знает не только Русь, но и немцы, и литовцы, и татары, и многие народы. Сам спроси у них и узнаешь, я же не хочу перечислять тебе эти победы, ибо не мои они, а Божьи. Тебе же напомню лишь кое-что из многого, ибо на укоризны, которые ты писал ко мне, я уже со всей истиной ответил; теперь же напомню немного из многого. Вспомни сказанное в книге Иова: «Обошел землю и иду по вселенной»; так и вы с попом Сильвестром, и Алексеем Адашевым, и со всеми своими родичами хотели видеть под ногами своими всю Русскую землю, но Бог дает власть тому, кому захочет. <...>

Вместо прежних соратников царь окружил себя новыми любимцами – к их числу принадлежали бояре Басмановы, князь Вяземский, дворяне Малюта Скуратов и Василий Грязной. Всем им предстояло печально прославиться в годы опричнины.

Опричнина, 1565–1572 годы Житие митрополита Филиппа

В декабре 1564 года царь после долгого путешествия по монастырям вместе с семьей покинул Москву и остановился в Александровской слободе (ныне город Александров), при этом вывез с собой казну и государственный аппарат, и оттуда направил в Москву послание митрополиту, обвиняя бояр и духовенство в измене и сообщая о своем намерении отречься от престола. Другое послание, адресованное народу, заверяло, что самодержец гневается лишь на бояр, а на простых людей «обиды не держит». Царь добивался признания за ним абсолютной власти. Бояре и многочисленная народная депутация умолили царя вернуться на царство, Иван же потребовал, чтобы дума наделила его правом казнить изменников по своему усмотрению, а также согласилась на разделение страны на опричнину (личные царские земли – северные промысловые края, ряд подмосковных уездов, часть Москвы и рубежи Литвы) и земщину (остальная территория России). Опричные земли царь раздавал тем, кто пользовался его доверием, а прежних владельцев изгоняли и ссылали. Из опричников – новых владельцев конфискованных земель – составили опричное войско, причем его организация напоминала устройство монашеского ордена: во главе игумен (сам царь), пономарь (Скуратов), келарь (князь Вяземский)... По замечанию Пискаревского летописца, «в том же году попущением Божиим за грехи наши взъярился царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси на все православное христианство по злых людей совету Василия Михайлова Юрьева да Олексея Басманова и иных таких же, и учинил он опричнину...»

Изменником в эти годы объявляли всякого, кто имел неосторожность сказать о царе и его приближенных «худое слово», казненных было около 3500 тысяч человек. Не миновала печальная участь даже первое духовное лицо России – митрополита Филиппа (Федора Степановича Кольчева), обличавшего опричнину и отказавшегося благословить царя.

Исконному же злодею, началопагубному змею, лукавому хищнику, древнему завистнику, лукавому шепотнику, сатане проклятому, мало ему со своими угодниками бесами тьмообразной своей погибели. Но, еще лъстя, жаждет, желает вселенную злобою погубить, беспрестанно воюя против христианской веры и благородных людей. Наиболее же всего вооружаясь на благопоспешных духовных правителей, наводит на них смертоносные скорби: самих же себя окаянных, на горшую муку. Они же, велехвальные страстотерпцы, с Божией помощью все с благодарением переносят и ото всех Царя и Содетеля победными вечными венцами украшаются и к Нему приходят в вечный покой, пока не пройдут назначенные семь тысяч лет всегоршей муки и к предыдущей славе. Ныне же злокозненного его враждования слово изречем и тайную его часть ныне откроем, поскольку и в нас многие его многоплетения действуют. Не только в простых людях осуществляются те вражьи наветы, но и до самых советных царевых палат доходят. И вельможи между собою воздают ненавистью за любовь, гордостью над смирением возносятся и злыми своими гнусными умышлениями друг на друга словно змеи шипят и всякие злые вещи соплетают.

Неудобно писанию предать, но и самого благочестивого царя сильно возмутили на гнев и ярость сами на себя воздвигли. И от тех советов верных своих слуг и известных сродников восприняв елей, нагоняет страх на бояр своих и неукротимо гневается. И из-за таких злых соблазнов собирает совет и весь освященный собор во царствующем городе своем Москве. И вызывает Новгородского архиепископа Пимена, Казанского Германа, Ростовского Корнилия, Крутицкого Германа, Суздальского Пафнутия, Рязанского Филофея, Смоленского Феофила, Тверского Варсонофия, Вологодского Макария и прочих епископов и архимандритов, и игу-

менов, и всех бояр своих. И возвещает им свою царскую мысль: решил он царство свое разделить, а царский двор перенести в Александровскую слободу и хочет, чтобы они эту мысль благословили. Блаженный же Филипп и другие епископы решили, укрепившись между собою, против такового начинания крепко стоять. Но один из них, славлюбивый, облеченный епископским саном, донес царю об их общем совете, и многие отказались от общего решения. И не только царева страха убоялись, но и на блаженного Филиппа иные из них восстали, если он об их решении объявит.

Царь начал свой совет, все же от страха не смели ничего сказать. Иные же, желающие славы мира сего, молчали, и никто не смел говорить что-либо против царя или его умолить, или тем, кто его возмущает, запретить. Блаженный же Филипп приступил к царю и сказал: «Знаем тебя как хранителя благочестия и истинного поборника, и православия снабдителя, и своей державы осмотрительного правителя. Никто ничего на державу твою злого не советует – свидетель тому Всевидящее Око. О царь! Мы от отцов наших приняли обычай почитать царя, но прежде всего благоразумие в нем чтить. Прекрати такое неуютное начинание, держись, прежде чем пожелать, разума; встань крепко на камени веры, он же крепко Господом заложен. Подражай добродетелям, которыми и отец твой, царь и великий князь Василий, возвысился. Возвысься благочестием, сияй смирением и просветись любовью Божественного Духа. Желанием добродетели назидайся в правой вере. Благие деяния и честное житие – это не дрова, не сено, не стебли, мгновенно сжигаемые грехом, годные только к сожжению и более ни к чему не годные, но золото и серебро.

Для того ли собрались мы, отцы и братия, чтобы молчать? Почему боитесь правду сказать? Ваше молчание грех влагает в душу царице, а своей душе оно на горшную погибель. Православную веру в скорбь и смущение повергает. Почему желаете тленной славы мира сего? Ни высокий сан мира сего не избавит от муки вечной претупающих заповеди Христовы, но наше истинное должное стремление – иметь духовное попечение о благочестии, благоверии, смирении всего православного христианства. На то ли взираете, что молчит царский синклит – все они связаны куплями житейскими. Нас же Господь Бог ото всего этого освободил, да знают ваши преподобия, что для этого поставлены – исполнять всякую истину. Исполнившие же этот завет, венцом небесным будут увенчаны, если душу свою полагаете за порученное стадо. Но если об истине умолчите, сами знаете, что в день судный истязаны будете за все, что вам поручено Духом Святым».

Они же смиреннообразно стояли, пособники предательства и злобы, творящие угодное царю, – Пимен Новгородский, Пафнутий Суздальский, Филофей Рязанский. А также сингел благовещенский Евстафий – тогда он пребывал в запрещении согласно правилам. Он же был духовником царю и непрестанно, явно и тайно, возводил напраслину на страстотерпца Филиппа. Прочие же не встали ни на сторону Филиппа, ни на сторону других, но поступали, как царь захочет. Как сказал пророк: «Там убоятся страха, где нет страха». Царь понял, что никто не смеет противостоять ему, но все его воле повинуются и благословляют, кроме одного блаженного Филиппа, выступавшего против него, говорящего ему о благочестии и убеждающего, чтобы не разделял царства. И никто не поддержал блаженного Филиппа – все вместе уклонились, сделались равно непотребными, не делающими добра. И разгневался царь на святого и начал по воле своей и по их совету дела свои творить. Тех князей и бояр и прочих вельмож, которые ему угодны были, называли опричниками, то есть дворовыми людьми; других же князей и бояр и прочих вельмож называл земскими. Также и все земли державы своей разделил.

Прошло немало времени после того совета. Царь находился во своем любимом доме, в прежде упоминаемой слободе: моими слезными словами называемая слобода, а на деле ставшей древним египетским обольщением. Там первородных губили, а здесь, словно колосья, православных пожинали. Отовсюду лютейшим огнем горячей золы попалило землю – не варва-

ров нашествие, не градобитие виноградники наши погубило, но самоизвольный мрак страха и тьма дерзновения покрыли, неминуемо губя первенцев наших. Хотя не помазывались кровию дома наши, но бедствовало благочестие и убивались души первенцев. Хоругви увидев, внезапно поняли, что окружен царствующий город, и услышали, что явился страшный царь со всем своим воинством вооруженным. Все вооружены, все на одно лицо и едины нравом, как и делами, зачав грех, порождая беззаконие. Все как один в черных одеждах, а иное неудобно предать писанию.

Входит же царь в соборную церковь Пречистой Богородицы. Он же – Нового Завета проповедник, великий Христов архиерей Филипп, если и не того Стефана сын, но сыном ему ставший своими благими делами, ревностию последовавший равноапостольному мученику Стефану. Он не утратился такового свирепства и, видя в православных великое возмущение неудобноносимыми бесчестными скорбями и ранами, просветился душою и, укрепившись сердцем, приступил к самодержцу и сказал: «О державный царь, ты выше всего имеющий сан, почитай более всего Бога, сподобившего тебя этого сана, потому что по подобию небесной власти дан тебе скипетр земной силы, чтобы ты научил людей хранить правду. Подобаает тебе, смертному, не возноситься, но, подражая Богу, не гневаться, поскольку почтен ты образом Божиим, но в то же время и пыли земной причастен, этим же всегда научайся. Тот воистину наречется властелином, который сам собою владеет и нелепым похотям не потворствует, но имея помощника – непобедимого самодержца, благоверный ум, который самовольных похотей всеотомительное хотение побеждает оружием любви и целомудрия. С древних времен не слышано, чтобы благочестивые цари свою державу возмущали! Ни при твоих праотцах такого не случилось, ни среди иных народов такого не помышлялось».

Услышал царь обличения святителя и, не стерпев, в ярости сказал: «Какое тебе, чернецу, до наших царских советов дело? Не знаешь того, что меня мои же хотят поглотить?» Святой же отвечал: «Я, как ты спрашиваешь, по данной нам благодати Пресвятого и Животворящего Духа и по избранию священного собора, и по вашему изволению, – пастырь Церкви Христовой. Вместе с тобою должен попечение иметь о благочестии и о смирении всего православного христианства». Царь же сказал: «Одно, тебе, честной отче, говорю: молчи, а нас на это благослови по нашему изволению». Блаженный же отвечал: «Благочестивый царь! Наше молчание грех на твою душу налагает и всенародную приносит смерть, как и о мореплавателях говорится: когда капитан корабля соблазнится, то небольшой вред приносит плавающим с ним, но когда соблазнится кормчий, то всему кораблю приносит погибель. Если же и мы воле человеческой будем последовать, как произнесем в день пришествия Господа: “Вот я и дети, которых дал мне Господь?” Ибо Господь сказал в святом Евангелии: “Сия есть заповедь Моя – да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, если кто положит душу свою за друзей своих”. И еще: “Весь закон и пророки в двух заповедях: возлюби Господа Бога всем сердцем своим и ближнего, как самого себя”. И наставляя учеников, сказал: “Если в любви Моей пребудете, воистину учениками Моими будете”. Так и мы мыслим и держимся этого крепко».

Царь же сказал: «Владыко святой! Восстали на меня, как и Давид в скорби говорил: “Друзья мои искренние отступили от язвы моей и ближние мои стоят вдали. Ищущие же души моей ставят сети”». Святой же отвечал: «Господин мой царь, это говорят тебе лукавые и лживые, прими тех, которые подадут благой совет, тех, кто не будет постоянно творить дела зависти, но только воистину пользу соблюдают. Другие же лишь на угождение власть имущим взирают. Но не разделяй единую державу: ты поставлен от Бога повелевать людьми Божиими в правде, а не мучительно. Доброчестие царя словно венцом украшает, богатство же уходит, и власть проходит, и слава исчезает. Но жизнь с Богом бессмертные века продолжается. Никто из живших в мире из того, что собрал, с собой после смерти не берет, но все оставляет на земле. Нагим отчитывается о жизни своей. Ты же неправо говорящих обличи и отстрани от себя,

словно гнилой член, а людей своих в единении устрой, чтобы в нелицемерной Божественной любви пребывали».

Царь же сказал: «Филипп, не прекословь власти нашей! Не чудных и лживых принимай, но лишь дающих благие советы, не льстивых. Всегда достигнет гнев мой тебя или этот сан оставь». Святой же отвечал: «Благочестивый царь! Я не умолял ни тебя, ни ходатаев к тебе не посылал, ни богатством твои руки не наполнял, чтобы власть эту воспринять. Зачем лишил меня пустыни отцов, если смело каноны преступаешь по своему желанию? Не подобает начатому подвигу ослабевать». Царь же ушел к себе в палаты в великом раздумии и на святого гневаясь. Того же начинания советники злобные, Малюта Скуратов да Василий Грязной со своими единомышленниками, непрестанно строили ковы против блаженного. Увещевали царя, чтобы он не отступался от своего решения, после же и сами претерпели горшее от этого. Православной же вере от той опричнины великое возмущение случилось в мире: и кровопролитие, и суд не по правде. И от этой обступившей скорби возненавидели люди друг друга. Некие же благоразумные правители, истинные и искусные мужи, и первые вельможи, и весь народ пришли к пастырю своему с великим рыданием, чтобы заступился за них. Постоянно видя смерть, слова не могли вымолвить, только показывали ему свои раны различные. Чадолубивый же отец, любовью утешая их, говорил: «Не скорбите, о чада! Верен Господь, не позволит вам искувиться сверх силы и не попустит до конца пребывать этой лжи. Если и воздвиг враг на нас рать, но постепенно все на голову его обрушится». Они же, питаемые истинными словами, расходились по домам.

Как-то в день воскресный совершал блаженный Филипп божественную службу, предстоя в алтаре по чину Захарии и Аарона, кадило добровонно со угождением вознося горе, укрощая ярость Божию пречестными молитвами. Пришел же в соборную церковь Пречистой Богородицы царь к соборному пению, облеченный в черные ризы, так же и прочие были одеты. А на головах высокие шлыки, подобные одеяниям, словно одежды халдеев. Все бояре и синклит – в единых одеяниях. Филипп же, все по молебному чину совершив, возрадовался о приходе царя и, исполнившись божественного света, всю надежду на Бога возложил, надеясь достойно хриstopодражательно подъять ярем в кротости душевной. Воистину разжегся огнем божественной любви и словно адамант непоколебимый стоял на уготованном месте. Царь же к этому месту приблизился, трижды испрашивая благословения. Святитель же не отвечал ему ничего.

Бояре же говорили: «Владыко святой, благочестивый государь всея России, Иван Васильевич, пришел ко твоей святости и требует благословения от тебя». Блаженный же посмотрел и сказал: «Царь благой, кому поревновал, что таким образом красоту свою изменил и неподобно преобразился? С тех пор, как солнце в небесах пребывает, не слышано, чтобы благочестивый царь свою державу возмущал. Убойся, о царь, Божьего суда! Мы, царь, приносим жертву Господу чистую и бескровную за спасение мира, а за алтарем неповинно льется кровь христиан и люди напрасно умирают. Ты, царь, хотя и образом Божиим почтен, но и праху земному причастен, и ты прощения грехов требуешь. Прощай и тех, кто против тебя согрешает, поскольку тому, кто прощает, даруется прощение». Царь же возгорелся яростию и сказал: «О Филипп, наше ли решение хочешь изменить? Не лучше ли тебе хранить с нами единомыслие?» Святой же отвечал: «О царь, тщетна будет вера наша, тщетно и проповедание апостольское и не принесет пользы нам Божественное предание, которое нам святые отцы передали, и все доброделание христианского учения. И даже само вочеловечение Владыки, совершенное ради нашего спасения. Он все нам даровал, чтобы непорочно соблюдали мы дарованное, а ныне мы сами все рассыпаем – да не случится с нами этого! Взыщет Господь за всех, кто погиб от твоего царственного разделения. Но не о тех скорблю, кто кровь свою неповинно пролил и мученически скончал жизнь свою, поскольку ничтожны нынешние страдания для тех, кто желает, чтобы в Царстве Небесном им воздалось благом за то, что они претерпели. Но пекусь и беспокоюсь о твоём спасении».

Царь же ни апостольского обличения, ни запрещения, ни учения не воспринял, но разгневался на него сильно и, руками размахивая, угрожал ему изгнанием и различными муками и смертными угрозами. И сказал Филипп: «Нашей ли власти сопротивляешься? Видя крепость твою, долготерпеливый пастырь не убоится ни запрещения, ни предреченных мук. Как и все отцы мои, за истину благочестия подвизаюсь, даже если и сана лишат или лютейше надлежит пострадать – не смирюсь». Услышав это, царь исполнился ярости. Служители злобы на блаженного Филиппа стали клеветать, что он ложно говорит о царской власти, насмехается, поскольку от лукавого в сердце принял заповедание – болезнь душевную раскрыл и сокровенно обнажил лукавство. Отовсюду наветы доносили царю, стремясь изгнать Филиппа не только с престола, но и из города – мужа, достойного вечных селений. Но он пребывал непоколебим, воспевая с Давидом: «Если и ополчится на меня полк, не утрашится сердце мое».

Царь же решил не просто его низвергнуть, чтобы не возмутился народ. Вскоре после известий от лжесвидетелей посылает он на Соловки суздальского владыку Пафнутия, да архимандрита Феодосия, да князя Василия Темкина, а с ним множество воинов, чтобы дознаться о блаженном, каковым было его прежнее житие. Придя в Соловецкий монастырь, покушались они неправду творить: склоняли на угождение царю живущих там иноков, иных ласканием и мздоимством, иных сановными почестями умягчая. Они же по образу благочестия и нрав имея, словно добрые страдалцы всякие скорби с радостью принимали за своего пастыря. Все, словно едиными устами, наполняемыми Святым Духом, вопияли: «Непорочно его житие и в Боге попечение о святом месте этом и о братском спасении». Те же не желали слышать о святом благих свидетельств и, возвратившись в Москву, взяли с собою игумена Паисия, таково имя легкоумного, более же безумного, с иными клеветниками. И представили перед царем лжесвидетелей и лживые и многосмутные свитки свои положили.

Царь же, услышав про эти книги, что они угодны ему, повелел их перед собою и перед боярами прочесть. И поскорее гнев свой исполнить желая, не убоился суда Божия, поскольку не подобает царям вину святителей расследовать, но епископы их согласно правилам судят. Если он вины достоин, то тогда и царь власть свою употребляет. Здесь же царь все самовластно сотворил – послал боярина своего Александра Басманова со многими воинами и повелел блаженного Филиппа изгнать из церкви. Пришел же боярин в соборную церковь Пречистой Богородицы и изрек пастырю царицы слова: «Недостойн ты святительского сана!» И повелел перед ним и перед всем народом прочесть лживо составленные книги. Пришедшие же с ним напали на святого, как свирепые звери, и совлекли с него святительские одежды. Он же обратился к служителям и сказал: «О чада, печально наше разлучение. Но радуюсь, поскольку ради Церкви все это принимаю. Настанет время, когда овдовеет Церковь. Пастыри же, словно наемники, будут презираемы, и никто в совершенстве седалище не сможет удержать и во святой этой церкви Божией Матери никто погребен не будет».

Эти слова, произнесенные им, многих в удивление привели. Возложили на него ризы иноческие, ветхие и разодранные, и изгнали его из церкви. Посадили в повозку и повезли за пределы города. Иные же ругались над ним, и метлами били, и тьмами злодейственных укуризи осыпали. Филипп же, поруганные ризы на себе видя и досаждения слыша, веселился, укрепляясь надеждою на будущие блага, словно мученик. Царь же, узнав об этом, по прошествии восьми дней повелел блаженного привести в монастырь Святого чудотворца Николая, прозываемого старым. После же этого отломил ветвь от прекрасного корня родства трудолюбивого пастыря, сорвал плод, чтобы преломить душу крепкого. Повелел брата казнить родного – Михаила Ивановича Колычева и голову послал к нему. Святой же Филипп встал благочестиво и, со всякой честью восприняв ее, поклонился до земли и благословил и любезно целовал ее и сказал: «Блаженны те, кого избрал и принял Господь, память их из рода в род». И возвратил ее принесшему.

Увидев же терпение твердого адаманта, и непоколебимое настроение, и то, что он не отступает от своего решения, осуждает крепкого в Отрочь монастырь близ города Твери. Через некоторое же время неблагодарного надзирателя приставляет. Находился блаженный в заточении почти год, скорбями стесняем и досаждениями приставников. В это время царь отправился в Великий Новгород, свое начинание желая осуществить. Еще не дошел царь до Твери, близ которой блаженный был заточен, а злобный подстрекатель против святого, Малюта Скуратов, внезапно, без опасения, входит в келию святого. Блаженный же Филипп за три дня до его пришествия бывшим с ним сказал: «Приспело время завершить мой подвиг». Они же не уразумели, что он говорит, до тех пор, пока он не скончался. А он просветлялся лицом, говоря: «Скоро мое отшествие». Принял же причастие – пречистое тело Христа, Бога нашего, и дивоточную кровь, и преобильно исполнился Пресвятого Духа, и стал тайноведцем сокровенных вещей. Малюта же, исполненный лукавства властолюбивого раба, умильно припадая к блаженному, сказал: «Поддай благословение царю, владыко святой, чтобы идти ему в Великий Новгород». Блаженный же отвечал: «Пусть будет так, как ты хочешь, о любезный. Напрасно меня искушаешь и дар Божий лестью похитить желаешь...»

И начал молиться: «Владыко, Господи Вседержитель! Приими с миром дух мой и пошли ангела мирного от Пресвятой Славы Твоей, чтобы усердно наставлял меня Трисолнечному Твоему Божеству. Да не возбранен мне будет исход начальником тьмы с падшими его силами. И не посрами меня перед ангелами Твоими, и к лику избранных Твоих причти. Яко благословен вовеки. Аминь». Каменосердный муж зажал ему подушкой уста, обличающие неистовство суетных. Так святой предал душу свою в руки Божии – увенчался мученическим венцом 23 декабря 1570 года. Жизнь окончил и подвиг совершил. Малюта Скуратов, свершив то, что хотел, вышел из келии и с пронырством начал говорить настоятелю обители и приставникам, что из-за их небрежения митрополит Филипп умер от печного угара. Они же, одержимые страхом, ничего не могли отвечать. Малюта велел вырыть глубокую яму и повелел погрести многотрапальное тело блаженного Филиппа за алтарем великой церкви Пресвятой Богородицы.

Расправа в Новгороде состоялась через год после гибели митрополита: были разграблены многие монастыри, разорены боярские усадьбы, а в самом городе ежедневно убивали до 1000 человек, так что вода в реке Волхов покраснела от крови. После Новгорода настала очередь Пскова (впрочем, здесь горожане остались целы, только лишились имущества) и самой Москвы. По сообщению летописи, это была кара за измену: «Государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси собрал все свое воинство и пошел на Великий Новгород и там многое множество людей новгородских побил и богатства много взял. Также пошел и ко Пскову-граду и много воевал, и богатство бесчисленное взял. И громил их царь Иван Васильевич за их измену великую, что новгородцы хотели сдать Великий Новгород и град Псков с пригородами своими и хотели обоими городами поклониться королю литовскому... Того же лета по повелению великого государя царя и великого князя московского и всея Руси была в Москве казнь великая всяких чинов за их вину, а на площади казнили гостей изменников и торговых людей, и воинских, и иных по рассмотрению своему, кто чего достоин, и после того времени установилась в Москве тишина великая в людях и безмолвие великое во всех русских городах».

В 1571 году, воспользовавшись этой «тишиной великой в людях», в Россию вторгся с войском крымский хан Девлет-Гирей. Почти не встречая сопротивления, он дошел до Москвы, разграбил и сжег город дотла, а царь едва успел укрыться в Александровской слободе. Год спустя русские воины встретили татар у реки Лопасня (приток Оки).

Битва при селе Молоди, 26 июля – 3 августа 1572 года Разрядная книга

Русским войском командовал князь Михаил Воротынский, в распоряжении которого имелось новое оружие – так называемые гуляй-города, передвижные башни: внутри них прятались стрельцы, вооруженные пищалями.

И первое дело было с крымским царем в субботу сторожевому полку князя Ивана Петровича Шуйского на Сенкином броду. А на следующий день царь крымский Оку перелез. И было дело с ним князьям Миките Романовичу Адуевскому да Федору Васильевичу Шереметеву на Оке выше Нары. А большое дело было боярам и воеводам с крымским царем в среду на Молодах. И Божиею милостию крымского царя Девлет-Гирея и ширинских князей побили и Дивея-мурзу взяли. И боярин князь Михайло Иванович Воротынский со товарищи послали к государю с радостной вестью князя Данила Ондреевича Нохтева Суздальского.

А как крымский царь приходил, на Сенкином перевозе стояли по сю сторону Оки двести человек детей боярских. И Теребердей-мурза с нагайскими татарами пришел на Сенкин перевоз в ночи и тех детей боярских разогнал и разгромил и плетени из подкопов вынимал да перешел на сю сторону Оки. А бояре и воеводы в ту пору стояли от Серпухова в трех верстах. Июля в 28 день в понедельник тот Теребердей-мурза пришел под Москву и вокруг Москвы занял все дороги.

А крымский царь в 27 день из-за Оки пришел и стрелял по полкам государевых бояр и воевод. А государевы бояре и воеводы, князь Михайло Иванович Воротынский со товарищи, по татарским полкам из пушек из гуляй-города стрелять не велели. И той ночью крымский царь на том же Сенкине перевозе перешел Оку со всеми своими полками и на том месте оставил татар тысячи две и велел им противиться, покамест он Оку переходит. А боярам и воеводам пришла весть в понедельник рано, что крымский царь перешел через Оку на московскую сторону со всеми людьми. И того же дня бояре и воеводы со всеми людьми пошли за царем. И передового полку воеводы князь Андрей Хованский да князь Дмитрий Хворостинин пошли на крымский сторожевой полк. А в сторожевом полку были два царевича. И учинили дело на Молодах и домчали крымских до царева полка. И царевичи побежали и стали царю говорить, что к Москве идти незачем: московские люди побили нас здесь, а в Москве у них людей и того пуще.

И царь крымский послал нагайских и крымских татар двенадцать тысяч. И царевичи с татарами передовой государев полк гнали до гуляй-города, а как пробежали гуляй-город справа, так в ту пору боярин князь Михайло Иванович Воротынский со товарищи велел стрелять по татарским полкам изо всего оружия. И в том бою многих татар побили. И крымский царь оттого к Москве не пошел, ибо убоялся, что государевы бояре и воеводы идут за ним; перейдя Пахру, крымский царь в семи верстах от нее встал в болоте со всеми людьми. А государевы бояре и воеводы пошли за царем и на другой день во вторник с крымскими сошлись. И крымский царь воротился из-за Пахры против государевых бояр и воевод. И июля в 30 день крымский царь сошелся с государевыми боярами и воеводами на Молодах, от Москвы за полпятьдесят верст. Боярин князь Михайло Иванович Воротынский со товарищи в ту пору гуляй-город поставили. И большой полк стоял в гуляе-городе, а иные полки стояли за гуляем, недалече. И начали с крымским царем биться. И в среду было дело великое. И Божиею милостию и государевым счастьем крымского царя побили и нагайского большого мурзу Теребердея убили; да на том же бою взял суздалец сын боярский Темир Алалыкин крымского большого мурзу

Дивея; и многих мурз поймали да ширинских князей трех братьев убили, да царевича астраханского взяли живым.

А в четверг да в пятницу с крымскими сталкивались, а в субботу царь крымский послал царевичей и нагайских татар и многие полки пеших и конных к гуляю-городу – отбивать Дивея-мурзу. И татары пришли к гуляю и пошли на приступ; и тут многих татар побили и руки пообсекли без числа. И боярин князь Михайло Иванович Воротынский обошел с своим большим полком крымских долом, а пушкарям приказал из пушек и из всех пищалей стрелять. И как выстрелили из всего, князь Михайло Воротынский напал на крымские полки сзади, а из гуляя-города князь Дмитрий Хворостинин с немцами вышел. И на том поле убили царева сына да внука царева, и многих мурз и татар живыми взяли.

И того же дня августа во 2 день к вечеру оставил крымский царь для прикрытия в болоте крымских татар три тысячи и велел им биться; а сам той ночью побежал за Оку. И воеводы утром узнали, что царь крымский побежал, и на тех оставшихся татар пошли всеми людьми, и тех татар побили. Да на Оке крымский царь оставил заслон в тысячи человек. И тех татар побили с тысячу, а иные перетонули, а иные ушли за Оку.

Сегодня многие историки сравнивают сражение при Молодях по его значению для России с Куликовской битвой: битва на Куликовом поле показала русским, что они способны победить монголов, а поражение при Молодях лишило татар возможности подчинить Россию – возможности, многим казавшейся вполне реальной.

О царствовании Иоанна Грозного, 1575 год Джером Горсей

В правление Ивана Васильевича в Китай прибыло первое русское посольство (1567 год), были установлены регулярные торговые отношения между Антверпеном и портами на Белом море, Россия начала налаживать торговые связи с Европой. Этому помог случай: в Москву из устья Северной Двины прибыл англичанин Ричард Ченслер, капитан торгового корабля, искавшего «северный проход» в Индию; царь обласкал Ченслера и передал через него приглашение английским купцам торговать в России. Англия и Россия позже обменялись посольствами – в Москве обосновалась английская торговая компания («Московская компания»), получившая прежде всего право беспошлинной торговли. В состав английского посольства входил дипломат Джером Горсей, автор известных записок о царствованиях Ивана Грозного и его наследника.

Эти записки позволяют взглянуть на исторические события «глазами постороннего», человека в значительной степени беспристрастного, каковым не был ни князь Андрей Курбский, ни другие опальные, ни придворные хронисты. (В этом отношении весьма любопытно замечание другого иностранца, польского шляхтича Р. Гейденштейна, который писал об Иване Грозном: «Тому, кто занимается историей его царствования, тем более должно казаться удивительным, что при такой жестокости могла существовать такая сильная к нему любовь народа, любовь, с трудом приобретаемая прочими государями только посредством снисходительности и ласки, и как могла сохраниться необычайная верность его к своим государям. Причем должно заметить, что народ не только не возбуждал против него никаких возмущений, но даже высказывал во время войны невероятную твердость при защите и охранении крепостей, а перебежчиков было вообще очень мало. Много, напротив, нашлось и во время этой самой войны таких, которые предпочли верность князю, даже с опасностью для себя, величайшим наградам». Русские источники об этой любви народа практически не упоминают.)

Царь <...> послал собрать зажиточных купцов, ремесленников и торговцев со всех городов и мест своего государства, чтобы отстроить и заселить столицу и перенести в нее оживленную торговлю; для этого он отменил все налоги, ввел беспошлинную торговлю, затем подрядил семь тысяч каменщиков и строителей построить красивую каменную стену вокруг Москвы, что и было сделано за 4 года, стена получилась высокая и красивая, украшенная большими медными орудиями, затем он восстановил свои приказы судей и управляющих чиновников – все в той форме, в какой они существовали до этого. Сам царь находился большей частью в Вологде, которая стоит на реке Двине, и в Александровской слободе, общаясь главным образом с Элизиусом Бомелиусом, доктором медицины; царь послал в Англию за умелыми строителями, архитекторами, плотниками, столярами и каменщиками, ювелирами, медиками, аптекарями и другими мастерами, выстроил каменное казнохранилище, а также большие барки и судна, чтобы в случае необходимости отправить свою казну в Соловецкий монастырь на Северном море – прямом пути в Англию.

Обирая своих купцов, он обменивал взятые у них товары у иностранцев на одежду, шитую золотом, талеры, жемчуг, драгоценные камни и т. п., все это он постепенно присоединял к своему богатству, не платя ничего или почти ничего и получая огромные суммы от городов, монастырей, истощая их богатства высокими налогами и пошлинами. Все это разбудило

против него такую ненависть, что, видя это, он размышлял, как обезопасить себя и свои владения. <...>

Царь жил в постоянном страхе и боязни заговоров и покушений на свою жизнь, которые раскрывал каждый день, поэтому он проводил большую часть времени в допросах, пытках и казнях, приговаривая к смерти знатных военачальников и чиновников, которые были признаны участниками заговоров. Князь Иван Куракин был найден пьяным, как рассказывали, будучи воеводой в Вендене, далеком городе в Ливонии, когда король Стефан осадил его; [за это] он был раздет донага, брошен в телегу и засечен досмерти на торговой площади шестью проволочными кнутами, которые изрезали его спину, живот и конечности. Другой, насколько я помню, по имени Иван Обросимов, старший конюх, был подвешен на виселице голым за пятки, четыре палача резали его тело от головы до ног; один из них, устав от этой долгой резни, ткнул нож чуть дальше, чтобы скорее отправить его на тот свет, но сам он за это был тотчас же взят в другое место казней, где ему отрезали руку, а так как ее не залечили как следует, он умер на другой день. Многие другие были убиты ударами в голову и сброшены в пруды и озера около Слободы, их трупы стали добычей огромных, переросших себя щук, карпов и других рыб, покрытых таким жиром, что ничего, кроме жира, на них нельзя было разглядеть. Это место было похоже на долину Геенны или Тофета, где язычники-египтяне приносили в жертву своих детей мерзким дьяволам. Князь Борис Тулупов, большой фаворит в те времена, будучи уличен в заговоре против царя и в сношениях с опальной знатью, был посажен на кол, заостренный так, что, пройдя через все тело, он вышел у горла; мучаясь от ужасной боли и оставаясь живым 15 часов, князь разговаривал со своей матерью, княгиней, которую привели посмотреть на это ужасное зрелище. И она, почтенная добрая женщина, за этот же проступок была отдана на поругание сотне стрельцов. Ее раздувшееся нагое тело было приказано отдать псарям, бросившим его голодным псам, растащившим его на куски, валявшиеся повсюду. Царь при виде этого сказал: «Кого жалуя, тех содержу в чести, а кто мне изменил, тому воздам такую же казнь». Друзья и слуги князя горько оплакивали это несчастье и перемену судьбы. Я мог бы перечислить многих из тех, кто на себе почувствовал жестокость тяжелой в гневе руки царя, однако поберегу скромность и христианское терпение моих читателей.

Царь наслаждался, купая в крови свои руки и сердце, изобретая новые пытки и мучения, приговаривая к казни тех, кто вызывал его гнев, а особенно тех из знати, кто был наиболее предан и любим его подданными. В то время он всячески противопоставлял им и поддерживал самых больших негодяев из своих военачальников, солдат, все это на деле привело к росту враждующих и завистников, не осмелившихся даже один другому доверять свои планы свержения царя (что было их главным желанием). Он видел это и знал, что его государство и личная безопасность с каждым днем становятся все менее надежными. Беспокоясь о том, как бы избежать участи своих жертв, он подробно расспрашивал Элизиуса Бомелиуса – как указано выше, лживого колдуна, получившего звание доктора медицины в Англии, искусного математика, мага и проч., – о том, сколько лет королеве Елизавете, насколько успешно могло бы быть его сватовство к ней. И хотя он имел причины сомневаться в успехе, так как две его жены были еще живы, а кроме того, королева отказывала в сватовстве многим королям и великим князьям, однако он не терял надежды, считая себя выше других государей (princes) по личным качествам, мудрости, богатству и величию. Он решился на эту попытку; с этой целью постриг в монахини царицу, свою последнюю жену, обрекая ее жить как бы умершей для света. И, как я уже рассказывал ранее, с давнего времени имея мысль сделать Англию своим убежищем в случае необходимости, построил множество судов, барж и лодок у Вологды, куда свез свои самые большие богатства, чтобы, когда пробьет час, погрузиться на эти суда и спуститься вниз по Двине, направляясь в Англию, а в случае необходимости – на английских кораблях.

Своего старшего сына, царевича Ивана, он оставлял управлять и умирять свое беспокойное государство. С этой целью он задумал изыскать новые богатства, чтобы упрочить власть

своего наследника, и теперь привел в исполнение свое давнее намерение. Он потребовал к себе главное духовенство, аббатов, архимандритов и игуменов всех наиболее влиятельных, богатых и известных монастырей и обителей всего царства, которых было великое множество, и сказал, что «им самим лучше известно то, что он хочет им сообщить. Он отдал свои лучшие годы, ум, силы и молодость борьбе за их благополучие и безопасность, охране и защите своего государства и людей; им лучше других известны все беды и опасности, через которые он прошел. Им одним он поверяет свою мольбу, потому что они одни пожинали его плоды. В результате его богатства истощились, а их увеличились, упрочив их безопасность и спокойствие, он не жалел свои, ежедневно подвергая себя опасности со стороны врагов и бунтарей как у себя дома, так и за границами государства, о чем они, как он чувствует, знают слишком хорошо. Как могут он и они сами существовать далее без взаимной необходимой поддержки? Их готовность должна стать пробным камнем, испытанием их верности так же, как и их добрая воля, которая будет доказана ненужностью принуждения. Их уповающие молитвы не доходят [к Богу] или из-за их беззаконий, или из-за грехов его и его людей, или по этим обеим причинам, – он оставляет это для решения Богу. Теперь же он ожидает от их благочестивых помыслов и деяний, что они уделят ему часть своих нечестных богатств. Этой жертвы от них требует крайняя нужда, бедственное положение, в котором находятся и он и народ. Принести ее для спасения их душ и искупления их грехов повелевают им души их заступников и жертвователей, святых угодников и чудотворцев. Итак, пусть приготовят они свои благочестивые решения, не лжемудрствуя и не пытаясь ему отказать».

Высокий областной собор был созван в великой консистории Св. Духа; присяга на верность была принесена в городе Москве. Некоторые боялись, что он потребует у них все; после долгих обсуждений и совещаний они подробно изложили свои рассуждения в грамоте, представленной на царское рассмотрение. Царь имел наушников, державших его в известности обо всем происходившем. Он медлил с ответом, метал угрозы, которые доносились лазутчиками до совещающихся. Наконец он призвал 40 наиболее значительных и назойливых духовных особ и сказал им, что они слишком долго размышляют над этим: «Мы знаем из ваших обсуждений и решений, что вы – главные из порочных единомышленников. Кроткая мольба расстроенного государства и жалкое положение моих людей, а также плохое состояние моих дел не могли ни тронуть вас, ни возбудить в вас сочувствие. Чем воздадим вам за ваши “жертвы”? Знатные люди и простой народ стонут от поборов, которыми вы поддерживаете свое сословие; вы захватили все богатства, вы торгуете всеми товарами, выторговывая себе доходы из предприятий других людей, имея привилегию не платить ни налоги в казну, ни пожертвования на войну, вы запугиваете благороднейших, лучших и состоятельнейших из наших подданных, принуждая их отдавать вам свои имения за спасение души; вы получили, по достоверным подсчетам, третью часть всех городов, аренд, деревень нашего государства своим колдовством и уговорами. Вы покупаете и продаете дух и плоть наших людей. Вы живете праздной жизнью в удовольствиях и лакомствах, совершая самые ужасные прегрешения, вымогая деньги, пользуясь взяточничеством и лихоимством свыше возможного. Вы погрязли во всех вопиющих грехах, обжорстве, праздности, содомском грехе, худшем из худших, с животными. Скорее всего, ваши молитвы не приносят пользы ни мне, ни моим подчиненным. Мы в большом ответе перед Богом за то, что сохраняем вам жизнь, смерть гораздо более вас достойна, Бог да простит мне мое к вам пристрастие...»

Главные епископы, духовенство, аббаты собирались и расходились много раз. Сильно ошеломленные и обескураженные, они старались придумать вместе с опальной знатью, как бы повернуть дело и начать мятеж, но для этого нужен был вождь, у которого хватило бы мужества повести за собой эти силы против могущественной власти царя, а кроме того, у них не было ни лошадей, ни оружия. Между тем царь воспользовался этим заговором и извлек из него для себя пользу. Он объявил изменниками всех возглавлявших эти обители. Чтобы сделать их еще

более ненавистными, он послал за 20 главными из них, обвинил их в самых ужасных и грязных преступлениях и вероломстве с такими неоспоримыми и явными уликами, что виновность их была признана всеми сословиями. <...>

Вскоре после того царь разъярился на своего старшего сына, царевича Ивана, за его сострадание к этим забитым бедным христианам, а также за то, что он приказал чиновнику дать разрешение какому-то дворянину на 5 или 6 ямских лошадей, послав его по своим делам без царского ведома. Кроме того, царь испытывал ревность, что его сын возвеличится, ибо его подданные, как он думал, больше него любили царевича. В порыве гнева он дал ему пощечину (метнул в него копьем), царевич болезненно воспринял это, заболел горячкой и умер через три дня. Царь в исступлении рвал на себе волосы и бороду, стонал и скорбя о потере своего сына. Однако государство понесло еще большую потерю: надежду на благополучие мудрого, мягкого и достойного царевича, соединявшего воинскую доблесть с привлекательной внешностью, двадцати трех лет от роду, любимого и оплакиваемого всеми. Его похоронили в церкви Св. Михаила Архангела, украсив его тело драгоценными камнями, жемчугом ценой в 50 тыс. фунтов. Двенадцать граждан назначались каждую ночь стеречь его тело и сокровища, предназначенные в дар святым Иоанну и Михаилу Архангелу. <...>

Убийство наследника престола в припадке гнева случилось в 1581 году.

За шесть лет до этого царь назначил мнимым царем и «князем всея Руси» крещеного касимского хана Симеона (Симеона Бекбулатовича), видимо, испугавшись пророчества, гласившего, что в 1575 году должен умереть «московский царь»: называя себя Иваном Московским, он отказался от всех титулов и прислуживал Симеону. Но через год фарс закончился – царевич был низложен.

После смерти Ивана Ивановича номинально наследником стал царевич Федор, второй сын от первого брака царя (всего Грозный был женат семь раз, а «растлил», по свидетельству летописей и того же Горсея, «более тысячи»; за год до своей смерти Иван Грозный обменялся посланиями с Елизаветой Английской – царь имел намерение жениться на племяннице королевы Марии Гастингс).

В том же 1581 году польский король Стефан Баторий, сумевший изменить неблагоприятный для своей страны ход Ливонской войны, отнял у русских города Южной Ливонии и подступил с войском почти в 100 000 человек ко Пскову.

Осада Пскова Стефаном Баторием, 1581–1582 годы Повесть о приходе Стефана Батория

Стефан, венгерский князь, стал королем нового государства – Речи Посполитой, в которое объединились Литва и Польша. Опытный дипломат и отличный полководец, он умело воспользовался слабостью коммуникаций русского войска, истощением припасов и нерешительностью его «верховного главнокомандующего», то есть царя.

В лето 1581 замыслил высокогордый, лютый и надменный король Литовский Стефан по прозвищу Баторий пойти на богоспасаемый град Псков. И стал войска собирать по всей земле своей... И пришли к королю Стефану люди из многих земель и стран – литовские, и польские, и угорские, и немцы цесарские, и датчане, и шведы, и из Любека, и из Брауншвейга, и из иных мест. Всяких наемных людей собралось 60 тысяч, а своих 40 тысяч, так что всего было у короля Стефана 100 тысяч человек, не считая торговых людей. И, видя такую великую силу, говорил высокогордый тот король Стефан:

– С такой силой не только Псков захвачу, но и Великий Новгород и все пределы новгородские!

Узнав о намерении безбожного короля Стефана пойти на богоспасаемый град Псков, благоверный царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич посылает во Псков боярина своего и воеводу князя Ивана Петровича Шуйского и других воевод, а с ними множество воинов. И дает им свой царский наказ: стоять им за православную веру христианскую, и за святые церкви, и за него, государя, и за все православное христианство, если придется, до самой смерти. <...>

Началась же осада богоспасаемого града Пскова 18 августа, на память святых мучеников Флора и Лавра.

Словно дикий вепрь из пустыни, пришел король Литовский со всеми своими силами. Словно адскую бездну, раскрыл он свою бездонную пасть, желая град Псков поглотить. Словно лютый великий змей, полетел он из пещер своих и, еще не долетев, думал, будто град Псков уже у него в утробе.

Придя ко Пскову, король повелел своим воинам объехать вокруг города и окружить его. Сам же стал советоваться с советниками своими, как бы им взять град Псков. И усмотрели они место – угол городской стены на реке Великой, у Покровских ворот, и надумали разбить в этом месте стену из орудий и так захватить город.

И повелел лукавый король Стефан начинать осаду. Свирепые же и лютые воины его весьма обрадовались тому и приступили ко взятию города со всем усердием. 1 сентября начали копать глубокие рвы по направлению к городу и выкопали за три дня пять больших рвов да семь поперечных рвов. А в тех рвах выкопали землянки – как бы настоящие дома, даже с печками, – и после насчитали псковичи 132 больших дома и 904 поменьше. В больших домах расположились ротмистры и сотники, а в меньших устроили себе жилище гайдуки. И так, окопавшись, приблизились к городу – между ними и городскими стенами остался лишь городской ров. Из выкопанной же земли насыпали со стороны города высокие валы, так что нельзя было за теми валами увидеть их с городских стен; в валах же проделали множество окошек, из которых стреляли по городу. Затем, ночью, прикатили туры и установили их напротив Свиных ворот и Покровской башни; на туры поставили орудия и приготовились к штурму.

Шестого сентября, с раннего утра, начали бить по городу из орудий и били беспрестанно весь день до ночи. Также и на следующий день с утра били беспрестанно по городу в продолжение пяти часов – и разбили двадцать четыре сажени городской стены, и Покровскую башню снесли до основания, и половину Свиной башни разбили, и во многих местах городскую стену

проломили. Проломы же были столь велики, что можно было въехать на городские стены даже на лошадях. И когда донесли об этом королю Стефану, то он очень обрадовался. И в тот же день пригласил король на обед всех своих первых советников, и гетманов, и ротмистров, и многих из ратных людей. И повелел им после обеда готовиться ко взятию Пскова.

В тот же день, 8 сентября, на праздник Рождества Пречистой Богородицы, в пятом часу дня, пошли все литовские люди ко граду Пскову на приступ. И шли радостно, надеясь вскоре захватить город. Увидев это, псковские воеводы повелели бить в осадный колокол. И сбежались к пролому множество псковичей, и приготовились крепко встать против неприятеля.

И вот, словно великая вода восшумела и словно великий гром грянул, – то пошло бесчисленное воинство литовское на приступ. И вскоре удалось литовцам взойти на городскую стену, и на Покровскую башню, и на Свиною башню. Наши же крепко стояли против них и бились мужественно и не давали литовцам продвинуться внутрь города. И горько было видеть, как головы христианские, словно колосья на жатве, пожинаяются и на землю ложатся.

Когда высокогордый король Стефан увидел, что его воины уже заняли городскую стену, и укрепились на башнях, и подняли там свои знамена, он исполнился великой радости. Приближенные же его и избранные любимые дворяне, числом две тысячи человек, стали просить короля, чтобы тот отпустил их во Псков, обещая ему первыми войти в город.

И обрадовался король такому желанию их, и отпустил их во Псков; они же в едином порыве устремились к Свиной башне и укрепились в ней.

Но кто поведает о силе Господней? Или кто достойно восхвалит его? Ибо в смирении нашем помянул нас Господь и услышал молитвы рабов своих. С Похвальского раската ударили из великой пищали, именуемой «Барсом», по Свиной башне и не промахнулись – и великое множество людей литовских прибили в башне. Еще же повелели воеводы псковские подложить порох под Свиною башню. И взорвали башню, и все те горделивые королевские дворяне, которые просились у короля первыми войти в город Псков, погибли в башне и, смешавшись с каменной стеною, телами своими наполнили ров и словно новую башню воздвигнули возле Пскова. <...>

И разъярился король Стефан, и стал посылать к ротмистрам своим и ко всем воинам своим, веля им во что бы то ни стало взять город Псков. И с яростью и напором вновь устремились литовцы на приступ. У наших же множество воинов убито, а многие ранены или изнемогают от усталости.

Видя все это, посылают псковские воеводы в соборную церковь Живоначальной Троицы за святыми чудотворными иконами – верными помощниками и избавителями христианскими, надеясь на их помощь и заступление. И выносят священники из собора святую чудотворную икону Успения Пресвятой Богородицы из Печерского монастыря, и иные чудотворные иконы, и святые мощи святого и благоверного князя Гавриила-Всеволода, чудотворца и заступника псковского, и несут их к городским стенам к пролому. И в тот же час, невидимо, пришло спасение граду Пскову. И устремились православные на литовцев, и Божьей милостью и молитвами Пресвятой Богородицы и святых чудотворцев согнали литву со стен.

Тотчас промчалась весть по всему граду Пскову о том, что прогнали литовцев; женам же псковским велено-де собираться у пролома и остаток литвы побивать. И, забыв про немощ свою, устремились все жены псковские к проломному месту. Одни из них, кто помоложе и посильнее, стали с литвой биться и литву побивать; другие орудия литовские в город затаскивали, или подносили камни защитникам города, или подавали воду тем, кто устал и изнемог от жажды. И так одолели литовцев: когда наступила ночь, ни одного врага не осталось на городских стенах. <...>

Бояре же и воеводы псковские никоим образом не давали литовцам взойти на городскую стену. Напротив проломного места они повелели соорудить деревянную стену с многочисленными бойницами и во многих местах установить орудия. Между каменной и деревянной сте-

нами выкопали ров и утыкали его острым дубовым частоколом, также расположили частокол по всему пролому и в башнях. И все люди усердно готовились к отражению приступа: одни заготавливали смолу, чтобы бросать ее зажженной в неприятеля, другие варили в котлах кипятков с нечистотами, третьи готовили кувшины с порохом или сухую сеяную известь, которой можно было засыпать литовцам их бесстыжие глаза. Каждый день, а иногда и по два и по три раза в день, литовцы приступали к стенам, но всякий раз, с Божьей помощью, псковичи отбивались от них. <...>

Каждый день псковичи совершали вылазки из города и захватывали литовских языков. От них-то стало известно о том, что литовцы готовят подкопы под городские стены – каждое войско свой: есть польский подкоп, есть литовский, есть угорский, а всего девять подкопов в разных местах. Однако никто из пленных не знал, к какому месту какой подкоп ведет. И повелели воеводы копать из города слухи, пытаясь обнаружить подкопы. Но до времени все было тщетно.

И вот каким образом были обнаружены подкопы. Однажды, а было это 20 сентября, псковские священники, как обычно, пришли к Покровской башне с иконами и с крестами и стали совершать молебен. Литовцы же, услышав, что в этом месте собрался народ, стали метать в город тяжелые камни.

И один из камней угодил в чудотворную икону святого великомученика Димитрия Солунского, греческого письма, в золоченый доспех на святом, возле правого плеча, и пробил доспех до самой доски. И не осталось безнаказанным столь дерзостное надругательство над чудотворным образом святого мученика Христова: в этот самый день из литовского войска прибежал во Псков перебежчик – некий Игнаш, родом русский, бывший прежде стрельцом в городе Полоцке; он и указал воеводам те места, к которым вели подкопы. Воеводы же возблагодарили Бога и святого великомученика Димитрия и спешно повелели копать слухи против тех подкопов. И вскоре сошлись наши слухи с главными литовскими подкопами, и так расстроился злой их умысел. Остальные же литовские подкопы обрушились сами собою.

Тогда литовцы придумали новое ухищрение для того, чтобы взять город. 28 сентября к городским стенам прискакали литовские гайдуки, и градоборцы, и каменосечцы и, прикрываясь особыми прочными щитами, начали подсекать кирками каменную стену. В это же время из-за реки Великой стали стрелять по псковичам из всех орудий.

Государевы же бояре и воеводы, видя новую беду, нависшую над городом, повелевают людям поджигать смолу и бросать ее вниз, на литовские щиты, чтобы не выдержали литовцы огня и дыма и побежали прочь от города. Внизу же городской стены повелевают повертеть частые бойницы и сквозь те бойницы стрелять по литовцам и колоть их копьями. Сверху же льют на них горячую смолу, и деготь, и кипятков, бросают горящий просмоленный лен и кувшины с порохом. И многие из литовцев, не выдержав этого, побежали прочь из-под города, но другие, надежно прикрываемые щитами, продолжали упорно подсекать стену. Некоторые из них уже так углубились в нее, что их нельзя было достать ни огнем, ни кипятком, ни горячей смолой. И тогда псковичи взяли прочные шесты и привязали к ним длинные крепкие кнуты, а на их концы привязали железные палки с острыми крюками. И теми кнутами, спустив их с городской стены, стали стегать литовцев, и цеплять их за одежду и за туловища, и так вытаскивать из-под стены наружу – подобно тому, как ястреб вытаскивает своим острым клювом утят из-под кустов на заводи.

И бежали литовские гайдуки, и градоборцы, и каменосечцы к королю Стефану. <...>

И повелел король непрестанно бить по городу из орудий из-за реки Великой, и били литовцы из орудий в течение пяти дней, и разбили городскую стену со стороны реки. После этого, 2 ноября, пошли на великий приступ к городу Пскову со стороны реки, по льду. Гетманы и ротмистры их ехали на лошадях, а гайдуков саблями секли, понуждая идти к городу. Но и

в тот день, Божьей милостью, оборонили город: когда подступили литовцы к городу, ударили по ним псковичи и всех побили – словно мост по льду выложили.

И тогда повелел надменный король Стефан отвести свои войска от Пскова. Сам же вскоре, 1 декабря, поехал от Пскова в Литовскую землю, но осаду с города не снял, а оставил у Пскова пана канцлера, польского гетмана, а с ним множество воинов. И повелевает король канцлеру продолжить осаду города и взять его измором. И похваляется канцлер, что выстоит он город Псков и захватит его. <...>

И стоял канцлер польский со множеством войска у города Пскова, но не смел ни на приступ пойти, ни даже к городу приблизиться. Воеводы же псковские не бездельничали, но совершали многочисленные вылазки из города и множество людей литовских побивали и в полон уводили. <...>

Через несколько дней, 17 января, показались из литовских станов многие люди, конные и пешие,двигающиеся к городу. Воеводы псковские решили, что литовцы снова идут на приступ, и стали готовить людей к бою. Но вскоре увидели, что литовское войско остановилось недалеко от города, и выехал из него один конный – то был русский, сын боярский по имени Александр Хрущов. И въехал он в город Псков, и сообщил воеводам псковским о том, что, по государеву приказу, государевы послы заключили мир с королевскими послами. Так, великим и неизреченным Божиим милосердием и помощью и заступничеством истинной помощницы нашей Пресвятой Богородицы и всех святых закончилась псковская осада. Вскоре, 4 февраля, польский канцлер со всеми своими силами ушел в Литовскую землю, и отворились тогда ворота во граде Пскове, бывшие затворенными шесть месяцев.

Доблесть псковичей (был отбит 31 приступ, Псков не сдался), увы, не помогла одержать победу в войне. Надвигающаяся зима принудила поляков пойти на мирные переговоры – первоначально они вместе со шведами планировали атаковать всю Новгородскую землю.

В 1582 году Иван IV заключил со Стефаном Баторием Ям-Зампольский мир, по которому Россия отказалась от всех приобретений в Ливонии в пользу Речи Посполитой и передала последней город Полоцк; военные действия прекратились, Ливонская война закончилась, но спор о литовско-русских границах остался незавершенным.

Походы Ермака, 1581–1585 годы Семен Ремезов

Дела на западных рубежах государства складывались не слишком удачно, зато восточные границы России продолжали расширяться. В последние годы правления Ивана Грозного началось покорение Сибири, причем первыми в сибирские земли вступили не «государевы люди», а вольные казаки, которых наняли русские купцы. Среди атаманов казаков был и прославленный позднее былинами и песнями Ермак Тимофеевич, находившийся на службе у купцов Строгановых. Именно он с отрядом донских казаков перешел Уральские горы, разбил местного хана Кучума, с чего и началось покорение Западной Сибири.

Изначальное казацкое «написание» о походе Ермака не сохранилось, но именно оно легло в основу так называемой Кунгурской летописи, которую включил в свою «Историю Сибирскую» картограф Семен Ремезов.

Великий Господь Бог наш христианский, тот, что одаряет рабов своих, как Самсона, исполинской силой, Ермаку Тимофееву сыну Повольскому дал силу, счастье и храбрость смолоду, единственно всем сердцем и душой желать подвига.

И с таковой храбростью Герман, прозванный в дружине своей Ермаком и избранный, как видно, атаманом, на Хвалынском море и на Волге с многочисленной вольницей громил суда, да и в царской казне шарил.

Когда благочестивый царь Иван Васильевич услышал жалобы на них, то послал сильное свое войско, приказав всех перебить, а предводителей, поймав, казнить, дабы не смели казну его грабить и пути перекрывать.

Слышал Ермак от многих чусовских жителей про Сибирь. В 1578 и 1579 годах собравшиеся с Ермаком военные силы с Дона, Волги и с Яика, из Астрахани и из Казани, разбойничая, разграбили собственные государевы суда с послами, и бухар на устье Волги-реки. А когда узнали про посланных царем для расправы, то некоторые из них разбрелись, а другие, более многочисленные, разбежались по различным городам и селениям.

Ермак побежал вверх по Волге и по Каме, и когда дошел до Орла городка, то многие припасы у Строгановых (купцов. – *Ред.*), оружие и проводников взял и побежал по Чусовой и речке Серебряной до волока. И перетащил суда на Тагил-реку за два дня пути по волоку, а остальные суда на волоке оставили.

И подойдя к истоку Тагила-реки в урочище речки Абугай в 1580 году с единой дружиной в 3000 человек, там покорили многие вогульские племена и добычу взяли, другие же [вплоть] до Тавды добровольно покорились; так и воевали всю зиму до весны.

Когда же началось весеннее половодье, то некоторые не пожелали с Ермаком воевать и ранеными назад в Русь возвратились, иные в обозе умерли, другие в походах погибли. И когда остались с Ермаком плыть [по реке] вниз 1636 человек, то собрали припасы себе на пропитание.

Когда пришла весна, то храбрые казаки, видевшие и понимавшие, что Сибирская земля богата и даже преизобильна, а живущие в ней люди не воинственны, поплыли вниз по Тагилу 1 мая, грабя суда по Туре. <...>

Когда Ермак находился в Чингиде, городе князя Чингиза, то войско его быстро уменьшалось от цинги и болезни чрева, а князь Кучум, ходивший в походы на Камыш, всех воинов сохранил, благодаря Бога, что рыбы сушеной, и ячменя, и полбы много приобрел.

Ближе к весне настало время Кучуму с подданных своих ясак собирать: соболей и лисиц, и других зверей, и рыбу. Послал [он] в Тарханский городок к мурзе Тархану дворецкого своего

Кутугая. Тот и пришел с поборами. В тот момент в Тарханах казаки взяли его в плен. Тарханский городок был таможней Кучума, а не Чингиза. И привели его к Ермаку вместе с ясаком.

И вот Ермак расспросил у него с подобающим почтением все о царе Кучуме и об его образе жизни, одарив всех, сказал ему, что в гости приехал, казаки и пять человек атаманов показали силу свою и стрельбу из огнестрельного оружия. А те, никогда прежде не видевшие казаков, изумлялись, рассказав ему [Ермаку] все подробности о царе Кучуме и о народе. Ермак же отпустил их к Кучуму честь по чести, одарив их: Кучуму – челобитье и трезубец, подарки всем женам, челобитье князьям и остальным подданным [его] послал, и сказал, что возвратится назад, в Русь. <...>

Когда же открылся речной путь, в 9 день мая 1581 года, то [Ермак] поплыл вниз по Туре со всеми предосторожностями неспешно. Когда добрался до устья реки Туры, то здесь [его] ждали 6 князьков, Маитмаса, Каскара, Варварины, и сражались с ними многие дни.

Воинов же у Ермака осталось 1060 человек, но басурман множество перебили и с Божией помощью победили, и огромную добычу захватили, что стругам их не поднять было. И укрыли ту добычу в земле на устье реки Туры.

После первых боев с кучумлянами, 8 июня поплыли по реке Тоболу, воюя и живя в ратных трудах. Когда они доплыли до урочища Березовый Яр, то здесь тяжелые бои вели долгое время. Басурманы, словно овцы из пристанища своего стрекали, казаки же с Божьей помощью и появлением воинов силы Господней всех разгромили.

Отсюда поплыли вниз по Тоболу в 29 день июня и доплыли до урочища Караульный Яр. Здесь на Тоболе было место узкое. Кучумляне загородили [его] поперек железными цепями, чтобы удержать все струги, а казаков перебить. Был же тут Кучумов город [острожек] пограничный, есаула Алышная, и здесь сражались 3 дня, день и ночь, не щадя себя. И казаки победили, а цепи разорвали и проплыли под кустами таловыми.

И добравшись до устья реки Тавды и стояли неделю, размышляя, как бы пойти с проводниками назад, к верховьям Тавды, и через Камень назад возвратиться.

Кучума же вестовые беспрестанно извещали о большом скоплении казаков и о поражении своем, дескать, разгромлены, показывая раны свои от бердышей и палашей. Кучум же оплакивал их и еще сильнее ярился на казаков.

Ермак же с единомышленниками своими, надеясь на Божию помощь, поплыли вниз по Тоболу в 8 день июля и доплыли до мурзы Бабасана. А здесь у Ермака его сторожевой передний струг, за версту от него, захватили басурманы. Казаки же сразу нагрянули и ударили так неожиданно, что многие из противников враз оказались убитыми, другие же быстро разбежались в разные стороны, и так быстро освободили своих, хотя и искалеченных.

И тогда собравшееся войско чувашей, казачью орду, вогулов, остяков и всех татар Кучум отпустил из города своего с сыном своим Маметкулом по Тоболу навстречу Ермаку. Сам же устроил засеку около Чувашей на Иртыше, укрепив город, а в устье Тобола крепкий дозор поставив.

Такой отряд [во главе] с царевичем Маметкулом встретил Ермака в 21 день июля в Бабасанах у устья старицы на Тоболе. И сражались нещадно врукопашную, так рубились, что кони по чрево бродили в крови их и мертвых телах нечестивых. И вели бои 5 дней, держась, не пропуская струги вниз. В конце концов с Богом казаки победили, а противники отступили, и царевич бежал. И после явления [им] святителя Николы чудотворца, который велел дерзнуть, поплыли вниз.

И приплыли к устью Турбы, к концу Долгого Яра, в 26 день июля на восходе солнца. И увидели, что стоит огромное басурманское войско, ожидающее прихода Ермака. Казаки же совсем испугались и причалили к острову повыше Яра, поразмыслили, помолились святой Троице, пречистой Богородице и прочим святым с усердием.

И после явления Спасителя, когда Ермак и казаки увидели, что хоругвь с Его изображением, почитаемая среди казаков, сама собой [снялась] с места и пошла вперед вниз, вдоль левого берега. Нечестивые же выпустили стрелы без числа, словно дождь, с горы на струги. Но это место, спасенные Богом, проплыли, что и волоса с их головы не упало. Когда же приплыли, то хоругвь сама на свое место встала.

В то же время виделся басурманам около противоположного берега во облаках, в ярком сиянии, царь величественный и самый прекрасный, и множество вооруженных воинов, летящих и несущих Его престол на плечах своих чудесным образом; и грозил им царь, в левой [руке] обнаженный меч держал против них. О чудное видение Божьего Суда! По их же басурманским рассказам, когда кто-нибудь из сильных стрелял издали в него, то у тех руки цепенели и луки ломались.

И когда увидели басурманы, какой с казаками царь величественный и страшный приближается [грядет] со [своим] войском на бесчестье и погибель их, то очень испугались и растерялись, что не только злоумышлять против них, но и взглянуть на казаков из-за этого не могли. А когда Кучуму и приближенным его рассказали увиденное, то этого предзнаменования Кучум и басурманы очень испугались.

Первого августа, видя таковое, раб Божий Герман с сильной и единоклюнной дружиной своей постился, и вот с Божией помощью стремительно двинулся на город Карачин, Кучумова думного боярина Карачи. И во время этой битвы снова увидели басурманы и сами Герман и казаки в зримом образе Спаса, помогающего им, отводящего стрелы, летящие на них, вооружились терпением, сражаясь с басурманами до победного конца, чувствуя явную к себе Божию милость и крепкую помощь.

И тот город Карачин захватили, а в нем огромную добычу: золото и серебро, и камни драгоценные, и жемчуг, и мед, и скот. И жили здесь две недели Госпожина поста, постоянно соблюдая пост и молитвы с усердием вознося к Богу, чтобы сохранил живыми и даровал победу над всеми басурманами, да возвысится им и прославлена будет христианская твердость и Божия десница к царю праведному прострется.

Кучум же и басурманы от великого ужаса по всем дорогам расставили неисчетные караулы, чтобы никто из казаков даже птицей мимо не пролетел, надеясь, [что] увидев силу, казаки возвратятся на Русь, так как испугаются превосходства в силе, и всюду подстерегали казаков, чтобы убить. Но увидев на дороге передовую казачью заставу, крылатых воинов, испугались их. <...>

Ермак же с дружиной жил в Карачинском городке в ежедневном посте до 8 сентября 1581 года, а в Воздвиженье отправился, согласно предначертанию, на город Кучума. А доплыв до устья Тобола к реке Иртыш и увидев замутненную воду, засомневался: в устье Иртыша войско Кучума такое многочисленное, как горы и леса, как бесконечные пески, а из воинов Ермака осталось после боев 45 человек. И пошли вверх по Иртышу под прикрытием правого берега. Басурманы же, гонимые невидимой Божьей силой, бежали без оглядки, словно огнем палимые.

И дошел Ермак с казаками до Заостровных юрт, и здесь захватил городок мурзы Атика, и со всей добычей своей засел в городке в осаде. И ту ночь всю без сна провели в серьезных спорах. Одни хотели попробовать бежать на Русь, другие же говорили: «Вместе разбойничали на Руси, своих христиан убивали на Волге, погибнуть могли, единоклюшно держались и погибали. А ныне куда пойдем, ведь зима близка? Ермак и атаманы, подобает нам умереть по-христиански храбро за веру христианскую, и да прославит Бог и в будущем род наш!»

И остались в Атинском городке с большими предосторожностями, так как видели такое множество басурман, что одному [казаку] [пришлось бы] биться с десятью или двадцатью ратниками, а городок тот обложили со всех сторон, словно облако темное. А в черте города, где ныне соборная церковь, Ермак и бывшие с ним наблюдали видение, видели они огненный столб

и город, и звон до облаков, и указывающего перстом на [то] место [и перст указующий]. И поняли, что Бог прославит место это именем своим святым и славным.

И 1 октября вышли [казаки] на бой с кучумлянами в стругах к засеке и отсюда пошли на приступ, смело сражаясь с самим Кучумом, желая взять город Чувашский на горе Чувашской и здесь осесть на зиму, дескать, в осаде будем надежно укрыты, так как укреплен был город Чувашский окопами [редутами]. И в тот день сразившись, проплыли обратно невредимыми помощью великого Бога, в Атинский городок возвратились и засели в нем.

В городке Атинском [казаки] жили на протяжении долгого времени, то подступая к засеке, то снова возвращаясь в Атинский городок, понимая, что зима идет, припасов на пропитание себе добыли, ячменя и полбы, и овса, только мало.

И тогда задумали все казаки завершающий удар, и была это битва с кучумлянами четвертой. Кучум же стоял на горе у засеки с сыном своим Маметкулом. И тогда казаки по воле Божьей вышли из городка, одногласно восклицая: «С нами Бог! Подумайте, язычники, и покоритесь, потому что с нами Бог!» И 23 октября началось сражение и произошла великая битва, дрались врукопашную, побеждая противников своих. Кучум же с горы стрелял. Казаки же из огнестрельного оружия множество нечестивых подстрелили, убивая насмерть. Нечестивые же, понуждаемые Кучумом, от казаков сильно пострадали, сражаясь не по своей воле, плакали, умирая.

Ружей же не было у кучумлян, только луки и стрелы, копья и сабли. У чувашей было 2 пушки, казаки заставили их умолкнуть, и те сбросили их с горы в Иртыш. Когда стоял Кучум на Чувашской горе, то, видя большие потери среди своих, молился со слезами сам и все неверные, приказав агунам и абызам своим взывать с мольбою к кумирам, но спали боги их, и оказался [Кучум] беспомощен и опозорен, тесним невидимой силой, и задумал бежать. А сражались три дня без сна неотступно.

24 октября князьки низовских остяков раньше всех из подданства и власти Кучума вышли и сразу бросились бежать без оглядки по своим местам, и стали жить, словно звери, в дремучих лесах, да спрячутся от русских людей. Остался этот их обычай и до наших дней при нынешнем поколении так вот бежать и становиться безродными.

25 октября Кучум, в усталости и печали лежащий на постели своей ночью, видение от Бога получил: внезапно отверзлись небеса с четырех сторон света, движущиеся его уничтожить воины светлые, вооруженные, крылатые и грозные; и дойдя до улуса его, окружили все войско его, говоря: «Нечестивый сын темного демона Бахмета, отступись от этой земли, ибо Господня земля и все живущие на ней христиане благословенны, ты же беги в места своего обитания поближе к пропасти окаянного демона Бахмета». И вскочив, Кучум затрепетал всем телом и так сказал: «Бежим отсюда, очень страшное место, да не погибнем». И ангел Господень погонял их, ибо путь их темен и скользок.

В тот же день под вечер и вогулы также бежали тайком с оборонительной линии Кучума в места своего обитания за Яскалбинские непроходимые болота и озера, отмстит, дескать, им Ермак и плохо кончат, вот и забежали с семьями своими в непроходимые места, чтоб скрыться, так что до сих пор в заросших болотах и озерах видны идущему на лыжах валы со всех сторон [спереди и сзади, с обеих сторон].

Когда же увидел Кучум царства своего окончательное падение и гибель всех, то бежал из города своего Кашлыка, который Сибирью называется, в 26 день октября, после видения, ночью, собравшись тайно, всем своим сказал: «Бежим без промедления, а то все в страхе погибнем от казаков внезапной [мгновенной] смертью». И все из города без оглядки бежали в Степь, в Казачью Орду на прежнее свое место. А Чувашский и Кашлык, Сузгун, Абалак и прочие города, гонимы невидимой Божьей силой, оставили опустевшими.

Еще вечером 25 числа, когда прекратилась подчувашская битва, казаки отошли за реку и заночевали, [поставив] стражу. Утром же вставши, помолились Богу и восславили явившегося

им, чтобы защитить их в городе, великомученика Димитрия Солунского, и пошли без страха в город в 1582 году, в 26 день октября. <...>

Пронесся слух о Ермаке и о казаках по всей Сибирской земле, и напал страх Божий на всех живущих повсюду в той земле басурман. И на четвертый день после взятия Сибири демьянский князь Бояр с многочисленными подарками пришел к Ермаку, и необходимые припасы принес, и ясак дал. Ермак же, по достоинству наградив, отпустил их. А после того начали ходить постоянно живущие поблизости татары с женами и с детьми, и с родичами, давая ясак. И разрешил им Ермак жить по-прежнему в домах своих, как жили и при Кучуме. <...>

Посоветовавшись с дружиной своей единоклюпной, Ермак написал послание благочестивому царю и великому князю всея Руси Ивану Васильевичу, объявляя о раскаянии своем, сообщая о походах так: «Низложил Кучума-царя спесивого, и все города его захватил, и разных князей и мурз татарских, вогульских и остяцких с прочими народами под державную руку его привел, и ясак собрал, и послал к тебе, государю, с атаманом Иваном Кольцовым и казаками в 26 день декабря». А проводником до Великой Перми у них был яскалбинский князь Ишбердей со своими вогулами. Оттуда и в Москву пришли.

Когда же пришли в Московское царство к благочестивому государю царю и великому князю всея Руси Ивану Васильевичу, то отписку и ясак вручили. Когда же начали читать [отписку] и услышал государь, что взято царство Сибирское и царь низложен, а народы – татар, вогулов и остяков – в подданство привел, и ясак собрал, и послал с атаманом и прочими, то очень обрадовался и восславил Бога, а Ермаку послал богатые подарки: два панциря, и кубок, и шубу свою, атаманов же денежным жалованьем и подарками одарив, и сразу к Ермаку отправил с жалованной и наградной грамотами тем же путем, каким приехали.

А преданный слуга царев, крылатый слуга Христов, прилетев к Ермаку в том же 1582 году в первый день марта, принес от государя жалованные и наградные грамоты Ермаку и атаманам, пяти человекам, и остальной дружине. Ермак же, приняв царские подарки: 2 панциря, кубок, шубу и сукно, восславил Бога и очень обрадовался, так и атаманы и казаки сукнам и деньгам радовались, торжественно празднуя [ликуя от радости].

Ермак погиб в 1585 году, угодив в засаду на Иртыше.

Ермак же, видя гибель своих и [не ожидая] помощи ниоткуда для своего спасения, бежал в струг свой, но не мог допрыгнуть: облачен был в два царских панциря. Струг же отплыл от берега, а [он], не доплыв, утонул месяца августа в 6 день. Когда же остальные казаки в городе получили известие, то горько оплакивали его, ведь был он смел и умен, рослый и видный собой, и мудростью наделен в нужной мере, широколиц, борода и волосы черны, кудреват, роста среднего, сутуловат, широкоплеч.

С походов Ермака и других казацких атаманов Россия начала «прирастать Сибирью». Царь Иван не узнал о гибели Ермака – он скончался годом ранее, и наследовал ему на троне слабоумный сын Федор, окруженный так называемым «опекунским советом». Правление Ивана Грозного сопровождалось многочисленными бедствиями и смутами, а его смерть принесла стране династический кризис, завершившийся нашествием поляков, оккупацией России и сменой правящей династии.

Царь Федор Иоаннович, 1584–1589 годы Митрополит Иов

По достижении пятьдесят третьего года жизни приключилась благоверному царю и великому князю всея Руси Ивану Васильевичу тяжкая болезнь, и прозрел он в ней скорое свое к Богу отшествие, и принял великий ангельский образ, и наречен был в иноках Иона, и вскоре после этого покинул земное царство, отошел к Господу в 1584 году, марта в 19-й день, и по кончине своей оставил превеликий скипетр Российского самодержавного царства и передал великий царский престол благородному сыну своему, благочестивому и христоролюбивому царю и великому князю всея Руси Федору Ивановичу. Царь же и великий князь всея Руси Федор Иванович по преставлении вечной памяти отца своего царя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича становится по Божьему изволению и отеческому благословению преемником царского престола всей Великой России. Возведен же был и венчан на царство преосвященным митрополитом всея Руси кир Дионисием, который тогда правил кормилом великой соборной церкви честного и славного Успения пречистой Богородицы и занимал в Москве престол великих чудотворцев Петра, Алексея и Ионы. Было в ту пору благочестивому царю и великому князю всея Руси Федору Ивановичу от роду лет двадцать семь.

Этот благочестивый самодержец, праведный и досточтимый, и крестоносный царь и великий князь всея Руси Федор Иванович сравнялся в славе с благочестивыми древними царями, нынешним же являл собою образец светоносной красоты, будущим же оставил по себе сладчайшую память, благостную слуха усладу, превзошел всех не только в Российской богохранимой державе, но и во всем подлунном мире <...> Еще с царственной юности своей преисполнился он духовной премудрости. Окруженный бесчисленными, редкостными и бесценными красотами брэнного сего мира, он отвратил от них взор свой, никогда не прельщаясь никакой роскошью. Одно было у него попечение – помнить о Боге и всяческих добродетелях, пренебрегая житейскими красотами и соблазнами, дабы не пригвоздить к ним душу, но насладиться вечных благ от создателя всех и промыслителя, сподобиться царствия небесного. Кто же способен достойно рассказать о достохвальных проявлениях добродетелей благочестивого этого царя? Или кто дерзнет прикоснуться к перу, дабы составить повесть о святой его жизни? Хотя он и обладал могущественным скипетром превысочайшего Российского царства, но всегда ум свой устремлял к Богу, неусыпно бодрствуя душевными очами, а веру сердечную постоянно воплощая в благие дела. Тело же свое всегда изнурял церковными службами, повседневными молитвами и поклонами, всенощными бдениями, воздержанием и постом, душу же свою царскую врачевал чтением и слушанием божественных словес, прилежно пестуя и украшая благие нравы. <...>

К сему не умолчим и о прочих царских добродетелях: был он весьма нищелюбив, опекал вдов и сирот, особливо же почитал священников и монахов, всегда щедрой милостыней их оделяя. И таким ревностным был этот поборник благочестия, что незатихающая его слава, подобно солнечным лучам, простиралась не только по державе богохранимого его царства, но и по всей вселенной; и таково было его милосердие, что не только богохранимой его державы нуждающиеся люди получали щедрое подаяние, но и в дальние края земли нескудеющей рекою оно всегда изливалось. Говорю вам, в Святую гору Афон, и в Александрию, и в Ливию, и в Великую Антиохию, и во все святые места, и в самый божий град Иерусалим богатая милостыня всякий год царем посылалась.

Слух о его благочестивых добродетельных деяниях дошел и до царственного града Константинополя и достиг ушей святейшего патриарха кир Иеремии. Тогда этот патриарх Иеремия, услышав о добродетельной жизни и великом благочестии благоверного царя всея Руси

Федора Ивановича, поспешил подвигнуться на весьма долгий и трудный путь, прибыл в Великую Россию, желая видеть необыкновенную красоту великой христианской соборной церкви и великое благочестие благоверного царя Федора Ивановича. <...>

Царь же и великий князь всея Руси Федор Иванович с великой любовью и неизреченной радостью встречает патриарха Иеремию, воздает подобающую святительскому его сану честь, приемлет благословение и пожелание мира, вволю от своих царских щедрот наделяет патриарха всем потребным для повседневной жизни. Потом благочестивый царь и великий князь всея Руси Федор Иванович намерение свое царское изъясняет, да поставит патриарх Иеремия в богохранимой державе Великой России патриарха по правилам святых апостолов и святых отцов. <...>

Преисполнившись радости, царь оказал гостю самые высокие почести и, одарив его в изобилии многоценными дарами, через некоторое время с великой честью отпустил в Царьград. Прибыв туда, патриарх Иеремия собирает тамошних православных, все христоименитое стадо, и с глубоким воодушевлением повествует о том, что увидел в Великой России, – о дивной красоте благочестивой христианской церкви греческого обряда, о царском истовом благочестии, о твердости в божественных догматах всех православных христиан; при этом он показывает многоценные дары, которые принял из рук благочестивого христианского царя и великого князя всея Руси Федора Ивановича; наконец, возвещает о поставлении в Великой России патриарха.

К учреждению в России патриаршества был причастен один из членов опекунского совета, назначенного Федору Иваном Грозным, а именно – Борис Годунов, брат супруги нового царя. Постепенно Борис возвысился до положения первого человека в стране; он воевал именем царя и заключал мирные договоры, по его настоянию были сосланы в Углич последняя жена Ивана Грозного Мария Нагая и ее сын, царевич Дмитрий, а также отправлены в ссылку бояре Бельский, Мстиславский, Шуйский и их соратники. Но этого Годунову оказалось мало – он видел себя наследником бездетного Федора на престоле. Единственным препятствием к осуществлению мечты был ссыльный царевич Дмитрий.

Убийство царевича Дмитрия, 1591 год **Из следственного дела о смерти царевича Исаак Масса**

До сих пор среди историков нет единого мнения относительно того, причастен или нет Борис Годунов к смерти царевича. С одной стороны, в современных этому событию источниках прямо говорилось о том, что Годунов приказал устранить соперника. С другой же стороны, большинство этих источников – документы, составленные 15–20 лет спустя, причем людьми, которым по тем или иным причинам было выгодно порочить Годунова. Зато в материалах следственной комиссии, которую возглавляли митрополит Иов и боярин Василий Шуйский, делался вывод о невольном самоубийстве Дмитрия.

Ниже приводятся обе версии событий.

Из допроса Михаила Нагого

(бояре Нагие – дядья Дмитрия. – *Ред.*)

И того же дня, мая в 19 день, ввечеру, приехали в Углич князь Василий, и Ондрей, и Елизарий и спрашивали Михаила Нагого: как царевича Дмитрия не стало и что болезнь у него была, и для чего он (Михаил) велел убить Михаила Битяговского (дьяка Годунова, управляющего двором царицы Марьи. – *Ред.*), и Михайлова сына Данила, и Микиту Качалова, и Данила Третьякова, и Осипа Волохова, и посадских людей, и Михайловых людей Битяговского, и Осиповых Волохова, и для чего он велел во вторник собрать ножи и пищали, и палицу железную, и сабли, и класть на убитых; и посадских из сел многих для кого собирал, и почему городского приказчика Русина Ракова приводил к целованью, что стоять с ним заодно, и против кого было им стоять?

И Михаил Нагой сказал: «В нынешнем 99 [1591] году, мая в 15 день, в субботу, в шестом часу дни, зазвонили в городе у Спаса в колокол, а он, Михаил, в ту пору был у себя на подворье и подумал, что где-то горит... Побежал он к царевичу на двор, а царевича зарезали Осип Волохов, да Микита Качалов, да Данило Битяговский, и пришли на двор многие посадские люди, а Михаил Битяговский приехал на двор; и Михаила Битяговского, и сына его Данила, и тех всех людей, которые побиты, побила чернь, а он, Михаил Нагой, посадским всяким людей побить их не велел, был он все у царицы (матери Дмитрия. – *Ред.*), а посадские люди сбежались на звон; а ножей, пищалей, палок железных и сабель городовому приказчику Русину Ракову собирать и класть на побитых людей не велел, а собирал ножи, пищали, сабли и палку железную и клал на побитых людей городской приказчик Русин Раков; и городского он приказчика к целованью не приваживал; то на него городской приказчик взводит».

Из допроса Григория Нагого

Григорий Федоров, сын Нагого, на допросе сказал, что мая в 15 день, в субботу, поехали они, Михайло, брат его, да он, Григорий, к себе на подворье обедать; и только они пришли на подворье, как зазвонили колокола, и они подумали, что загорелось, и прибежали на двор, а там царевич Дмитрий лежит, порезался сам ножом в падучей болезни (и прежде того у него болезнь была); как они пришли, царевич еще жив был и при них преставился. А Михаил Битяговский был у себя на подворье и прискакал к царице на двор, и прибежали многие люди посадские и посошные и начали говорить, неведомо кто, что будто зарезали царевича Дмитрия сын Битяговского Данил, да Осип Волохов, да Микита Качалов; а Михаил Битяговский начал возражать, и посадские люди кинулись за Михаилом Битяговским, и Михаил убежал в Брусеную избу на дворе, и посадские выломали двери и Михаила выволокли, и тут его убили, а Данила Третьякова с Михаилом убили вместе; а сына Михайлова Данила Битяговского и Микиту Качалова убили в Дьячьей, в Розрядной избе; а Осипа Волохова привели к царице, к церкви Спаса, и тут его перед царицею убили; а людей Михайло Битяговского четырех человек, и Осипа Волохова двух человек, и посадских трех человек, где кого находили, убила чернь, и того он не ведает, за что тех людей побили. А людей посадских собирали для князя Василия Ивановича Шуйского, да для Ондreja Петровича Клешнина, да Елизария Вылузгина, а блюлись от государя опалы, чтобы кто тело царевича не украл; а в колокол-де звонить наказал понамарь, Огурцом зовут. А вчера, во вторник, мая в 19 день, брат его, Михаил Нагой, велел городовому приказчику Русину Ракову собрать ножи и велел курячьей кровью окровавить; да велел палицу железную добыть. И те ножи и палицу велел брат его Михаил Нагой положить на тех людей, которые побиты: на Осипа Волохова, да на Данила сына Битяговского, да на Микиту Качалова, да на Данила Третьякова для того, чтобы сочли, будто вот те люди, кои царевича Дмитрия зарезали.

Из допроса няньки царевича Василисы Волоковой

И вдова Василиса Волохова на допросе показала, что разболелся царевич Дмитрий в среду нынешнего года, мая в 12 день, падучей болезнью, и в пятницу ему маленько стало полегче, и царица его взяла с собою к обедне и, от обедни придя, велела ему на дворе погулять; а назавтра, в субботу, придя от обедни, царица велела царевичу на двор идти гулять; а с царевичем были: она, Василиса, да кормилица Орина, да маленькие ребятки, да постельница Марья Самойлова; а играл царевич ножиком, и тут на царевича пришла опять та же болезнь, и бросило его на землю, и тут царевич сам себя ножом поколол в горло, и било его долго, да тут его и не стало. И прежде того, сего году в великое говенье, та же с ним болезнь приключилась – падучий недуг, и он поколол свою мать царицу Марью; а в другой раз была у него та же болезнь перед Великим днем, и царевич объел руки дочке Ондreja Нагого; и как царевич в болезни покололся ножом, царица Марья забежала на двор и начала ее, Василису, бить поленом, и голову ей пробила во многих местех, и стала ей, Василисе, приговаривать, что будто сын ее, Василисин, Осип с сыном Битяговского да Микита Качалов царевича Дмитрия зарезали; и она, Василиса, стала бить челом, чтоб велела царица устроить сыск праведной, а сын ее и на дворе не бывал; и царица-де велела ее тем же поленом бить Григорию Нагому, и ее только чуть живую оставили. И начали звонить у Спаса колокола, и многие люди посадские и всякие прибежали на двор; и царица Марья велела ее, Василису, взять посадским, и мужики-де ее взяли и ободрали и простоволосую держали перед царицею. И прибежал-де на двор Михаил Битяговский и начал пенять посадским людям и Михаилу Нагому, и царица-де, и Михайло Нагой велели убить Михаила Битяговского, и Михайлова сына, и Микиту Качалова, и Данила Третьякова. А говорила-де царица миру: то-де, душегубцы царевича. А сын ее, Осип, в ту пору был у себя; и как начался шум великий, сын ее, Осип, прибежал к жене Битяговского, и тут его и поймали посадские люди и привели к царице, и жену Битяговского с дочерьми к царице привели; и царица миру молвила: то убийца царевича, Осип Волохов, и сына ее, Осипа, тут до смерти и убили. А холоп сыновий, Васкою звали, кинулся на сына ее, на Осипа, чтоб его не убили до смерти, и холопа того, Васку, тут над сыном ее и убили; а другого человека Василисина убили за то, что увидел Василису простоволосой и дал ей свою шапку, и посадские люди за то его убили.

Была женка уродливая у Михаила Битяговского и хаживала от Михаила к Ондрею Нагому; сказали про нее царице Марье, и царица ей велела приходить для потехи, и та женка приходила к царице; и как царевичу смерть сталась, царица и ту женку, два дня спустя, велела добыть и убить-де, будто та женка царевича испортила.

Из допроса Андрея Нагого

И Ондрей Олександров, сын Нагого, сказал, что царевич ходил на заднем дворе и тешился с ребятами, играл через черту ножом, и закричали на дворе, что царевича не стало, и сбежала царица сверху; а он, Ондрей, в ту пору сидел за столом и прибежал тут же к царице, а царевич лежит у кормилицы на руках мертвый; сказывают, что его зарезали, а он того не видал, кто зарезал; а у царевича бывала болезнь падучая; ныне в великое говенье у дочери его руки переел да и у него, у Ондрея, царевич руки едал же в болезни; а как побили Михаила Битяговского и тех всех, которые побиты, того он не ведает, кто их велел побить, а побила их чернь, посадские люди; а он был у тела царевича неотступно и тело царевичево внес в церковь.

Из царского указа о следствии по смерти Дмитрия

Перед государем царем и великим князем Федором Ивановичем всея Руси Михаила и Григория Нагих и угличских посадских людей измена явная; царевичу Дмитрию смерть учинилась Божьим судом, а он, Михаил Нагой, государевых приказных людей дьяка Михаила Битяговского с сыном и Микиту Качалова и иных дворян и жильцов и посадских, которые стояли за правду и пеняли посадским людям, что они такую измену сделали, велел побить напрасно и умышленно за то, что Михаил Битяговский с ним, с Михаилом Нагим, бранился часто за государя, что Михаил Нагой держал у себя ведуна Ондрюшу Мочалова и иных многих ведунов. <...>

Голландский купец Исаак Масса в своем описании угличских событий придерживался той версии, которую распространяли противники Годунова.

Когда все успокоились, Борис приступил к осуществлению своего намерения, совещаясь со своими друзьями и родственниками, которых было до 70 домов, а именно: Годуновы, над которыми Борис был главою, хотя некоторые из них были старше его, Вельяминовы и Сабуровы – два рода, прозванные так; с ними он каждодневно советовался, как достичь короны; прежде же всего необходимо было избавиться от юного царевича Дмитрия, ибо весьма опасались, что удобное время упущено, ибо Дмитрию было десять (на самом деле восемь. – *Ред.*) лет и по своему возрасту он был очень умен, часто говоря: «Плохой какой царь мой брат. Он не способен управлять таким царством», и нередко спрашивал, что за человек Борис Годунов, державший в своих руках все управление государством, говоря при этом: «Я сам хочу ехать в Москву, хочу видеть, как там идут дела, ибо предвижу дурной конец, если будут столь доверять недостойным дворянам, поэтому надо позаботиться заблаговременно».

Эти и им подобные речи были передаваемы Борису и его приверженцам, опасавшимся, что если они вовремя не осуществят своего намерения, то сами попадут в западню, приготовленную для других. Поэтому они и решились на измену.

При царевиче Дмитрии безотлучно находился дьяк Михаил Михайлович Битяговский, которого царевич считал своим лучшим другом; его подкупили известить Дмитрия, на что он согласился и поручил совершить убийство своему сыну Даниилу Битяговскому, у которого был товарищ, Никита Качалов; оба они сперва были в Москве у Бориса, который обещал их обеспечить и поручить им важные должности; причастившись и получив от Борисова священника благословение и полное отпущение грехов, они поехали в Углич с письмом от Бориса Годунова к отцу [Битяговского].

Отец, хорошо зная, что следует делать, в тот день приказал сыну своему Даниилу вместе с Никитой спрятаться на дворе, полагая, что в тот же день и должно совершиться; и после обеда дьяк предложил двум или трем молодым дворянам устроить игру в орехи, в которой, по его словам, желал принять участие Дмитрий; и дьяк в положенный час, когда он знал, что игра в самом разгаре, разослал всех с различными поручениями, а сам, дабы отклонить от себя всякое подозрение народа, отправился в канцелярию заниматься своими делами в присутствии большой толпы народа, собравшегося для решения тяжёлых дел. И тем временем, в самый разгар игры, двое помянутых убийц перерезали царевичу горло, от сильного смущения забыв умертвить других детей, тотчас бежали; они успели ускакать на лошадях, заранее для них приготовленных.

Как только это свершилось, молодые дворяне подняли на дворе сильный вопль. И известие тотчас дошло до канцелярии, а потом распространилось по всему городу. Каждый кричал: «Разбой, извели царя!» И многие вскочили на лошадей и сами не знали, что предпринять; дру-

гие бросились на двор, схватили здесь всех: и дворян и недворян и заточили до той поры, пока Москва не узнает об убийстве; между тем во время ужасного смятения многие были умерщвлены.

Когда это известие пришло в Москву, сильное смущение овладело и народом и придворными, и царь был в таком испуге, что желал смерти; его утешали, как только могли; царица также была глубоко огорчена и желала удалиться в монастырь, ибо подозревала, что убийство совершилось по наущению ее брата, жаждавшего управлять царством и владеть короною; но она молчала и все, что слышала, таила в сердце, никому ничего не сообщая.

Сверх того опасались смуты и сильного волнения в Москве, но присутствие царя удержало от того, однако тайно шептали, что все устроено Годуновыми, которых очень боялись, ибо число их приверженцев было весьма велико, и Годуновы страшились, что все будет раскрыто и что розыск будет произведен весьма тщательно; но Борис с чрезвычайной ловкостью сумел так подействовать на царя, что тот поручил ему произвести розыск, и Борис принял это поручение.

Тогда можно было справедливо сказать: овцу поручили волку, но Борис так произвел розыск, что всех, бывших при дворе царевича, схватили как изменников и все они подверглись царской опале и были отправлены в ссылку в Устюг, город на реке Двине, в двухстах милях от Москвы, где они провели долгое время в тяжких бедствиях; некоторых, навлекших на себя подозрение, казнили; так совершенно невинно погибли многие добрые люди с женами и детьми.

Из Москвы послали знатного боярина Василия Ивановича Шуйского и боярина, или господина, Андрея Клешина присутствовать при погребении; они осмотрели тело царевича, которого хорошо знали, и собственноручно положили его во гроб в присутствии старой царицы, его матери, вдовы покойного тирана. И так похоронили царевича в том городе Угличе, с великим воем и плачем, по их обычаю.

Затем старая царица Марфа заключена была в монастырь, все оставшиеся в живых ее родственники из рода Нагих были, как уже сказано, сосланы. По всей стране было много толков среди знатных людей, которые не осмеливались действовать против Годуновых, пока царь жил с царицею, сестрою Годунова: но простой народ, купцы и другие простые люди, толковали между собой о Годуновых, говоря втайне, что они изменники и стремятся овладеть царским венцом, поэтому Борис употреблял всевозможные средства для того, чтобы отвести от себя эти толки.

Как бы то ни было, неожиданная смерть 15 мая 1591 года царевича Дмитрия, причисленного впоследствии к лику святых, и кончина в 1598 году царя Федора открыли Борису Годунову дорогу к трону. Впрочем, Федор завещал престол своей жене, царице Ирине, но та отказалась и удалилась в Новодевичий монастырь. Народ требовал от бояр царя, и на Земском соборе было принято решение «звать Бориса». Годунов отказывался, но патриарх пригрозил ему отлучением от церкви, и 1 сентября 1598 года Бориса венчали на царство.

О восшествии Годунова на престол и его правлении, 1598–1605 годы Иное сказание

И наступил год отшествия из мира сего в небесные жилища святого и праведного государя, царя и великого князя Федора Ивановича, всея Руси самодержца, седьмой тысячи 106 [1598] года месяца января в 6 день, и его преставление было от несправедного убийства, совершенного тем же Борисом. О, как могу промолчать об этом? Если мы промолчим, то камни возопят. И это дерево, приносящее благородный плод и посаженное рукой всещедрого превечного Бога, тот же Борис подрубил, выкорчевал, даже и до самой смерти. И как прежде, имея лукавый и пронирыливый нрав, бояр и царских советников и вельмож, и властителей, и купцов, и всяких людей прельстил, одних дарами, других любовью, а иных злым запретом, и не смел никто из бояр или простых людей перечить ему. И так тот Борис по отшествии к Богу государя царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси начал посылать своих злых советников и слуг ко царствующему граду Москве, и по всем сотням, и по слободам, и по всем городам Российской области ко всем людям, чтобы всем миром просили на государство Бориса. Бояре же, и властители, и вельможи, и весь царский синклит, и купцы, и всенародное множество Московского государства, боялись Борисова злого преследования, и казни, и междоусобной брани, а его сторонники и советники старались, и по Божьему уставлению никто не смел против Бориса и слова сказать. А люди, подученные злыми советниками и слугами Бориса, хотя и не хотели его на царство, но боялись его злых преследований и молили его перед боярами, и властителями, и вельможами, и пред царским синклитом принять скипетр великой России. И потому те, кто был достоин этой чести, не решались добиваться ее, думая, что народ обращается к Борису по истинной сердечной любви, а не неволей.

Он же, зломысленный, лукавый пронира, уже много лет желая того и добиваясь, а тут будто и нехотя и не скоро поддаваясь уговорам и не раз отказываясь, предлагал избрать более достойных. А сам отправился в великую лавру Божьей Матери, построенную в память о чуде Смоленской иконы Девичьего монастыря, и там прислуживал своей сестре, царице Ирине, уже инокине Александре, а многие люди каждый день просили его принять царство. Он же стыдился и боялся своей сестры, инокини Александры, потому что она не позволяла ему так поступить, ибо знала, как издавна он желал этого и как пролил за это много неповинной крови больших бояр, правящих в Российском государстве и служивших своему государю истинно и право, также купцов и людей иных всяких чинов погубил. Советники же его и сторонники принудили людей молить и бить челом инокине, великой государыне Александре, и просить ее брата Бориса на царство и так молили Александру всенародным множеством всякий день с великим воплем и плачем.

А великие бояре, происходящие от скипетродержавного корня, родственники великому государю царю и великому князю Федору Ивановичу всея Руси и сами достойные принять скипетр, не захотели избрать царя между собой, но отдали решение на волю народа, ибо они и так были при царях велики, и честны, и славны, не только в великой Руси, но и в иных странах. И даже те, кто не хотел Бориса, не смели против него говорить из-за его злого и лукавого нрава. Как в Царьграде Божьим изволением Фока Мучитель убил кроткого царя Маврикия и захватил Греческое царство, так и сейчас Борис на Москве захватывает царство лукавством и неправдою. Собранные же многие люди к честной лавре Борисовыми сторонниками были принуждаемы молить великую государыню инокиню Александру бить челом и просить на государство брата ее Бориса, они же еще сильнее молили с великим воплем инокиню Александру, дабы благословила на Московское государство брата своего Бориса. И так народ докучал ей многие

дни. Бояре же и вельможи стояли перед ней в келье, а другие на крыльце вне кельи у окна, а многие люди стояли на площади. Многие были и неволей приведены, и порядок положен – если кто не придет просить Бориса на государство, с того требовать по два рубля в день. К ним были приставлены и многие приставы, принуждавшие их великим воплем вопить и лить слезы. Но откуда быть слезам, если в сердце нет умиления и усердия и любви к нему? И они вместо слез глаза смачивали слюной... И таким лукавством обратили ее на милость, что, видя всенародного множества усердие к нему и не могуще слышать и видеть многих воплей и жалоб в народе, дает им волю, да поставят на Московское государство Бориса.

И люди снова начали бить челом и молить Бориса Федоровича Годунова принять в свою руку скипетр великой России. <...> И патриарх, видя народное усердие и тщание к Борису, более всех захотел Бориса на государство, и Борисовы сторонники и доброхоты принуждали к этому патриарха Иова. И патриарх со всем освященным собором берет икону Пречистой Богородицы, написанную евангелистом Лукой, и другие святые иконы и мощи и пешком несут их туда, где народ молил Бориса. Он же будто устыдился пришествия образа Богородицы, и принимает скипетр Российской державы, и венчался царским венцом в 107 [1598] году, сентября в 3 день, и царствовал семь лет. И во время правления своего великой Россией начал себя укреплять и утверждать, чтобы ему много дней и лет пробыть, держа скипетр великой России, а после него роду его скипетр держать, и затем многих бояр и вельмож рассылая по дальним и разным городам и разными злыми смертями их умерщвляя и искореняя царский род.

Недовольные возвышением Годунова бояре сеяли смуту. Так, была схвачена по обвинению в заговоре против Бориса Годунова и сослана в ссылку вся семья, все бояре и родственники Романовых, сам Федор Романов и его жена были насильно пострижены в монахи. Вскоре все бедствия, которые постигали Россию (неурожай, вылившиеся в голод 1601–1603 годов, бесчинства разбойных отрядов и т. д.), в народе начали приписывать «неправедному царю». В том же «Ином сказании» говорится: «Видя же это всевидящее недреманное око Христос, как неправдою захватил скипетр Российской области, и захотел ему отомстить пролитие невинной крови новых своих страстотерпцев, просиявшего в чудесах царевича Дмитрия и царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси и прочих, невинно убитых им, и неистовство его и неправедные убийства обличить и другим его сторонникам показать пример, чтобы не следовали его лукавой жестокости. И попустил на него врага, оставшуюся головню от сгоревших Содомы и Гоморры, или непогребенного мертвеца...»

«Непогребенный мертвец» – не кто иной, как Григорий Отрепьев, называвший себя спасшимся царевичем Дмитрием и вошедший в историю как Лжедмитрий .

Возвышение Лжедмитрия, 1604 год Извест старца Варлаама Григорий Отрепьев

Сын стрелецкого сотника, Григорий (до пострига Юрий) Отрепьев сумел поначалу заслужить благоволение патриарха Иова, но вскоре прогневал и патриарха, и царя и был сослан в Белозерский монастырь. Оттуда ему удалось бежать в Литву, где он отказался от монашества – таких «отказников» называли расстригами. Григорий поведал своему новому покровителю князю Вишневецкому, что на самом деле он – царевич Дмитрий, и показал «некую бумагу» в доказательство своих слов. Князь поселил Отрепьева у воеводы Мнишека, дочь которого, Марина, стала невестой Григория, когда тот принял католичество, а польский король Сигизмунд, решив воспользоваться возможностью, разрешил Отрепьеву набирать войско для похода на Москву.

Старец Варлаам был бродячим богомольцем, случайным попутчиком Отрепьева на пути в Литву.

А тот князь Адам, бражник и безумец, тому Гришке поверил и начал возить его на колесах и на конях в сопровождении людей. Из Брашна князь Адам поехал в Вишневец и того Гришку с собою взял и к радным панам его возил и называл его царевичем, князем Дмитрием Ивановичем Углицким. И в Вишневец у него Гришка Отрепьев прожил лето и зимовал. И после Пасхи князь Адам отправил Гришку в Краков к королю Сигизмунду, и сказал князь Адам про него королю, будто он царевич Дмитрий Иванович Углицкий. И король его к руке звал, и он начал прельщать его, называя себя царевичем Дмитрием, сыном благоверного государя царя и великого князя Ивана Васильевича, всей великой России самодержца.

А сам Гришка начал плакать и королю говорить: «Слыхал ли ты про московского великого князя Ивана Васильевича, всея Руси самодержца, сколь был велик и грозен, во многих государствах был славен? А я сын его родной, князь Дмитрий Иванович. И как Божьим судом отца нашего на Российском государстве не стало, а остался на Московском государстве царем брат наш Федор Иванович всея Руси, а меня изменники наши сослали в Углич и не раз присылали многих воров и велели им порчу на меня наводить и убить меня. И Божьим произволением и его крепкой десницей укрывшей нас от их злодейских умыслов, хотящих нас злой смерти предать, и милосердный Бог не захотел исполнить их злокозненного помысла, и меня невидимою силою укрыл, и много лет сохранял, вплоть до нынешнего нашего возраста. И ныне я, возмужав, с Божьей помощью помышляю идти на престол прародителей своих, на Московское государство». И говоря это, проливает многие слезы. «А и то было тебе, милостивому королю, можно разуметь: как только твой холоп тебя, или брата твоего, или сына твоего убьет, каково тебе в те поры будет? Разумей по этому, каково ныне мне». И многое другое ему говорил и рассказывал.

Да то же говорили королю и называли Гришку царевичем Дмитрием Ивановичем Углицким пять братьев Хрипуновых, да Петрушка, человек Истома Михнева, да Ивашка Шварь, да Ивашка, что нас привел за рубеж, да киевляне, посадские мужики. И тот Гришка с князем Адамом Вишневецким отпросился у короля в Самбор.

И я королю про того Гришку говорил, что он не царевич Дмитрий, чернец он, Гришкою зовут, а прозвищем Отрепьев, а шел со мною из Москвы вместе. И король и паны радные мне не верили и послали меня к нему, к Гришке, в Самбор, к воеводе Сандомирскому к пану Юрию Мнишеку, и к ним лист обо мне писали. И как меня привезли в Самбор, и расстрига Гришка с меня платье иноческое снял и повелел меня бить и мучить. Да расстрига Гришка начал говорить и сказывать про нас, про меня и про сына боярского Якова Пыхачева, будто мы посланы от

царя Бориса для того, чтобы его убить. И того Якова Пыхачева тот расстрига и сандомирский воевода велели смертью казнить, а он, Яков, и перед казнью называл его расстригою Гришкой Отрепьевым. А меня, избив и мучив, велел заковать в кандалы и кинуть в тюрьму.

И августа в пятнадцатый день тот расстрига пошел войною к Москве, на Успенье пречистой Богородицы. <...>

Войско Лжедмитрия двигалось к Москве, фактически не встречая сопротивления; более того, к нему присоединились донские казаки, а позднее на его сторону целиком перешло московское войско. Антигодуновских настроений не утишили даже смерть Бориса в 1605 году и воцарение его сына Федора. Лжедмитрий рассылал по стране «грамоты», в которых обосновывал свои права

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.